

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ**

**ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ,
ЭТНОГРАФИИ, АНТРОПОЛОГИИ СИБИРИ
И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ**

ТОМ XII
часть II

Материалы Годовой сессии
Института археологии и этнографии СО РАН 2006 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ СО РАН
НОВОСИБИРСК 2006

ББК 63.2+63.5

П781

Утверждено к печати
Ученым Советом Института археологии и этнографии СО РАН

Ответственные редакторы:
Академик *А.П. Деревянко*, академик *В.И. Молодин*

Редакционная коллегия:
А.В. Бауло, В.Е. Медведев, О.И. Новикова,
С.П. Нестеров, И.В. Октябрьская, М.В. Шуньков

Исследования выполнены в рамках Программ фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям», «Происхождение и эволюция биосферы», Программы Президента РФ по поддержке ведущих научных школ, грантов РГНФ и РФФИ, интеграционных и молодежных проектов СО РАН и проекта Рособразования – РНП 2.2.1.1.2183

П 781 **Проблемы** археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2006 г.) – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. – Т. XII, часть II. – 196 с.

ISBN 5-7803-0155-7

ББК 63.2+63.5

© ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ СО РАН, 2006

**ВОПРОСЫ МЕТОДИКИ
И ОРГАНИЗАЦИИ ИССЛЕДОВАНИЙ**

ПРОБЛЕМЫ ТИПОЛОГИИ И КЛАССИФИКАЦИИ ПРЕДМЕТОВ ВООРУЖЕНИЯ ИЗ ОРГАНИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ*

Типология и классификация традиционно используются при изучении древних предметов вооружения. Однако для их изготовления используются органические и неорганические материалы, которые обладают совершенно различными, качественными характеристиками. Значение вещества и формы предметов принципиально для понятия типа в отечественной археологии [Щапова, 2000, с. 13].

В этой связи особого интереса заслуживают работы посвященные классификации предметов вооружения из органических материалов (дереву, кости, рогу, клыку, кожи, ткани). В 90-е годы XX века основное внимание было уделено “костяным” наконечникам. Публикация таких работ была во многом обусловлена не только накоплением значительного количества источников, но и процессом активного развития сибирского оружейведения в этот период.

Описание и классификация наконечников стрел из органических материалов стало не только частью характеристики общего комплекса древнего вооружения, но и самостоятельной темой исследований. Однако в изучении этой проблематики наметилось два подхода.

Один из них можно характеризовать как формально-типологический, когда основное внимание автора уделялось исключительно выделению и характеристике “типов” наконечников без анализа материала их изготовления [Сальникова, 1999, с. 150-156; Сальникова, 2002]. Таким образом, в центре внимания оказывалась только форма предмета, без изучения влияния на процесс формообразования особенностей строения, естественных размеров, структуры исходного материала (кости или рога).

В конечном итоге такой подход предопределен традиционным представлением о типе предмета, формирующегося, как результат изучения конкретных вещей, у которых “отнимаются” их индивидуальные черты [Щапова, 2000, с.90]. Не случайно, В.А. Городцов подчеркивал, что для преодоления определенных ошибок типологической классификации необходимо чаще обогащаться «многими опытами и наблюдениями» [Щапова, 2000, с. 13]. В классификациях, как правило, формально учитывается сырьевые

* Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта РГНФ № 06-01-00326а

и технологические особенности изготовления предмета. Поэтому, “не популярность” определенных сечений костяных наконечников неоправданно интерпретируется как производственный брак или как реконструкция уже использованного предмета [Сальникова, 2002, с.16]. На самом деле возможность изготовления того или иного сечения костяного наконечника во многом определяется природными особенностями мощности компактного вещества исходного сырья. Кроме того, среди так называемых “костяных” наконечников достаточно велико количество роговых изделий, выполненных преимущественно из цельного рога [Бородовский, Троицкая, 1994, с. 65, рис. 11/5,6; Бородовский, 1997, с. 89-91], а в единичных случаях и из костных стержней полого рога [Бородовский, 1989, с. 105; Бородовский, 1997, с.203, табл. 42/6].

Значительно большие возможности, получения информации открываются при анализе костяных наконечников, когда учитываются принципы функционально-технологической классификации [Калинина, Ленц, 1992, с.15,16]. Форма костяного наконечника зависела не только от его функционального назначения, но и от естественных особенностей строения исходной заготовки [Бородовский, 1989, с. 103-105; Троицкая, Бородовский, 1994, с.63, рис.7]. По справедливому замечанию Е.Ю. Гири, технология в отличие от типологии вскрывает часть причин связанных со способом изготовления предметов, благодаря которому они приобрели данную морфологию. Исследование взаимоотношений материала, назначения и формы предметов, безусловно, является актуальным для археологии [Щапова, 2000, с.130]. Для органических материалов (к которым относится кость и рог), строение которых является результатом определенной степени развития, такая закономерность является универсальной. В качестве примера можно привести устойчивые домостроительные стандарты деревянных конструкций Восточной Европы в пределах трех сажень (2,13 м x 3 м), связанные с незначительными перепадами толщины нижней части ствола спелой сосновой древесины [Громов,1985, с.321]. Размеры многих изделий древнего косторезного производства непосредственно зависят от этих природных параметров. Например, при изготовлении самых длинных костяных наконечников с эпохи раннего железа до эпохи средневековья максимальным стандартом длины изделия служила величина пястных костей лося. Исходя из этого параметра, формировались все остальные более мелкие стандарты костяных наконечников. Когда из одной кости изготавливались наконечники различных размеров [Калинина, Ленц, 1992, с. 16]. Существенное значение таких природных особенностей материала признается специалистами и для роговых дисковидных псалий эпохи бронзы [Кузнецов, 2004, с. 33]. В частности, менее значительные природные размеры оленьего рога в сравнении с лосиным повлияли на сравнительно небольшой размер синташтинских псалиев. Наиболее полное использование натуральной формы сырья (кость, рог) сохранялось в изготовлении предметов орудий труда вплоть до эпохи средневековья [Бородовский, 1990, с. 103-105; Флерова, 1996, с.301; Бородовский, 1997, с.44-50].

Рис. 1. Роговые пластинчатые заготовки для предметов вооружения

1 – двойная пластина из рога лося; 2 – полуторная пластина из рогового отростка; 3 – полуторная пластина из рогового ствола (ветви); 4 – полуторная пластина из рога лося; 5 – одинарная роговая пластина из рогового отростка; 6 – одинарная пластина из рогового ствола (ветви); 7 – одинарная роговая пластина из рогового разветвления; 8 – одинарная роговая пластина из рога лося (короновидный отросток роговой лопасти)

Для «костяных» панцирных пластин древности так же достаточно важно корректное определение исходного материала. Поскольку, трубчатая кость, цельный и полый рог, роговой чехол копыт обладают различными качествами, характеристиками и самое главное первоначальной природной формой. Трубчатая кость в основном годится для изготовления под прямоугольных пластин, ширина которых не может превышать 5 см., а длина может быть не более 20 см.

Цельный рог позволяет получать пластины (рис. 1) более значительных размеров и форм, величина которых может доходить до 30 x 60 см. Сходными характеристиками обладает роговой чехол полого рога, а вот его костный стержень близок по своим качествам к кости. Естественная форма внешнего края рогового чехла конских копыт имеет после раскроя чешуйчатые очертания [Бородовский, 1992, с. 34-41]. Защитные пластинки из внешней стенки кабаньих клыков имеют серповидную форму. Из кожи, ткани и войлока возможно изготовление защитного вооружения самых различных параметров и сочетаний материалов (кость, рог, металл

и другие материалы). Не менее важна структура органических материалов. Особое значение это имеет для дерева, кости, рога, клыка. Во всех случаях наиболее рациональным является использование в защитных целях естественной наружной, а не внутренней стороны материала. Для дерева это годовые кольца, обращенные во внутрь, для рога наружное компактное вещество, для клыка дентиновая поверхность, для кожи поверхностный слой дермы.

Исходя из этого, следует признать, что для предметов вооружения из органических материалов естественного происхождения влияние формы и структуры исходного материала более значительно, чем для аналогичных неорганических предметов. Исключением является кожа, для которой, так же как искусственных органических материалов (ткани, войлока) влияние исходной формы материала не так значительно как для выше упомянутых материалов.

Другой проблемой является интерпретация взаимных имитаций между органическими и неорганическими предметами древнего вооружения. Определенная последовательность причинно-следственных связей при воспроизводстве в роговых, костяных наконечниках их «металлических» прототипов и наоборот не так очевидна. Тем не менее, можно отчетливо фиксировать отдельные случаи отливки бронзовых наконечников по их костяным и роговым моделям [Бородовский, 1997, с. 217, табл. 56]. Такие факты далеко не единичны среди бронзовых предметов стрелкового вооружения скифского времени и требуют своего типологического «осмысления». В дополнение к этому следует отметить, что декорирование известное для целой серии роговых наконечников эпохи раннего железного века с юга Западной Сибири [Бородовский, 1997, с. 124, рис. 16] выявлено в последнее время на железных наконечниках стрел Аржана-2 [Чугунов, Парцингер, Наглер, 2004, с.9].

Таким образом, формальная типология и классификация древних предметов вооружения из органических материалов не позволяет дать адекватную характеристику этих предметов и нуждается в существенном уточнении целого ряда параметров естественной формы и структуры природного вещества.

Примечания

Бородовский А.П. Признаки структуры материала костяных и роговых наконечников и вопросы реконструкции технологии изготовления и сырьевых источников. // Актуальные проблемы методики западносибирской археологии. Новосибирск, 1989. – С. 103-105

Бородовский А.П. Экспериментальная реконструкция технологии изготовления панцирных пластин из лошадиных копыт, известной у сарматов по описаниям античных авторов // Экспериментальная археология. Выпуск 2. -Тобольск: Изд-во Тобольского пединститута, 1992. – С. 34 – 41.

Бородовский А.П. Древнее косторезное дело юга Западной Сибири. (вторая половина II тыс. до н.э.- первая половина I тыс. н.э.).- Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1997. -224 с.

Бородовский А.П., Троицкая Т.Н. Большеереченская культура лесостепного Приобья. Новосибирск, Наука, 1994. – 184 с.

Громов Г.Г. Крестьянское жилище //Очерки русской культуры XVIII века. Ч.1., М.,1985, – С.321.

Калинина И.В. Ленц Г.Г. Принципы функционально-технологической классификации костяных наконечников стрел. // Вторые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Ч. 2., Омск, 1992. – С. 15-16.

Кузнецов П.Ф. Реконструкция крепления конской узды по результатам изучения дисковидных псалиев Поволжья //Псалии. Элементы упряжи и конского снаряжения в древности. Археологический альманах № 15. Донецк., 2004. – С. 31 – 38.

Сальникова И.В. Костяные наконечники стрел из древнетюркских памятников Горного Алтая // Памятники культуры древних тюрков южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1999. – С. 150 – 156.

Сальникова И.В. Костяные наконечники стрел из комплексов Западной Сибири. Проблемы классификации и моделирования.

Автореф. дис.канд. ист. наук. 07.00.06. Новосибирск, 2002. – 24 с.

Флерова В.Е. Домашние промыслы в Саркеле-Белой Веже: По материалам коллекции костяных изделий. // Культура евразийских степей второй половины I тыс. н.э. Самара, 1996. – С. 301.

Чугунов К.В., Парцингер Г., Наглер А. Золотые звери из долины царей. СПб.: Изд-во Эрмитажа, 2004. – 16 с.

Щапова Ю.Л. Введение в вещеведение: естественнонаучный подход к изучению древних вещей. М.: Изд-во Московского гос. Ун-та, 2000. – 142с.

ПРОБЛЕМЫ В ИЗУЧЕНИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ТЕКСТИЛЯ

Археологический текстиль в России стал изучаться, начиная с XIX в. Однако это были в основном вопросы, связанные с определением красителей. Иногда давалось и более полное описание текстиля. В любом случае в этот период изучение текстиля из археологических раскопок не представляло собой целостной системы.

В 20-30 –ые годы XX в. большое внимание стало уделяться естественным методам изучения этого вида источника в рамках образованного в Ленинграде (ГАИМК) Института археологической (затем исторической) технологии. Попутно при изучении материала в целях идентификации и для атрибутирования древних тканей проводился материаловедческий и структурный анализ текстиля из Ноин-Улы. (Технологическое изучение..., 1932). В дальнейшем традиция технологического-археологического изучения текстиля была отчасти забыта в Ленинграде (Петербурге) в связи с закрытием в 1934 г. Института исторической технологии и переориентацией археологии с «вещеведения» на древнюю историю. Зато эта традиция ярко обнаружила себя уже в послевоенный период в Средней Азии, где стали проводиться полномасштабные археологические работы, в результате которых сформировался целый корпус источников такого вида, как археологический текстиль. Потребность в его изучении привела к тому, что к материалу обратился уже подготовленный специалист по археологическому текстилю, выходец из Института археологической (исторической) технологии В.Н.Кононов. Именно он заложил традиции тщательного материаловедческого анализа текстиля и сформировал целую школу, ярчайшим представителем которой стала Е.Ф.Федорович (Федорович, 1965; 1967 и др.). В основе этой школы лежала традиция естественнонаучного изучения текстиля.

Во второй половине 30-ых годов в истории в целом и в археологии в частности возобладали идеи исторического порядка. Это привело к осмыслению древнего текстиля не только как археологического, но, в первую очередь, как исторического источника – источника для изучения древнейших производств, экономических и культурных связей. Текстильные материалы включались в систему изучения древнейших производств как области древней истории.

В 60-ые годы исследователь из Польши А.Нахлик (Нахлик, 1963) очень подробно и профессионально исследовал археологические ткани из раскопок в Новгороде. Впервые в советской археологии исследование археологического текстиля осуществлялось на основе подробного технологического анализа. Это позволило так же широко применить историко-сравнительный анализ новгородского текстиля и средневекового западноевропейского. Широко использовался А.Нахликом метод реконструкции приспособлений для ткачества, способов обработки сырья, способов получения нитей пряжи, культурных и экономических связей. Остается только сожалеть, что исследователь такого уровня не создал школы по изучению текстиля в Советском Союзе. Однако его методиками, принципами исследования и подходами к анализу источника пользовались затем многие исследователи древнего текстиля: финно-угорских тканей I- начала II тыс. н.э. (Ефимова, 1966), тканей Старой Ладogi (Давидан, 1981), прибалтийских материалов (Зариня, 1957), пазырыкского текстиля (Руденко, 1968; Глушкова, 1994) и т.д.

Еще одна традиция – историко-культурного исследования древнего текстиля – сложилась в наиболее крупных музеях – ГИМе и Эрмитаже. Здесь на основе тщательного источниковедческого изучения фрагментов древних тканей были поставлены и широко освещались проблемы взаимодействия Древней Руси и Византии, Ближнего Востока, Западной Европы (М.Н.Фехнер, 1973; 1974 и др.), истории Великого шелкового пути (Е.И.Лубо-Лесниченко 1994, А.А.Иерусалимская, 1967; 1992 и др.).

Все эти традиции в большей или меньшей степени сохранились до современности. В сегодняшней археологии текстиль – один из актуальнейших источников. В работах последних лет выявились важнейшие вопросы археологических и исторических реконструкций.

На сегодняшний день существует несколько центров по изучению археологического текстиля: старые, уже сложившиеся с устоявшимися традициями – Москва и Петербург, где исследуются в основном музейные коллекции, отложившиеся там за прошедшие годы. Это Эрмитаж – А.А. Иерусалимская, Л.Л. Баркова, ГИМ – Н.И. Шишлина, О.П. Орфинская (Текстиль эпохи бронзы, 1999). Еще один центр по изучению текстильных материалов, в основном этнографических, сформировавшийся на основе в целом мало изученных коллекций уникального текстиля функционирует в Кунсткамере. Организатором и руководителем этого центра является ориенталист Е.Г. Царева. В Москве сложился весьма продуктивный центр по изучению древнего текстиля в традициях естественнонаучной школы под руководством химика В.П. Голикова (Голиков, 1984 и др.). Традиция материаловедческого и структурного анализа древнего текстиля с точки зрения возможностей его реставрации и консервации продолжается А.К. Елкиной (Елкина, 1986), которая прошла школу Е.Ф. Федорович – В.Н. Кононова. Однако не всегда во вновь создаваемых центрах используется опыт исследователей предшествующих поколений.

Среди новых центров – Новосибирск (Институт археологии и этнографии СО РАН), где с 1994 г. активно изучается пазырыкский текстиль плато Укок. Исследователем, объединившим вокруг себя специалистов разных направлений в области науки (химиков, историков, археологов, этнографов) является автор раскопок многих памятников эпохи раннего железа на Алтае Н.В.Полосьмак (Полосьмак, Баркова, 2005; Глушкова, 2000). Для этой школы характерно многоплановое междисциплинарное изучение текстильных археологических материалов.

История изучения археологического текстиля показывает, что наиболее информативным оказалось историко-технологическое направление. Работы, проводимые исследователями в этой плоскости, позволяют ставить и решать кроме специальных археологических также вопросы эволюции ткачества, развития ткацких центров, их взаимодействия. Особую роль здесь играет источниковедческий аспект исследований, на основе которого могут реконструироваться историко-культурные процессы в древности.

Что касается проблем, то совершенно очевидно, что современное состояние изученности археологического текстиля позволяет отметить потребность в специалистах, которых можно посчитать по пальцам. На сегодняшний день не существует специальной программы подготовки таких специалистов, которые в равной степени хорошо должны владеть знаниями и умениями ткача-технолога и археолога (историка древности). Наиболее значимую роль в изучении древнего текстиля сейчас играют реставраторы, обладающие необходимыми знаниями о структуре полотна, химии, а также специалисты по истории Востока. Практика показывает, что, как правило, специалисты естественнонаучного направления дают профессиональную информацию о сырье, красителях, его структуре текстиля. Однако эта информация требует специальных методик перевода на язык археологии и истории. Плодотворно оказалось тесное взаимодействие специалистов разных направлений и школ, как в случае с Новосибирским центром, которые помогают друг другу «переводить» данные наук с одного языка на другой.

Совершенно очевидно в связи с этим, что будущее за комплексными центрами, где будут взаимодействовать традиции междисциплинарных научных исследований. Сейчас ясно, что для качественного изучения текстильных материалов специальные анализы на сырье и красители должны делать специалисты – химики в специализированных лабораториях. Основываясь на этих данных, специалисты по древнему текстилю смогут продолжить исследования материаловедческого характера, переходя затем на этап структурного анализа, реконструкции и сравнительно-исторического изучения. Методики подобного анализа хорошо известны, неоднократно опубликованы в литературе и вполне применимы на современном уровне развития науки.

Однако проблема в том, что специалисты в области археологического текстиля совсем не выпускаются. Для их подготовки необходима пол-

ноценная экспериментальная программа, которая сможет позволить «почувствовать» предмет, овладеть логикой ткача. Только на основе серьезных экспериментальных исследований возможна разработка специальных методик реконструкции моделей станков, приспособлений и способов изготовления текстильных полотен, реконструкции всего технологического процесса древнего ткачества по источникам – фрагментам текстиля. Разработка подобных методик поможет применить их для обработки массового материала разных периодов с различных территорий.

Все эти вопросы связаны с необходимостью историографического обобщения имеющихся на сегодняшний день в археологии и истории достижений для использования уже имеющегося опыта как отечественного, так и зарубежного.

В археологической практике, в том числе и в западносибирской, накопился значительный корпус источников для изучения древнего текстиля. Они требуют пристального внимания исследователей-специалистов, обобщения, сравнения для создания широкого полотна эволюции ткацкой технологии в Евразии с древности вплоть до начала XX в. Можно сказать, что такая работа начата, и она показывает, что все известные археологические текстильные материалы необходимо коррелировать в синхронном и диахронном аспектах. В древности между различными ткацкими центрами существовали самые разнообразные связи, для изучения которых очень важен опыт ориенталистов, археологов, этнографов, историков .

Примечания

Глушкова Т.Н. Традиции изготовления пазырыкских тканей //Феномен алтайских мумий. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2000. С.158-161.

Голиков В.П. Возможности современных аналитических методов при исследовании археологического текстиля //Исследование, консервация и реставрация археологических находок: Тезисы докладов. Киев, 1984. С.18-19.

Давидан О.И. Ткани Старой Ладogi //АСГЭ. 1981. Вып.22. С.100-113.

Елкина А.К. О тканях и золотном шитье из Соколовой могилы //Приложение к книге Г.Т.Ковпаненко «Сарматское погребение I в. н.э. на Южном Буге». Киев: Наукова думка, 1986. С.132-135.

Ефимова Л.В. Ткани из финно-угорских могильников I тыс.н.э. //КСИА. 1966. №107. С.127-134.

Зарния А.Э. Нукшинский могильник //МИА по археологии Латв. ССР. Рига: Наука, 1957. Т.1.

Иерусалимская А.А. О северо-кавказском «шелковом» пути в раннем средневековье //СА. 1967. №2. С.55-78.

Кононов В.Н. Технологическая характеристика тканей из Ильмовой пади //СА. 1946. Т.8. С.69-72.

Лубо-Лесниченко Е.И. Китай на шелковом пути. М: Восточная литература, 1994. – 231 с.

- Нахлик А.** Ткани Новгорода //МИА. 1963. № 123. С.228-253.
- Полосьмак Н.В., Баркова Л.Л.** Костюм и текстиль пазырыкцев Алтая (IV – III вв. до н.э.). Новосибирск: ИНФОЛИО, 2005. 231 с.
- Руденко С.И.** Древнейшие в мире художественные ковры и ткани из оледенелых курганов Горного Алтая. М:Искусство, 1968. – 135 с.
- Текстиль** эпохи бронзы евразийских степей: Труды ГИМ. 1999. Вып. 109. -253 с.
- Технологический** анализ материалов из раскопок в Монголии. Ткани //ИГА-ИМК. Л., 1931-1932. Вып.7-9. Т11. С.1-107.
- Федорович Е.Ф.** Методика исследования археологических тканей //СА.. 1965. №4. С.124-133.
- Федорович Е.Ф.** Методы исследования окраски археологических и этнографических тканей в приложении к текстильным изделиям Средней Азии прошлых эпох. Автореф. дис. канд. хим.наук. Ташкент, 1972.
- Фехнер М.В.** Шелковые ткани как источник для изучения экономических связей Древней Руси //История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М:Наука, 1971. с.207-227.

НАБЛЮДЕНИЯ ЗА ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫМИ ПЛОЩАДКАМИ ПО РАСЩЕПЛЕНИЮ КАМНЯ*

За последние годы по программе экспериментальных исследований, на базе археологических экспедиций на Алтае, Дальнем Востоке и на севере Западной Сибири проводились наблюдения за распространением артефактов на рабочих площадках по первичному расщеплению камня. В числе задач исследования стояло и выделение особенности планиграфии распространения артефактов в зависимости практического опыта операторов.

В настоящей предварительной публикации отображены работы на семи специально оборудованных экспериментальных площадках, которые представляли собой очищенные от растительности квадратные участки почвы с размерами от 1,5x1,5 м. до 1,7x1,7 м. В качестве инструментов для расщепления использовались два вида каменных отбойников (тяжелый и легкий), «орудие В» (предназначенное для удаления «карнизов»), в некоторых случаях применялись вспомогательные отбойники из рога лося и оленя. Использованными материалами для расщепления были, в основном, эффузивными, дайковыми и осадочными породами (песчаники и алевролиты), роговиками.

Перед операторами ставилось две задачи. Первая – проба/отбраковка сырья. Вторая задача – изготовление пренуклеуса. В процессе расщепления/отбраковки удалялось 50-70% первоначального объема сырьевого блока. Системных снятий производилось от 30 до 80 (в зависимости от первоначальной формы, объема, качества сырья и опыта оператора).

После работ по расщеплению камня было произведено наблюдение за расположением различных видов артефактов на экспериментальных участках, выявление закономерностей их относительного взаиморасположения и общего распространения по площади.

Сравнительный анализ позволил, в частности, разделить семь площадок на две группы:

1. Площадки, где работал относительно опытный оператор («мастер») (рис. 1: 2,3,5).
2. Площадки, где работали не столь опытные «ученики» (рис. 1: 1,4,6,7).

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ 04-01-00048а и по проекту «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям» (№ 2.2.2. ПСО № 98).

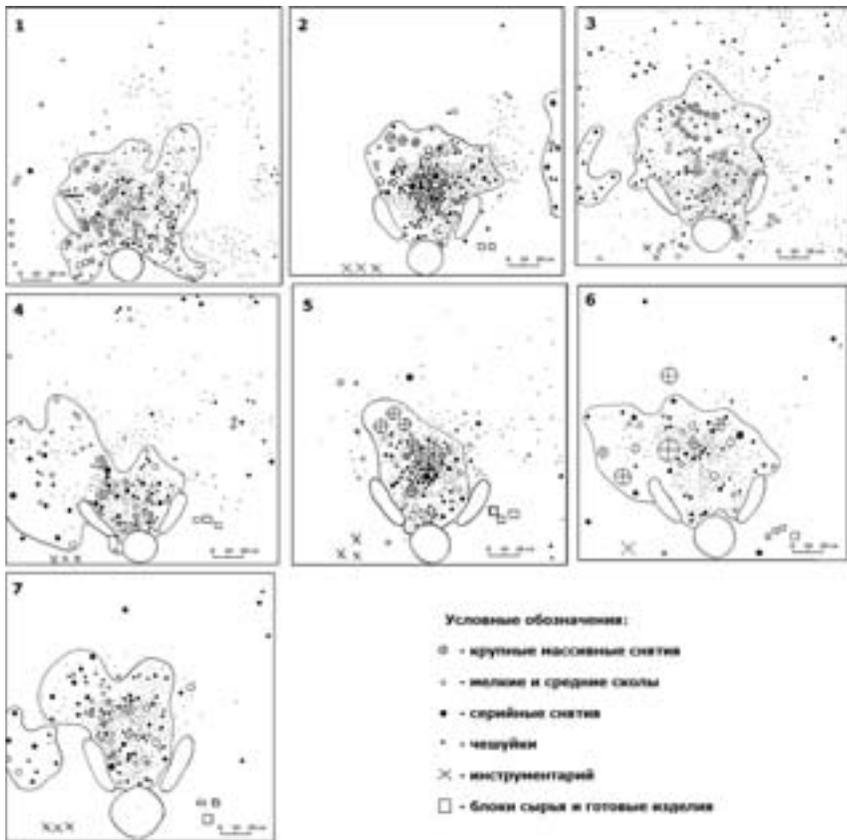

Рис. 1.

На основе совокупного анализа данных и ряда других экспериментов были выделены следующие *схематические* планиграфические признаки типичной «площадки мастера» (рис 2: 1):

1. сравнительная компактность основной линзы скопления отходов производства;
2. дислокация наиболее крупных снятия на относительно удалении от местоположения ступней оператора;
3. организация рабочего пространства (местоположение инструментария, сырья и готовых изделий) эргономична и упорядочена;
4. отбракованные снятия сконцентрированы в центре основной линзы скопления отходов.

В числе *схематических* признаков типичной «площадки ученика» (рис. 2: 2) можно перечислить следующее:

1. сравнительная рассеянность основной линзы скопления отходов расщепления;

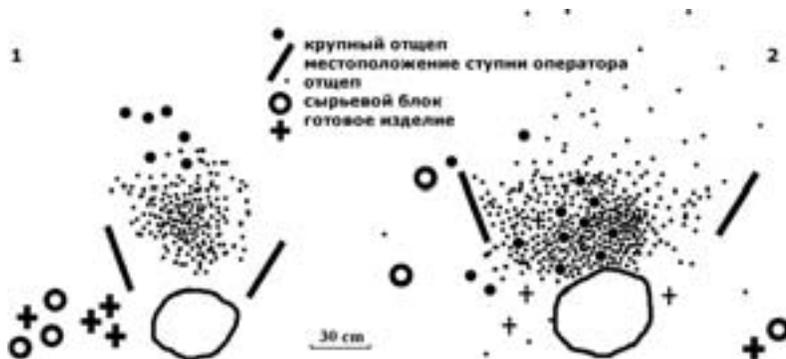

Рис. 2.

2. концентрация крупных снятий производилась в непосредственной близости к сидению оператора (несоблюдение техники безопасности);
3. рабочее пространство площадки организовано не всегда логично;
4. отбракованные снятия не составляют компактной по концентрации группы артефактов.

Можно уверенно предположить, что главным отличительным признаком рабочих площадок «мастера», в первую очередь, является именно компактность основной линзы скопления отходов расщепления. Опытный оператор всегда заметно более точно рассчитывает силу удара отбойником, что не приводило к рассеиванию снятий на широких площадях. Косвенными свидетельствами можно считать оптимальную организацию рабочего пространства (его эргономичность) и признаки обязательного соблюдения оператором основ техники безопасности. Перечисленные признаки, как показал опыт многолетних наблюдений, являются стабильными.

Использование экспериментального метода в исследованиях по планиграфии рабочих площадок представляется перспективным. Особым направлением дальнейших исследований может стать корреляция технологического и планиграфического анализа археологических и экспериментальных материалов. Полученные результаты исследований могут быть использованы при выделении рабочих зон археологических памятников, при интерпретации планиграфических ситуаций и при реконструкции условий обитания человека и его производственной активности в древности. Более того, выделение из материалов археологических коллекций серий артефактов отображающих результаты деятельности наиболее опытной группы операторов будет способствовать более объективному и аргументированному выделению наиболее характерных результатов работы и признаков использования той или иной технологии обработки камня на каждом из изучаемых археологических объектов.

*А.П. Деревянко, В.И. Молодин, Ю.С. Худяков,
Л.В. Лбова, Е.Э. Войтишек, С.Г. Скобелев*

**ПЕРВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ СОВМЕСТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ИАЭТ СО РАН И НГУ В РАМКАХ АНАЛИТИЧЕСКОЙ ЦЕЛЕВОЙ
ПРОГРАММЫ ФЕДЕРАЛЬНОГО АГЕНТСТВА ПО ОБРАЗОВАНИЮ
«РАЗВИТИЕ НАУЧНОГО ПОТЕНЦИАЛА ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ
(2006–2008 годы)»**

В 2005 г. на смену Федеральной целевой программе (ФЦП) «Интеграция», внесшей значительный вклад в развитие процессов взаимодействия фундаментальной науки и высшего образования, пришла новая программа Федерального агентства по образованию «Развитие научного потенциала высшей школы», рассчитанная на срок 2006–2008 гг. Институт археологии и этнографии СО РАН (ИАЭТ) и Новосибирский государственный университет (НГУ) в 2006 г. приняли активное участие в выполнении задач этой программы в рамках совместного проекта «Развитие механизма интеграции фундаментальных исследований и образовательной деятельности в рамках учебно-научного центра НГУ и ИАЭТ по специальностям «Археология», «Этнография» и «Востоковедение» (рук. – акад. В. И. Молодин). Цель проекта – развитие процессов интеграции фундаментальной науки и высшего образования как важнейшего фактора сохранения и развития в новых экономических условиях системы подготовки кадров [Молодин, 2004]. Учебно-научный центр (УНЦ), созданный в рамках ФЦП «Интеграция» еще в 1998 г., уже накопил определенный опыт внедрения достижений фундаментальной науки в образовательный процесс в области подготовки специалистов-археологов и этнографов [Молодин, Худяков, Зуев, Скобелев, 1999; Молодин, Новикова, Скобелев, Худяков, 2000; Добрецов, Диканский, Молодин, Попов, Шведенков, 2001; Деревянко, Молодин, Худяков, 2003]. На данном этапе работы произошло заметное расширение специализированной направленности работы центра и в структуру УНЦ вошла кафедра востоковедения НГУ. В ИАЭТ был создан специальный научно-образовательный отдел, который способствует работе УНЦ по его основным направлениям.

Главными из результатов 2006 г. следует считать достижения в сфере фундаментальной науки. В области археологии ими стали новые материалы, позволяющие уточнить ряд положений гипотезы о времени и условиях первоначального освоения человеком территории Сибири (на основе изучения палеолитических памятников Центральной Азии и Алтая, включая Денисову Пещеру), выявить условия и формы адаптации на территории Сибири, а также частично Центральной и Восточной Азии (по раскопкам курганов скифского времени, гуннских погребений с тер-

ритории Монголии и сопредельных районов, погребений ранней бронзы с территории Западной Сибири, археологических памятников средневековых кочевников Южной Сибири и т. д.), установить закономерности формирования древнейших культур, реконструировать детали процессов становления социумов в переходную от бронзы к железу эпоху. Получены определенные результаты в работе по созданию единой хронологической шкалы для культур раннего и развитого железа Сибири и Центральной Азии, выявлению особенностей этногенеза и этнокультурной истории, экологии и форм жизнеобеспечения, мировоззрения и религии народов Евразии.

Так с участием сотрудников УНЦ была организована состоящая из двух полевых отрядов международная экспедиция в Монголию с целью изучения захоронений пазырыкской культуры и гуннского времени. С российской стороны (рук. – акад. В. И. Молодин) в ней участвовали ИАЭТ, с немецкой – Германский археологический институт (рук. проекта – президент института, проф., почетный доктор СО РАН Г. Парцингер), со стороны Монголии – Институт археологии Монголии (рук. – директор, проф. Д. Цэвээндорж). Одна из изученных в Монгольском Алтае могил оказалась уникальной даже для погребальных комплексов пазырыкской культуры на Укоке. Здесь обнаружены две лошади и погребенный – взрослый мужчина в полном вооружении и одежде. Судя по лошадиной упряжи (предметы из дерева, фигурки грифонов, подвески) комплекс явно относился к позднему этапу пазырыкской культуры (конец IV–III вв. до н. э.). В состав полевого отряда входили также сотрудники из Института криосферы Земли (мерзлотовед) и Института цитологии и генетики СО РАН, благодаря чему удалось взять пробы не только на генетику, но и на микробиологию – этого до сих пор никто в мире не делал.

В области этнографии в ходе полевых работ получены значительные объемы новых материалов, относящихся к культурам народов Южной Сибири, а также групп потомков переселенцев из-за Урала – украинцев, немцев, мордвы и др. Выполнен ряд научных разработок, касающихся пищи, одежды и архитектуры различных групп современного населения.

Поскольку востоковедческая тематика, предлагаемая к разработке в рамках УНЦ, лежит, в основном, в русле археологии или этнографии, то и соответствующие исследования по народам Монголии, Китая, Кореи и Японии выполнялись по данным направлениям.

Вышли из печати две монографии, посвященные актуальным проблемам археологии Сибири и Центральной Азии [Худяков, 2006; Богданов, 2006]. В настоящее время готовится и третья, а в перспективе на 2007 г. – еще не менее 4 монографий. Несколько статей опубликовано в рецензируемых научных изданиях. В НГУ подготовлен и издан выпуск «Вестника НГУ», включенного в перечень ВАК для публикации основных научных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора наук. В настоящее время готовится еще один выпуск «Вестника». В этих выпус-

ках размещены и две крупные статьи, посвященные анализу опыта работы УНЦ за последние годы. К защите подготовлены 2 кандидатские и 1 докторская диссертации.

В научно-прикладной сфере одним из важных направлений в деятельности УНЦ стало осуществление натуральных реконструкций комплексов вооружения народов Южной Сибири, Восточной и Центральной Азии. Реконструкции выполняются по материалам археологических раскопок, данным иконографии и образцам из музейных собраний. Эта работа позволяет уточнить и даже впервые выяснить многие неизвестные факты относительно технологии производства и способов сборки деталей защитного вооружения, а также его эксплуатационных качеств. Так полностью воссоздан в натуральную величину комплекс защитного вооружения воина-чжурчжэня XII–XIII вв. и его коня. Выполнена и натурная реконструкция шлема турецкого типа, широко использовавшегося русскими землепроходцами Сибири в XVI–XVII вв. Авторы обеих реконструкций – к. и. н. Л. А. Бобров и студент НГУ Ю. А. Филиппович.

Вторая важнейшая сфера деятельности УНЦ – научно-образовательная. Высокий уровень создания образовательных моделей достигался за счет максимального привлечения ведущих ученых (включая двух академиков РАН). Темы курсовых работ, дипломов и диссертаций сформированы в соответствии с планами фундаментальных исследований центра. Начата деятельность по обновлению учебных программ [Лбова, 2006; Чикишева, 2006]. Студентам и аспирантам в разных формах в рамках УНЦ выделены гранты на общую сумму более 60 тыс. руб. Велась и работа по повышению квалификации аспирантов, молодых ученых и преподавателей. Так, в августе была проведена «Сибирская археологическая полевая школа» совместно ИАЭТ, НГУ и Красноярским госпедуниверситетом (КГПУ), ориентированная на обучение новейшим технологиям и практическим навыкам полевых, экспериментальных и камеральных археологических исследований. Участники школы – студенты, аспиранты вузов и научных учреждений Сибири и Дальнего Востока, а также стран СНГ (г. Владивосток, Чита, Улан-Удэ, Красноярск, Кемерово, Барнаул, Новосибирск, Минск), научные сотрудники ИАЭТ, преподаватели и сотрудники НГУ, КГПУ, Хакасского госуниверситета. Специально для школы были изданы 5 пособий по современным методам поиска и исследования археологических объектов и экспериментальной археологии (авторы – научные сотрудники и преподаватели ИАЭТ, НГУ и КГПУ д. и. н. П. В. Волков, к. и. н. А. В. Постнов, Е. Г. Вергунов, к. и. н. С. Г. Скобелев, д. г. – м. н. В. П. Чеха, к. и. н. В. И. Макулов, к. и. н. А. Л. Заика). Активное участие в организации и проведении школы принял ректор КГПУ проф. Н. И. Дроздов – автор одного из пособий, в целом, работа школы всеми участниками была оценена как первый положительный опыт, который следует тиражировать и развивать.

Студенты и аспиранты НГУ приняли активное участие в работе Региональной археолого-этнографической конференции (РАЭСК), проходившей в марте в г. Красноярске. Эта конференция стала триумфальной для нашей студентов, завоевавших большинство дипломов за лучшие доклады [Триумф..., 2006]. Поездка делегации студентов НГУ на РАЭСК была полностью оплачена из средств УНЦ. Также успешно поработали наши студенты и аспиранты и на подсекциях Международной научной студенческой конференции (МНСК), проходившей в апреле на базе НГУ. Финансирование работы профильных секций МНСК осуществлялось, в том числе, за счет средств УНЦ [Материалы..., 2006а; Материалы..., 2006б]. Одним из важных результатов деятельности УНЦ стало и участие в возрождении в последние два года работы научного студенческого общества (НСО) на гуманитарном факультете НГУ. В частности, вышел из печати второй в истории факультета сборник научных трудов студентов, работающих в составе НСО [Вестник..., 2006]. Значительная часть публикаций в сборнике выполнена студентами-археологами, этнографами и востоковедами.

В июне успешно прошли защиты дипломных работ выпускников НГУ, специализировавшихся по археологии и этнографии. Многие из них получили рекомендации для поступления в аспирантуру, для участия во Всероссийском конкурсе на лучшую студенческую научную работу, для публикации отдельных частей из дипломных сочинений. В настоящее время некоторые из них поступили в аспирантуру НГУ и ИАЭТ, а также проходят стажировку в зарубежных вузах.

Значительный объем работы проведен и в области развития международных связей. Они осуществлялись в разных формах и по различным научным направлениям. В частности, в зарубежных вузах и научных учреждениях члены коллектива УНЦ проходят стажировки и читают спецкурсы, а в НГУ работают иностранные преподаватели. В области востоковедения такое сотрудничество с Японским Фондом осуществляется уже в течение 7 лет. Аналогичное сотрудничество с Корейским Фондом осуществляется в течение 4-х лет. В мае в г. Иркутске состоялся семинар по проблемам развития корееведения в вузах при участии Корейского Фонда и посольства Республики Корея, в работе которого активно участвовали и представители НГУ. Осуществляется обмен студентами на стажировки по востоковедной тематике на срок от полугода до года с рядом вузов – Университетом Тояма (Япония), Университетом иностранных исследований Хангук и Университетом Ачжу (оба – Корея) и др. В мае подписан Договор о сотрудничестве по востоковедческой тематике с Харбинским государственным политехническим университетом (КНР).

В целях обеспечения непрерывности подготовки специалистов осуществлялась работа со школьниками ряда учебных заведений гг. Новосибирска, Красноярска, пос. Ермаковское и др. Эта деятельность велась в форме организации и курирования школьных археологических кружков. Одним из ее результатов стало успешное поступление в НГУ в 2006 г. не-

скольких выпускников средних школ, работавших в рамках таких кружков и в составе полевых археологических отрядов УНЦ. Продолжалась активная научно-популяризаторская работа (в виде чтения лекций, сотрудничества с краеведческими музеями и т. д.).

Проведено укрепление материальной базы проекта. В этих целях приобретены приборы, материалы и оборудование для полевых и лабораторных исследований.

В целом, в 2006 г. деятельность по проекту осуществлялась в полном соответствии с требованиями Технического задания. Выполнен значительный объем работы по всем направлениям. Получен богатый опыт в координации совместной работы институтов РАН и вуза. Успешный опыт работы УНЦ позволяет надеяться на заметное повышение качества подготовки специалистов-гуманитариев в НГУ.

Примечания

Богданов Е. С. Образ хищника в пластическом искусстве кочевых народов Центральной Азии. – Новосибирск: Наука, 2006. – 240 с.

Вестник Клио. Труды гуманитарного факультета. Серия II. Сборники научных трудов. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2006. – 204 с.

Деревянко А. П., Молодин В. И., Худяков Ю. С. Перспективы подготовки специалистов по археологии на гуманитарном факультете НГУ // Вестник НГУ. Серия: история, филология. – Т. 2. – Вып. 3. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2003. – С. 5–9.

НГУ и СО РАН в программе «Интеграция» / **Добрецов Н. Л., Молодин В. И., Диканский Н. С., Попов Ю. Н.** – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2001. – 185 с.

Лбова Л. В. Первобытная культура. Учебная программа и методические рекомендации. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2006. – 16 с.

Материалы XLIV Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс». Археология и этнография. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2006а. – 184 с.

Материалы XLIV Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс». Востоковедение. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2006б. – 170 с.

Молодин В. И. О путях совершенствования интеграции институтов Новосибирского научного центра СО РАН и вузов Новосибирска // Наука в Сибири. – № 47 (декабрь, 2004 г.).

Молодин В. И., Новикова О. И., Скобелев С. Г., Худяков Ю. С. Опыт подготовки молодых специалистов в деятельности совместного сибиреведческого учебно-научного центра по специальностям «Археология» и «Этнография» Новосибирского государственного университета, Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН на первом этапе функционирования ФЦП «Интеграция» (1998–2000 гг.) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. VI. Материалы Годовой юбилейной сессии Института археологии и этнографии СО РАН. Декабрь 2000. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000. – С. 567–576.

Молодин В. И., Худяков Ю. С., Зуев А. С., Скобелев С. Г. Первые результаты деятельности совместного сибиреведческого учебно-научного центра по специальностям «Археология» и «Этнография» Новосибирского государственного университета и Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. V. Материалы VII Годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. Декабрь 1999. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1999. – С. 664–668.

Триумф гуманитариев // Университетская жизнь. – № 4 (615) (апрель, 2006 г.).

Худяков Ю. С. Археология Южной Сибири хунно-сяньбийской эпохи. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2006. – 130 с.

Чикишева Т. А. Основы антропологии. Учебная программа и методические рекомендации. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2006. – 22 с.

НАУЧНО-РЕСТАВРАЦИОННЫЕ РАБОТЫ В МУЗЕЙНОМ КОМПЛЕКСЕ ИАЭТ СО РАН

Научно-реставрационные работы в музейном комплексе ИАЭТ СО РАН включали в себя мероприятия по консервации археологической древесины, археологических памятников, размещенных на территории Историко-архитектурного музея ИАЭТ СО РАН, комплексных научно-реставрационных исследований уникального памятника архитектуры Спасской церкви из Зашиверска. Работы выполнялись при поддержке РГНФ, проект № 06-01-18079 е.

На специальном оборудовании в Криогенном корпусе ИЯФ СО РАН в течение года произведена обработка консервирующими растворами 70 бревен, плах и досок от пяти срубов погребальных сооружений из мерзлотных курганов плато Укок в Горном Алтае и республики Тыва. Один из срубов восстановлен в экспозиции Музея истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока.

Для сохранности каменных изваяний, располагающихся на территории музея под открытым небом, разработана специальная методика, включающая гидрофобизацию почвы и поверхности камней, удаление наслоений, заделку трещин, обработку поверхностей химреактивами для обеспечения биозащиты, укрепление красочного слоя.

Проведен контроль за состоянием древесины, сезонные и текущие регламентные работы на здании Спасской церкви из Зашиверска. Визуальный осмотр всех оригинальных деталей конструкции самой церкви и колокольни, технико-технологический и сравнительно-типологический анализы показали следующее.

Древесина лиственницы для изготовления срубов отобрана заготовителями самого высокого качества. Соблюдены все условия заготовки материала в определенное время, сушки в надлежащих условиях до необходимого состояния. Видимо, большая часть бревен была заготовлена в одном месте и в одно время. Более точную картину времени заготовки каждого бревна и относительное время сооружения всего здания церкви можно будет определить после полного комплекса дендрохронологических исследований отобранных керновых проб с каждого бревна.

Тщательность обработки каждого бревна указывает на высокую квалификацию, мастерство и большой опыт плотников. Бревна подбирались практически одного диаметра и длины. Формирование в венцы происходи-

ло по классической схеме: вершина – комель. Рубка угловых сопряжений, оформление торцов и отеска стен изнутри производились топором, отеска и оформление лемехов маковок осуществлялись при помощи топора и тесла.

Традиции вязки бревен в углах срубов и отески их в углах с закруглениями «в лас» уходят корнями в далекое прошлое и, как это не покажется странным, находят аналогии в строительстве срубов погребальных сооружений скифского времени (Аржан 2, погребение 5, внутренний сруб в Туве; Пазырык 5, внутренний сруб на Алтае).

В настоящее время новые конструкции (вставки в сруб церкви, галерея) разрушают цветовое единство здания и подвержены поражению биоразрушителями – жуками-точильщиками и плесневыми грибами. Вследствие этого выработан комплекс мероприятий по защите конструкций и восстановлению визуального единства памятника, включающий тонировку нового дерева в цвет, гармонирующий с цветом старой древесины в сочетании с антисептированием и повышением атмосферостойкости. Для дезинфекции и укрепления древесины рекомендованы природные смолы (канифоль, даммару, шеллак, мастикс на органических растворителях), антисептики «Пентабос», «Древотокс», «Супромит», «Супрозоль», «Ксиламон», 3-5% растворы тимола на спирте, 1-2% спиртовые растворы катамина АБ, растворы п-дихлорбензола. После антисептирования летные отверстия в древесине заделываются шпатлевкой, содержащей 2 массовые части пчелиного воска, 2 части канифоли с добавлением гипса, пигмента и скипидара.

Тонирование новых конструкций особое значение имеет для создания цветового единства интерьера Спасской церкви, поскольку здание реконструировано с введением в старый сруб определенного количества частей новых бревен – «протезов», цвет которых резко контрастирует с основным срубом. Благодаря слабому воздействию внутри здания атмосферных факторов, цвет нового дерева сохраняется более длительное время, чем в экстерьере сооружения. Имеющиеся в стенах врубки, наличие волоковых окон, закопченность стен и опубликованные данные [Окладников, Гоголев, Ащепков, 1977, с. 146] позволяют реконструировать печь в трапезной церкви как печь «по-черному». Печь занимала левый угол, в общей сложности около 2,5 – 3 кв. м площади пола. Между северной стеной и печью находился деревянный голбчик в виде заборки-шкафа с лазом в подклет.

Иконостас тяблогового типа занимал всю восточную стену церкви. Судя по материалам метрики Бердникова, опубликованной в книге «Древний Зашиверск» [Они же, с. 147-150] в Индигирскую церковь после упразднения Зашиверска были вывезены иконы, которые составляли в Спасской церкви три ряда икон – местный, деисусный, праздничный. В силу небольшого размера алтаря двустворчатые царские врата были невелики и находились смежно с дверью в жертвенник, между ними располагались икона Богородицы и чтимая в приходе икона, предположительно – свт. Николая или Спаса Нерукотворного образа, составляющие местный ряд. Справа от царских

врат размещалась икона Спасителя. На северной двери была помещена икона св. Архистратига Михаила. На цельных полотнищах царских врат размещались образы св. Василия Великого и св. Иоанна Златоуста. Над царскими воротами находилось изображение Саваофа на доске с ангелами по бокам. На дверцах врат вверху – икона Благовещения. Согласно канону в деисусном ряду в стогом порядке располагались иконы Святителей, св. Иоанна Златоуста, св. Апостола Петра, св. Архангела Гавриила, Богоматери, Христа на престоле, св. Иоанна Крестителя, св. Архангела Михаила, св. Апостола Павла, св. Василия Великого, Святителей. Вероятно, в Индигирской церкви из этого перечня сохранилась икона Всемилоственного Спаса на холсте. Праздничный ряд составляла икона двенадцати праздников с изображением в середине образа Спаса, как указано в метрике Бердникова, длиной 7 аршин (4,97 м) и шириной 7 вершков (31,15 см). Деревянный жертвенник был устроен в одном помещении с алтарем, его высота около 1 аршин 5,5 вершков (95,5 см), ширина 13 вершков (57,9 см). Над восточным окном алтарной части находилась икона Богоматери. Таким образом, проведенные исследования позволяют провести строительные работы по реконструкции интерьера церкви.

Проведенный реставрационный мониторинг экспонатов и объектов музея под открытым небом позволил выявить основные перспективы и направления дальнейшей деятельности: конструкции погребений подготовлены к длительному хранению и экспонированию, разработаны методики по консервации и биозащите, выявлены основные приемы деревообработки, подготовлены материалы для воссоздания интерьера церкви.

Примечания

Окладников А.П., Ащепков Е.А., Гоголев З.В. Древний Зашиверск. Древнерусский заполярный город. М., 1977.

КУЛЬТОВЫЕ ОБЪЕКТЫ НА ПОСЕЛЕНИЯХ: ТЕРМИНОЛОГИЯ И ИДЕНТИФИКАЦИЯ*

Идентификация и интерпретация археологических объектов, связанных с ритуальной практикой на территории поселений, имеют свою специфику и сложность. Разделить повседневную жизнь традиционного общества на сакральную и обыденную сферы проблематично: все, или почти все действия ритуализированы, а большинство предметов и объектов (как рукотворных, так и естественных), наделено той или иной сакральной функцией. «Любой храм – жилище, пусть даже только жилище бога, любой дом – особенно тот, в котором есть очаг – храм» [Балакин, 2004, с. 43]. В архаических культурах «ритуал составляет *центр* жизни и деятельности, ... он пронизывает всю жизнь, определяет ее и строит новые ее формы, преодолевая попутно все, что этому препятствует или угрожает» [Топоров, 1988, с. 22].

Если ритуал являлся основой жизни и мировоззрения традиционных обществ, то на территории поселений должны фиксироваться следы совершения этих регулярных ритуалов в виде археологических объектов, имеющих определенные признаки. Но, в процессе археологического изучения возникает парадокс: большинство поселенческих объектов (постройки, ямы, очаги и т.д.) интерпретируются исследователями как жилые, хозяйственные или производственные, а объекты, имеющие аналогичные признаки и параметры, но обнаруженные на могильниках – как культовые. Происходит это оттого, что сакральность предметов и комплексов, связанных со смертью, обрядом и местом погребения практически ни у кого не вызывает сомнений. В то время, как ритуальный характер археологического объекта на поселении необходимо еще доказать, расшифровывая и иллюстрируя археологические факты посредством мифологических и этнографических источников. В свою очередь, этот корпус данных требует дополнительной процедуры критики и систематизации, иначе возникает опасность механического соединения разнородных фактов, имеющих определенное внешнее сходство, но абсолютно различную природу происхождения. Преодоление разрозненности археологических, этнографических и мифологических источников при изучении культовых объектов и реконструкции древнего мировоззрения – еще одна задача,

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 06-01-65105а/Т, гранта Президента РФ НШ-6568.2006.

которую можно решить, используя междисциплинарный подход, базирующийся на религиоведении [Балакин, 2004, с. 38-40].

Все перечисленные методические проблемы должны решаться целенаправленно и последовательно. В данной работе предлагается рассмотреть только один аспект, связанный с разработкой универсальной терминологии культовых объектов и их идентификации на поселениях.

Одна из развернутых терминологий для культовых памятников была предложена А.В. Тиваненко: *священное место* (географический объект – гора, роща, перевал и др.), *святилище* (культовое место), *жертвенник*, *жертвоприношение* [Тиваненко, 1989, с. 5-6]. Данная терминология отражала иерархию культовых объектов, включавшихся один в другой: жертвоприношение совершается на определенных местах – жертвенниках (очаг или кострище, холм, алтарь, яма), комплекс жертвенников является святилищем (культовым местом), святилище, в свою очередь, является одним из атрибутов священного места. При этом *святилище* и *культовое место* различались в зависимости от времени функционирования: святилище – долговременный комплекс, культовое место – комплекс недолговременных ритуальных объектов [Тиваненко, 1989, с. 5].

Перечисленные дефиниции использовались в дальнейшем другими исследователями, хотя и были существенно дополнены. Так, было предложено разделить культовые памятники на *природные* или объекты естественного происхождения (священное место по терминологии А.В. Тиваненко) и *рукотворные* – культовые места (жертвенные ямы и площадки для непродолжительного использования) и святилища (специальные сооружения для длительного и постоянного использования) [Русанова, 1992, с. 53].

В последние годы появился целый ряд обобщающих исследований, посвященных культовым памятникам тех или иных регионов и хронологических периодов [Шутова, 2001; Русанова, 2002; Ефремова, 2005; Свирин, 2006]. Авторы предложили различные определения культового места и святилища [см. сводку: Свирин, 2006, с.6-7; Ефремова, 2005, с. 9], но все единодушны в противопоставлении этих понятий. Основания для определений и противопоставления выбраны самые разнообразные: продолжительность использования, наличие или отсутствие материального предмета поклонения, морфологические особенности, количество людей (малая или большая группа), использующих культовый объект и т.д.

В одной из работ предлагается использовать в качестве универсального термина *святилище* (или ритуальный археологический комплекс), под которым понимается «...совокупность (вещей и сооружений, являющихся результатом) овеществленных (опредмеченных) действий, связанных с какой-либо магической или религиозной практикой» [Свирин, 2006, с. 7]. Определение представляется достаточно универсальным, и вполне подходит для характеристики такой общей категории, как ритуальный археологический комплекс. Но вряд ли термин святилище адекватен для определения всех культовых памятников.

Таким образом, наиболее употребляемыми и универсальными, остаются термины культовое место и святилище. Если взять в качестве общей категории *ритуальный археологический комплекс*, то можно предложить следующую терминологическую схему:

Ритуальные археологические комплексы включают культовые объекты, культовые комплексы и культовые памятники. *Культовые объекты* – это отдельные культовые места (жертвенники различных типов), отдельные объекты поклонения (дерево, источник, идол и т.д.) или отдельные ритуальные предметы. *Культовые комплексы* – сочетание нескольких культовых объектов (жертвенников, объектов поклонения, ритуальных предметов) в рамках святилища на территории поселения или могильника. *Культовые памятники* – самостоятельные святилища за пределами поселений или могильников, приуроченные к природным или рукотворным объектам поклонения (священные места) или городища-святилища.

Следующей задачей является разработка универсальной типологии ритуальных археологических комплексов. На данный момент существуют различные локальные типологии, разработанные применительно к отдельным регионам и периодам, или к отдельным типам культовых объектов (типология жертвенников) [Мимоход, 2000]. Основная трудность, которую необходимо преодолеть – выбор общих критериев, поскольку каждый исследователь выбирает свои субъективные основания (социальная значимость, морфологические особенности, продолжительность использования и др.) [Свирин, 2006, с. 8-9].

Пожалуй, самая непростая задача – обоснование культового характера изученного объекта или комплекса. Перечень универсальных признаков для идентификации культовых объектов был предложен И.П. Русановой [Русанова, 1992, с. 52-53]. Основываясь на этих признаках, можно выделить следующие критерии для идентификации ритуальных комплексов на поселениях.

1) Особое расположение объекта: центр или периферия поселения, возвышенность; изолированность от обычных стандартных объектов или близость к объектам, имеющим высокую ритуальную значимость и семантическую нагрузку: очаг, зольник, источник, жертвенник и т.д.; дополнительная маркировка сакрального пространства (камни, столбы, рвы и др.)

2) Необычная форма или конструкция постройки, ямы, другого объекта, отличающиеся от обычных на поселении (нестандартная площадь, отсутствие очага или несколько очагов; другая планировка и т.д.).

3) Жертвенный состав находок: костяк, череп, или отдельные кости человека; черепа, челюсти или полные скелеты животных; скопление костей многих животных, в том числе пережженных; употребление огня; наличие ритуальных и votивных предметов, наличие сломанных предметов; большое количество целых изделий и сосудов; нестандартное положение предметов (перевернутый сосуд, помещение на глубину, сожжение).

4) Имеющиеся аналогии в уже изученных комплексах, которые достоверно были интерпретированы как культовые.

Только комплекс перечисленных признаков дает основания для обоснованной идентификации ритуального археологического комплекса на поселении.

Примечания

Балакин Ю.В. О методах реконструкции традиционного мировоззрения по археологическим материалам // Традиционное сознание: проблемы реконструкции. Колл. монография. – Томск: Изд-во НТЛ, 2004. С. 35-46.

Ефремова Д.Ю. Культовые памятники марийцев VI-XIX вв. (по археологическим материалам: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 2005.– 23 с.

Мимоход Р.А. Жертвенники на срубных поселениях: вопросы классификации, происхождения и культурной специфики // Археология и древняя архитектура левобережной Украины и смежных территорий. – Донецк, 2000. – С. 86-93.

Русанова И.П. Культовые места и языческие святилища славян VI-XIII вв. // Российская археология. – 1992. – № 4. С. 50-67.

Русанова И.П. Истоки славянского язычества. Культовые сооружения Центральной и Восточной Европы в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. – Черновцы: Прут, 2002. 174 с.

Свирин К.М. Языческие святилища лесной полосы Восточной Европы VI-XIII вв: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2006.– 22 с.

Тиваненко А.В. Древние святилища Восточной Сибири в эпоху камня и бронзы. – Новосибирск: Наука, 1989. – 202 с.

Топоров В.Н. О ритуале. Введение в проблематику // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. – Москва: Наука, 1988. С. 7-60.

Шутова Н.И. Дохристианские культовые памятники в удмуртской религиозной традиции: Опыт комплексного исследования. – Ижевск: Изд-во Удмурт. ин-та истории, яз. и лит., 2001. – 305 с.:

ПРИЕМЫ АНАЛИЗА КАМЕННЫХ НАКОНЕЧНИКОВ СТЕЛ

При анализе совокупности находок любым исследователем проводится первичная группировка материала чаще всего посредством классификации. В круг задач классификации входит разработка средств описания и терминологии. Этому направлению посвящено всего несколько специальных работ или разделов в монографиях [Гурина, 1978; Медведев, 1975, 1981; Молодин, Глушков, 1989]. Несмотря на индивидуальные особенности, присущие отдельным экземплярам (например, особенность поделочного материала, разница в навыках при изготовлении предметов и т.д.) среди наконечников стел можно выделить устойчивые типы, позволяющие использовать подобные артефакты в качестве хронологического и культурного показателя. Каждый каменный наконечник стрелы уникален, поскольку даже у одного мастера он требует индивидуального изготовления. Однако существует определённая стандартизация, которая позволяет при описании массива предметов использовать отношения некоторых параметров формы изделия. Работа в этом направлении позволила В.И. Молодину и И.Г. Глушкову [1989], используя количественные оценки, получить интересные результаты. Нельзя сказать, что исследователи не уделяют достаточного внимания приемам описания и классификации наконечников стел [Таймагамбетов, Исаков, Нохрина, 2000], однако единой кодовой системы информации и конвенционального её утверждения нет.

В настоящей публикации предлагаются приемы описания каменных наконечников стел, выработанные с учетом изысканий в этой области и апробированные на материалах различных временных отрезков.

Терминология. Для обозначения конструктивных элементов наконечника, использована терминология, предложенная Г.И. Медведевым [Медведев, 1975; 1981]. Конструктивные элементы определяются делением длины всего изделия на три равные части (рис. 1). Обязательными элементами любого наконечника являются перо и насад, который служит для закрепления предмета в древке. Перо состоит из “тела” и “жала”. В насаде выделяется база. Для наконечников эллипсоидной и ромбовидной формы Г.И. Медведевым предлагается ввести понятие “точка насада”; для жала всех наконечников – “точка жала” [Там же]. Жало, тело и насад могут выделяться при помощи обработки. “Шип,” как элемент формы представляет

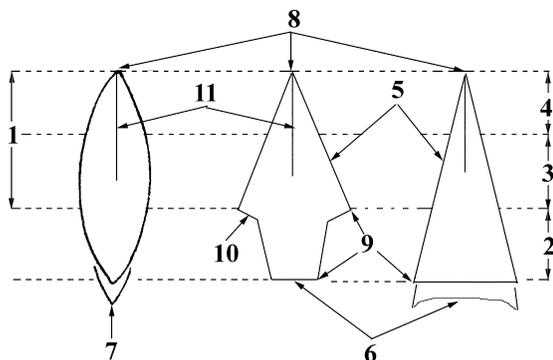

Рис. 1. Конструктивные элементы наконечников стрел
(по: [Медведев, 1975, рис. 4; 1981, рис. 4])

1 – перо, 2 – насад, 3 – тело, 4 – жало, 5 – края, 6 – база,
7 – точка насада, 8 – точка жала, 9 – шип, 10 – плечико,
11 – ребро.

собой сочетание “края насада” и “линии базы насада” (рис. 1, 9) или угловое сочетание “плечиков” с “краем тела” у черешковых наконечников (рис. 1, 10). “Шип” может быть прямой, вислый, вислый асимметричный, вислый односторонний и т.д.

Под термином “листовидный” понимается форма пера с выпуклыми краями, под термином “треугольный” – форма пера с прямыми краями. Иволлистная форма – та же листовидная, но более узкая и длинная.

Принципы описания. В общей части фиксируется легенда (название памятника, шифр, год исследования, раскоп, участок, горизонт, слой, глубина, жилище, межжилищное пространство, пол жилища и т.д., очаг, яма, др. конструкции, наличие иллюстрации), а также общие сведения об артефакте – сырье (желательно петрографическое определение), тип заготовки (пластина, отщеп и др.), сохранность (полная/целый предмет, частичная: перо, насад, черешок и т.д.) наличие желвачной корки, категория каменного инвентаря (изделия, связанные с первичным расщеплением, орудейный набор, изделия без следов работы). У наконечников стрел, изготовленных на пластинах, целесообразно учитывать раковистость (слабая, сильная), протяженность ударного бугорка (занимает до 1/3 поверхности, до 2/3 и т.д.), тип талона (гладкий, покрытый коркой, гладкий, образованный одним снятием, двугранный прямой, двугранный срединно-выпуклый асимметричный, двугранный срединно-выпуклый симметричный, фасетированный прямой, фасетированный, линейный, точечный и т.д.) [Inizan, Reduron, Roche, Tixier, 1995; Laplace, 1974], сечение, профиль, форму края (параллельные, конвергентные, дивергентные, неопределимы), форму дистального конца (прямой, конвергентный, дивергентный, неопределим). Описание свойств заготовки-пластины важно в связи характеристикой техники расщепления.

Дальнейшая фиксация признаков касается непосредственно морфологических особенностей наконечников стрел. Все наконечники подразделяются на два класса – черешковые и бесчерешковые. Соответственно, необходимо фиксировать как общие признаки, присущие изделиям этих классов, так и отличительные. У бесчерешковых наконечников учитываются: форма насада (прямой, выпуклый, вогнутый и т.д.), длина насада, радиус (для вогнутых/выпуклых экземпляров), индекс вогнутости/выпуклости определяется отношением радиуса к длине насада. У черешковых наконечников – наличие шипа/шипов, форма черешка (прямоугольная, овальная, эллипс, трапеция и т.д.).

Метрические показатели наконечников включают: общую высоту (H_0), наибольшую ширину пера ($Ш_0$), ширину базы ($Ш_1$), высоту от точки жала до наибольшей ширины пера (H_1), высоту от наибольшего расширения пера до точки насада (H_2) (по: [Молодин, Глушков, 1984]) (рис. 2). Основываясь на данных метрических характеристиках, определяется ряд *индексов*: показатель пропорции (K_0), определяемый отношением наибольшей ширины пера ($Ш_0$) к общей высоте (H_0); показатель ширины (K_H), – отношение высоты от точки жала до наибольшей ширины (H_1) пера к общей высоте изделия (H_0); показатель ширины лопасти ($K_{ши}$) определяется отношением ширины базы ($Ш_1$) к наибольшей ширине пера ($Ш_0$). Индекс выпуклости пера (отношение длины хорды пера к радиусу выпуклости) служит показателем для разграничения треугольных и листовидных типов наконечников.

При описании приемов, используемых для изготовления наконечников, фиксируются признаки, характеризующие соответствующую техни-

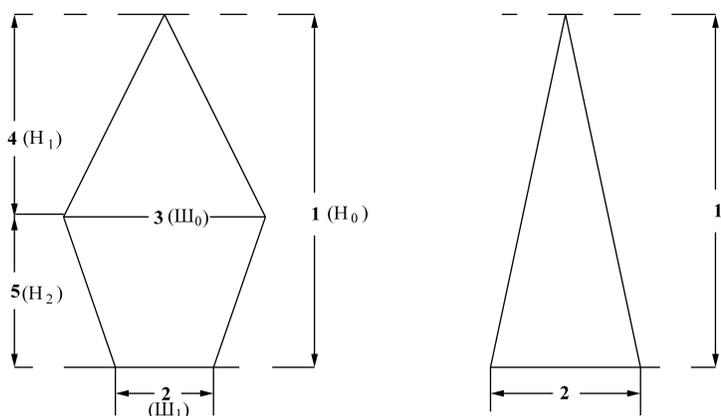

Рис. 2. Метрические характеристики наконечников стрел (по: [Молодин, Глушков, 1989, с. 16, рис. 2])

1 – общая высота (H_0), 2 – ширина базы ($Ш_1$), 3 – наибольшая ширина пера ($Ш_0$), 4 – высота от точки жала до наибольшей ширины пера (H_1), 5 – высота от наибольшего расширения пера до точки насада (H_2)

ку – ретуширование, резцовый скол, пришлифовка/шлифование [Bordes, 1961; Brezillion, 1968; Inizan, Reduron, Roche, Tixier, 1995; Laplace, 1974; Tixier, 1974]. Описание по заданному алгоритму проводится для каждой из сторон изделия.

Выделение типов основано на форме пера (треугольная, листовидная), на наличии черешка, в меньшей степени форме заготовки. Внутри типа дифференцирующими признаками служат пропорции наконечников, различия в оформлении насада (черешка или базы).

Предложенная структура фиксации признаков, характеризующих каменные наконечники стрел, не претендует на универсальность. Однако авторы надеются, что метод полилога позволит разработать более совершенную модель.

Примечания

Гурина Н.Н. Опыт первичной классификации кремнёвых наконечников стрел // Орудия каменного века. – Киев, 1978.

Медведев Г.И. К проблеме формально-типологического анализа каменных изделий палеолитических и мезолитических индустрий (номенклатура деталей наглядных моделей) // Проблемы терминологии и анализа археологических источников. – Иркутск, 1975.

Медведев Г.И. К проблеме морфологического анализа каменного инвентаря палеолитических и мезолитических ансамблей Восточной Сибири // Описание и анализ археологических источников. – Иркутск, 1981.

Молодин В.И., Глушков И.Г. Самусьская культура в Верхнем Приобье. – Новосибирск, 1989.

Таймагамбетов Ж.К., Искаков Г., Нохрина Т. Каменные наконечники стрел: морфологическое описание, классификация, типология (по материалам археологической литературы 70-90 гг. XX в.) // Вестник Каз. ГУ. – Серия историческая. – Алматы, 2000.

Bordes F. Typologie du paléolithique ancien et moyen. – Bordeaux: Delmas. Publications de l'Institut de Préhistoire de l'Université de Bordeaux, 1961. – Mem. 1. – 103 p.

Brezillion M.N. La dénomination des objets de Pierre taillée: Matériaux pour un vocabulaire des préhistoriens de langue française IV supplément a "Galla préhistoire". – Paris: CNRS, 1968. – 427 p. (CNRS)

Inizan M.-L., Reduron M., Roche H., Tixier J. Technology of knapped stone (Préhistoire de la pierre taillée ; T. 4). – Meudon, 1995.

Laplace G. La typologie analytique et structurale : Base rationnelle d'étude des industries lithiques et osseuses // Banques de données archéologiques. – Paris, 1974. (CNCS ; N 932).

Tixier J. Glossary for the description of stone tools with special reference to the Epipalaeolithic of the Maghreb.- Newsletter of technology : Special Publication. – 1974. – N 1.

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ЭЛЕМЕНТОВ ГИС-ТЕХНОЛОГИЙ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ*

Ссылки на применение или создание археологических ГИС в настоящее время очень популярны для современных мультидисциплинарных исследований. Действительно, геоинформационные технологии открывают перед исследователем ряд совершенно уникальных возможностей по визуализации полевых материалов, формированию новых знаний из имеющейся информации на основе анализа взаимосвязей имеющихся материалов (в том числе – пространственных), изготовлению современных форм представления этих знаний, и обмену этими знаниями между дисциплинами, имеющими зачастую одновременно и гуманитарный, и естественный, и технический характер в одном проекте комплексного исследования.

Но вот говорить о полноценных ГИС археологического направления в отечественной науке пока еще рано, можно только рассматривать более или менее реализованные отдельные элементы ГИС-технологий, которые даже в таком виде оказываются весьма эффективным инструментарием современного исследователя. Перед отечественными разработчиками «археологических» геоинформационных систем стоит ряд нерешенных вопросов, и в первую очередь – организационно-правового характера. Ведь даже ГОСТовская расшифровка аббревиатуры ГИС как «географическая информационная система» вызывает вопросы у ряда весьма квалифицированных ГИС-специалистов, а отношения с режимом доступа к материалам, представляющим государственный интерес, будут доставлять еще немало головной боли всем в ближайшие годы.

В своих предыдущих публикациях мы уже неоднократно поднимали вопрос о качестве исходных материалов, на основе которых будут строиться предполагаемые ГИС-системы. Нас в первую очередь волнует та основа, на которой могут «находить общий язык» информационные блоки различных дисциплинарных исследований в комплексных проектах – это геодезическая и топографическая информация, достаточно напомнить, что в нашей стране обновлено в настоящий момент менее одной трети картматериалов. Поэтому для эффективного применения ГИС-технологий требуется использовать для полевого сбора геодезических

* [Работа поддержана РФФИ, проект № 05-06-80305-а, и РГНФ, проект № 04-01-12046 “в”]

данных современные высокопроизводительные методики, такие как наземное и воздушное лазерное сканирование, системы спутникового позиционирования и материалы космических съемок. Но в настоящее время даже выполнение обычных топогеодезических работ при стационарных многолетних раскопках большинство исследователей не могут обеспечить требуемым количеством электронных тахеометров или хотя бы безотражательных лазерных дальнометров. Причины здесь разные, причем не всегда только финансовые.

Префикс «гео» по отношению к информационной системе предполагает, что геодезическая и топографическая информация для ГИС должна быть адекватно генерализована. К примеру, возьмем карту масштаба 1:10 000 (в 1 см 100 м), для нее механическое укрупнение изображения в 10 раз не даст нам план масштаба 1:1 000 (в 1 см 10 м), а механическое уменьшение изображения в 10 раз не даст нам карту масштаба 1:100 000 (в 1 см 1 км).

Более того, измеренные площади и длины линий на картах различных масштабов будут между собой разительно отличаться (именно этот факт послужил основой для одного из крупнейших открытий второй половины XX века в философии и математике одновременно – фракталов). А измерения, выполненные на картах, от измерений, выполненных на планах – еще более того «разойдутся». Поэтому основой целостности и достоверности ГИС является приведение к единому рабочему масштабу и единой рабочей системе координат и высот всей совокупности гео данных (правила генерализации, т.е. показа изображения в разных масштабах, и правила связи между различными системами координат должны в НАСТОЯЩЕЙ геоинформационной системе быть квалифицированно описаны создателями проекта).

Для «археологических» условий работа в системах координат определяется документами:

– «Основные положения о государственной геодезической сети Российской Федерации» [Основные..., 2003];

– «Положение о производстве археологических раскопок и разведок и об открытых листах» [Положение..., 2001];

– «Аппаратура радионавигационная глобальной навигационной спутниковой системы и глобальной системы позиционирования. СИСТЕМЫ КООРДИНАТ. Методы преобразований координат определяемых точек» [Аппаратура..., 2001].

В «Основных положениях о ГГС...» определено, что единой государственной системой геодезических координат Российской Федерации является СК-95 (Система координат 1995 года), а единой государственной геоцентрической системой координат – ПЗ-90 (Параметры Земли 1990 года).

В «Положениях о производстве...» приведены конкретные требования ОПИ ИА РАН к топогеодезическому обеспечению полевых археологи-

ческих исследований, причем авторы здесь немногословны, вот перечень пунктов, которые есть смысл освежить в памяти: 5.3б-в, 5.8, 6.3, 6.7, 6.12, 6.16, 6.18, 6.20, 7.4г и 7.5б,е,к-м. Позволим себе высказать ряд элементарных умозаключений, подтверждаемых, тем не менее, практикой.

В «Положениях о производстве...» речь идет исключительно о местных системах координат и высот, которые являются индивидуальными для каждого памятника, и, практически, получаются «одноразовыми», потому что нет четких инструкций по определению и закреплению на местности исходных геодезических дат таких систем координат. Поскольку эти местные системы координат не связаны с государственной или общеземной системами координат, то вопрос восстановления или уточнения местоположения объектов в такой системе координат зачастую переходит в разряд неразрешимых. А полевые работы по обеспечению археологических ГИС-технологий или других (геодезических, землеустроительных и т.д.) работ вообще не предполагаются. Прямым следствием отсутствия нормативных требований и практических руководств по «наведению» порядка с индивидуальными системами координат памятников являются проблемы с отводом земель под археологические памятники и «философские» сложности с организацией ГИС-технологий. Вот с чем придется иметь дело при внедрении ГИС-технологий в археологии «...для подавляющего большинства памятников... Новосибирской и соседних областей, граница занимаемых ими земельных участков не определена или определена весьма приблизительно. Достаточно большое количество памятников либо не имеют плана вообще, либо они выполнены методами глазомерной съёмки. Так называемые «инструментальные планы» также не всегда точны, так как обычно съёмку проводит археолог, а не профессиональный геодезист» [Ануфриев и др., 2003].

И даже более того, передовые методики изучения археологических памятников, которым должен владеть настоящий археолог согласно «Положению о производстве...», основываются только на нивелире и теодолите, да еще GPS-измерения можно использовать как справочную информацию. Нет официально опубликованных ОПИ требований или хотя бы рекомендаций использовать электронные и лазерные геодезические инструменты, данные дистанционного зондирования Земли (аэрокосмической съёмки, в частности). Вспомним, что ровно 100 лет назад, в 1906 году для изучения Стоунхенджа было П. Х. Шэрпом с воздушного шара произведено первое в истории фотографирование археологического памятника. Первые две трети XX века советская археология активно использовала возможности аэрофотосъёмки, позже применялись космические снимки для анализа местонахождения памятников. Сегодняшние спутниковые изображения с пространственным разрешением 0.6 метра на пиксель (в надире) для открытых и полуоткрытых территорий существенно упрощают проблему производства плановой (т.е. без высот) топографической съёмки для «топографических» планов в понимании этих

терминов специалистами ОПИ ИА РАН. Для «ситуационных» (по терминологии ОПИ) планов прекрасно подошли бы спутниковые изображения с пространственным разрешением от 1 до 2.5 м/пиксель.

Представим теперь отнюдь не гипотетическую ситуацию: по материалам такого качества, как сейчас мы имеем на большинство отечественных объектов, надо в сжатые сроки решить некую задачу с использованием ГИС-технологии. Поскольку ГИС по определению базируется на пространственных взаимосвязях, основой которых являются координаты в некоторой единой системе, то перед разработчиками возникает определенная проблема. Археологам не доступны работы в системе координат, принятой в нашей стране из-за ее секретности. Единственно, что если с изданием ОПИ на свой страх риск соответствующего нормативного документа археологи перейдут от отечественных топографических карт и планов на использование только космических изображений, прошедших ортофототрансформирование («фотопланы» по спутниковым снимкам), то применение общеземной системы координат (WGS-84) в качестве рабочей системы будет оправдано.

Таким образом, ГИС-направление в отечественной археологии сейчас переживает бурный подъем, интенсивно развивается (в отличие от методик координатных измерений, например). Наши близкие прогнозы уже дают надежду, что в скором времени вместо отдельных элементов ГИС-технологий в отечественных публикациях мы увидим действительно серьезные ГИС-решения. Просто для этого ведущим организациям отечественной археологии необходимо озаботиться решением ряда насущных проблем организационного порядка:

- квалифицированно рассмотреть возможность использования общеземной системы координат и высот WGS-84 как наиболее подходящей для основной рабочей системы координат и высот при археологических исследованиях;

- приемлемым для научных исследований и без нарушения отечественных законов способом решить вопрос о формах работы с материалами: картографическими, топографическими и данными дистанционного зондирования Земли;

- разработать комплекс нормативной документации по выполнению геодезических полевых и камеральных работ при полевом изучении археологических памятников, включая официальный технический регламент по взаимоотношениям между получателями Открытых листов, ОПИ ИА РАН и территориальными Центрами по сохранению исторического наследия;

- разработать отраслевой стандарт (идеальный вариант) или хотя бы технические требования к ГИС археологического назначения;

- объявить конкурс на разработку Положения о корпоративной ГИС, которая могла бы объединить в единое информационное пространство ГИС-разработки отдельных организаций, работающих с археологическими материалами.

Примечания

Основные положения о государственной геодезической сети Российской Федерации. ГКИНП (ГНТА)-01-006-03, утв. приказом Федеральной службы геодезии и картографии России от 17 июня 2003г. № 101-пр;

Положение о производстве археологических раскопок и разведок и об открытых листах. – М.: Ин-т археологии РАН, 2001.;

Аппаратура радионавигационная глобальной навигационной спутниковой системы и глобальной системы позиционирования. СИСТЕМЫ КООРДИНАТ. Методы преобразований координат определяемых точек. ГОСТ Р 51794-2001, принят и введён в действие постановлением Госстандарта России от 9 августа 2001г. №327ст.

Ануфриев Д.Е., Кравченко Е.В., Богданов Е.С. и др. О создании инженерно-топографических планов археологических памятников (по результатам полевых работ в долине р. Актру в 2003г.) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2003г.).– Новосибирск: Изд-во Инта археологии и этнографии СО РАН, 2003.– Т. IX, ч. II.– С.174-177.

ЛОСОСЕВОЕ РЫБОЛОВСТВО В СЕВЕРНОЙ ПАСИФИКЕ: КОМПЛЕКС ДАННЫХ И ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

В рамках работы над проектом «Промысел лосося в архаических и традиционных культурах тихоокеанского бассейна» нами собирается и систематизируется вся возможная археологическая, этнографическая и историческая информация о времени возникновения и особенностях использования нерестового феномена на Дальнем Востоке (Приморье, Приамурье, Камчатка, Сахалин, Северо-Восток) и в Северной Америке (Аляска, Британская Колумбия, а также его ритуально-мифологическая составляющая [Гаврилова, Табарев, 2004].

Следует отметить, что, обозначенные территории в силу природно-климатических, исторических и научно-организационных причин изучены и представлены в специальной литературе весьма неравномерно. Несмотря на то, что наиболее древние следы лососевого рыболовства (археологические комплексы с характерным набором инструментов для строительства ловушек и разделки рыбы, остеологические материалы, каменные фигурки рыб) фиксируются в прибрежной части Российского Дальнего Востока, начиная с 16-15 тыс. л.н. [Tabarev, 2006], их общее число там невелико, они разрозненны, фрагментарны и очень часто лишены детального археологического контекста, позволяющего произвести подробную реконструкцию этой сферы экономики. Например, крайне редки находки остатков запруд и ловушек для лова лосося [Орехов, 2005, С.345]. Для сравнения, они хорошо изучены археологами на островах Японского архипелага [Kobayashi, 2004], на побережье Аляски таких сооружений с возрастом от 4,9 – 4,7 тыс.л.н. известно около сотни [Гаврилова, 2006]. Дальневосточные почвы, за редким исключением, обладая повышенной кислотностью, практически не сохраняют ихтиологического материала, что сводит на нет возможности изучения интенсивности лова, разновидностей добываемой рыбы и способов ее разделки. Это же касается и остатков жилищ или хозяйственных строений, которыми пользовались рыболовы в сезон нереста, значительного количества изделий и инструментов из дерева, кости, рога, раковин и волокон. В итоге картина лососевого рыболовства, его структура и сопровождающие ритуалы реконструируются пока в значительной

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 06-01-00522a и Faculty Enrichment Program (Canada).

степени на косвенных археологических данных и фрагментарных этнографических наблюдениях, большая часть которых относится к концу XIX – первой половине XX вв. и фиксирует контекст, сильно затронутый многочисленными культурными вмешательствами.

Какова ситуация на противоположной стороне Северной Пасифики? Наиболее аргументированный подход к проблеме времени первоначального заселения североамериканского континента опирается на даты 13–12 тыс.л.н. и предусматривает возможность двух основных направлений миграций – (1) через внутреннюю часть Берингийского перешейка и далее по свободному ото льда коридору (Ice-free Corridor), (2) по южной кромке Берингии и прилегающим островам в прибрежную часть Аляски, Северо-Западного побережья и Калифорнии. Различие между моделями не только географическое, но, как полагают большинство специалистов, и хозяйственное. Второй путь продвижения в Новый Свет мог осуществляться группами, ориентированными на акваторические ресурсы устьев рек и побережий, детально знакомых с особенностями сезонного распределения биомассы и владеющих эффективными технологиями (наборы специализированных инструментов, приемы промысла и заготовки), а также средствами транспортировки и перемещения (водный транспорт). Эксплуатация нерестового феномена в таком сценарии могла играть решающую роль.

В то же время, несмотря на интенсивные археологические исследования, на побережье Аляски и Британской Колумбии комплексы древнее 10,5 – 10 тыс.л.н. пока не обнаружены. В числе наиболее древних памятников – On-Your-Knee, Namu, Hidden Falls, Chuck Lake. В значительной степени это объясняется существенным (до 100 м) изменением уровня океана в голоцене, которое привело к затоплению ряда прибрежных зон. Тем не менее, перспектива обнаружения памятников с финальноплейстоценовым возрастом вполне реальна и связана с островами и участками побережья с узким шельфовым сегментом – здесь (аналогично южноамериканской ситуации) влияние регрессий и трансгрессий уровня океана менее существенны [Richardson, 1998].

Голоценовая динамика лососевого промысла достаточно хорошо прослежена по целому ряду памятников Британской Колумбии. Своего пика нерестовая масса достигает в пределах оптимума, что окончательно сказывается на хозяйственной специализации прибрежного населения – формируется устойчивая система сезонной заготовки лосося в комбинации с промыслом морских млекопитающих, а также охотой и собирательством. Такая сбалансированная форма приморской адаптации существует без элементов агрикультуры практически до периода колонизации региона европейцами. Этнографические наблюдения и материалы, собранные по региону исключительно богаты и информативны, они представлены всеми категориями инвентаря, утвари, украшений и внушительным корпусом данных по фольклору, мифологии и ритуалам.

В обширной литературе последних 5-6 лет, посвященной различным аспектам изучения истории и культуры аборигенного населения Британской Колумбии (в первую очередь, системе хозяйства и рыболовству), отмечено несколько основных направлений:

1. Следы первоначального заселения и освоения региона мигрантами, пришедшими из различных районов Северо-Восточной Азии [Archaeology..., 2003; Martindale, 1999].

2. Детальная реконструкция палеоэкологической обстановки раннего и среднего голоцена, динамика уровня мирового океана и состава биоресурсов, оценка интенсивности промысла лососей по данным анализа палеонтологического материала [Augerot, 2005].

3. Время и темпы формирования системы приморской экономики, структура хозяйства, роль и место сезонного рыболовства [Cannon, 2001; Rahemtulla, Hodgetts, 2001].

4. Влияние приморской системы хозяйства на социальную структуру общества, время и причины возникновения структурированных обществ (уровня простых и сложных вождеств) [Archer, 2001].

5. История и уроки взаимоотношений колонистов и аборигенов в XVIII-XX вв., степень антропогенного влияния на экологию и структуру традиционных промыслов, деформация культурного контекста народов Север-Западного побережья [McMillan, St. Claire, 2005].

6. Формы возрождения и сохранения традиционных способов природопользования, развитие декоративных ремесел, проблемы сохранения языка и календарных праздников (например, церемонии встречи Первого Лосося).

Исследования ведутся в рамках многочисленных комплексных программ, полевых проектов, междисциплинарных полевых археологических школ под эгидой таких крупных университетов как Университет Британской Колумбии (University of British Columbia), Университет Саймон Фрэйзер (Simon Fraser University), Университет Виктория (University of Victoria), Университет Северной Британской Колумбии (University of Northern British Columbia), Университет Калгари (University of Calgary) и т.д.

Обоюдная заинтересованность специалистов по обе стороны Тихого океана в сотрудничестве и более эффективном обмене информацией во многом предопределяет и успешную интерпретацию всего комплекса материалов и данных по проблеме возникновения и эволюции одного из интереснейших промыслов в истории человечества.

Примечания

Гаврилова Е.А. Археологические данные о способах добычи лосося у древнего населения Северной Тихоокеанской области // Археология, этнология, палеоэкология Северной Евразии и сопредельных территорий. Материалы XLVI РАЭСК. – Красноярск: Красноярский госпедуниверситет, 2006. – С.117-120.

Гаврилова Е.А., Табаров А.В. Лосось в промыслах, мифах и ритуалах древних и традиционных культур тихоокеанского Севера // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Т.Х. – Ч.1. – Новосибирск, 2004. – С.57-60.

Орехов А.А. Модели приморской адаптации Берингоморья и Охотоморья (канчалакская и древнекорякская культуры) // Российский Дальний Восток в древности и средневековье. Открытия, проблемы, гипотезы. – Владивосток: Дальнаука, 2005. – 696 с.

Archaeology of Coastal British Columbia. – Burnaby: Simon Fraser University Archaeology Press, 2003. – 299 p.

Archer D.J.W. Village Patterns and the Emergence of Ranked Society in the Prince Rupert Area // Perspectives on Northern Northwest Coast Prehistory. – Mercury Series, Archaeological Survey of Canada Paper. – 2001. – N.160. – P.203-222.

Augerot X. Atlas of Pacific Salmon. – Los Angeles: University of California Press, 2005. – 150 p.

Cannon A. Was Salmon Important in Northwest Prehistory? // People and Wildlife in Northern North America. – BAR International Series. – S944. – 2001. – P.178-187.

Fedje D.W., Josenhans H. Drowned Forests and Archaeology on the Continental Shelf of British Columbia, Canada // Geology. – 2000. – Vol.28. – N.2. – P.99-102.

Kobayashi T. Jomon Reflections. Forager Life and Culture in the Prehistoric Japanese Archipelago. – Oxford: Oxbow Books, 2004. – 240 p.

Martindale A.R.C. Maritime Adaptation on the Northwest Coast of North America // Revista de Arqueologia Americana. – 1999. – N.16. – P.7-48.

McMillan A.D., St.Claire D.E. Ts'ishaa: Archaeology and Ethnography of Nuuchah-nulth Origin Site in Barkley Sound. – Burnaby: Simon Fraser University Archaeology Press, 2005. – 223 p.

Rahemtulla F., Hodgetts L. Land and Sea: Terrestrial Mammal Use in Coastal Hunting-Gathering Communities // Antiquity. – 2001. – Vol.75. – P.56-62.

Richardson J. B. III Looking in the Right Places: Pre-5,000 B.P. Maritime Adaptation in Peru and the Changing Environment // Revista de Arqueologia Americana. – 1998. – N.15. – P.33-56.

Tabarev A.V. People of Salmon: Technology, Art and Ritual of the Stone Age Cultures, Russian Far East // Archaeological Education of the Japanese Fundamental Culture in East Asia. – 21 COE Program Archaeology Series. – 2006. – Vol. 7. – P. 111-124.

ЭТНОГРАФИЯ

**ЭВОЛЮЦИЯ СЕЛЬСКОГО ЭТНОЛОКАЛЬНОГО СООБЩЕСТВА
ПОД ВОЗДЕЙСТВИЕМ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ (НА ПРИМЕРЕ
ЧУВАШСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ ЧЕРБУСЫ
В НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ)**

Одним из существенных факторов динамичного социально-экономического развития г. Новосибирска является процесс территориального приращения прилегающих сельских локальных сообществ. Большое значение имеет этническая принадлежность жителей села, территориально и экономически связанного с мегаполисом.

Настоящее исследование – попытка проследить эволюцию этнолокального сообщества деревни Чербусы на фоне этносоциальных процессов, проходящих в г. Новосибирске. Эмпирическую базу исследования составили воспоминания старожилов микрорайона «Щ» и Академгородка, материалы музея «История микрорайона «Щ» школы №163, а также документы и фотографии семейного архива семьи Нестеровых.

Основание деревни Чербусы относится к 1925 г., когда Новониколаевск превратился в центр Сибирского (1925-1930 гг.), затем Западно-Сибирского края. Большое влияние на расселение людей продолжала оказывать Транссибирская железнодорожная магистраль. В зоне ее влияния сформировался район наиболее развитого промышленного и сельскохозяйственного производства [Соболева, 2002. С.88.].

Территория, занимаемая ныне Академгородком, в это время представляла собой сплошную тайгу. В целом географическое расположение деревни было достаточно удобным для жизнеобеспечения локального сообщества. «Чербусы» («Березовый лог», в переводе с чувашского) расположились недалеко от железной дороги, вблизи современной станции «Сеятель». Вокруг деревни были болота, в которых брала исток маленькая речка, она протекала через всю деревню и далее впадал в р. Обь; было вблизи деревни озеро с ключами.

Деревня была основана выходцами из Поволжья. Это были, в основном, чуваша, а также несколько семей татар и мордвы. Для процесса миграции чувашей из Поволжья в относительно менее населенные районы страны имелись объективные предпосылки. В их числе: высокая плотность населения в северных и северо-западных районах Чувашии, невозможность дальнейшего расширения возделываемых земель, сокращение лесных массивов [Коровушкин, 1997.С.11].

В Новониколаевской губернии чувашским переселенцам выделялись земельные участки на территории современных Колыванского, Кыштовс-

кого и Усть-Таркского районов. При этом множество людей переселялось вне плана, самостоятельно. Рассматриваемое нами чувашское поселение было основано именно таким образом. По материалам окружных, губернских и краевых земельных управлений на 1926 г. общая численность чувашского населения в Западной Сибири составила 19217 человек. В Новосибирском округе, находившемся по численности на третьем месте после Томского и Барабинского, проживало 3741 чувашей [Коровушкин, 1997.С.11].

Довольно однородный этнический состав первопоселенцев позволяет говорить о типе поселения, основанного на традиции локальных землячеств. Сведения о территориальном росте и динамике численности населения деревни до 1950-х гг. отсутствуют. Известно, что во время войны на фронт из деревни ушли все мужчины, годные к строевой службе, их было приблизительно 54 человека. Свидетельств о территориальном (за счет размещения промышленного производства) или демографическом (за счет эвакуированных семей) росте деревни нет.

Что касается размера и ближайшего окружения деревни, опрос старожилов дал следующие сведения. В административном отношении деревня Чербусы относилась к Нижнеельцовскому району Новосибирской области. В деревне существовало пять улиц с общим количеством домов около шестидесяти. Названия улиц появились лишь в 1950-е гг.: Полевая, Буранная, Пасечная, Буранный Проезд и Безымянный тупик. Сельское кладбище располагалось рядом с нынешней школой № 163 в березовой роще.

В 1950 – 1960 гг. в деревне проживало от 200 до 300 человек. Улицы были расположены линейно и пересекались под прямым углом. Дома в основном были построены из сосны. Значительное число домов было пятистенным. Во дворах находились коровники, сараи и прочие постройки. Бани строились по-черному. Воду для питья брали из колодцев. Всего колодцев было пять, по одному на каждую улицу. Воду для коров и лошадей брали из водокачки, располагавшейся возле животноводческих ферм.

В деревне была начальная школа, а с пятого класса ученики ходили в Нижнюю Ельцовку. Существовала своя амбулатория, клуб, детский сад, магазин, работала колхозная пекарня. За необходимыми бытовыми предметами, отсутствовавшими в местном магазине, ходили в Ельцовку. Из Ельцовки же каждую неделю привозили кинофильмы.

Жители деревни занимались сельским хозяйством и животноводством. Были и огороднические бригады, которые выращивали овощи (картофель, капусту, огурцы, помидоры, морковь, свеклу). Животноводческая бригада выращивала свиней, крупнорогатый скот и лошадей. Держали скот и в личном подворье, в среднем – 1 корову, 2-х свиней, 6-8 овец, 3-4 козы, 20-40 кур, 10 гусей или уток.

Размер личных огородов составлял, как правило, не менее двадцати пяти соток. На заре развития деревни никакой техники не было.

Лошади использовались, как гужевой транспорт, трактора и машины появились только в середине 1950-х гг., когда в колхозе появилась техника МТС – один трактор-универсал, комбайн “Сталинец” и гусеничный трактор.

Колхоз выращивал зерновые культуры: рожь, пшеницу, овес, гречиху. Пшеницу стали сеять в конце 1950-х гг, до этого в основном сеяли рожь, культура которой была характерна для чувашского населения Поволжья; урожай этой культуры был очень высоким. В округе росли медоносные травы, и в колхозе была своя пасека.

Национальной специфики в одежде жителей деревни практически не осталось еще до начала строительства Академгородка. Уже в 1930-х гг. односельчане носили то, что можно было купить в магазине. Единственная сохранившаяся деталь традиционного комплекса одежды чербусинских чувашей, отмеченная старожилками, это лапти, вытесненные, впрочем, еще до 1950-х гг.

Опрос старожилков позволяет в общих чертах воссоздать локальную языковую картину поселения. Люди 1880-1917-го гг. рождения русский язык знали плохо и использовали, в основном, чувашский, некоторые семьи разговаривали на татарском. Все дети, родившиеся до начала строительства Академгородка знали два языка: русский и чувашский разговорный. Такая этноязыковая картина, характеризующаяся билингвизмом, в целом свойственна для чувашей всего западносибирского региона [Коровушкин, 1997. С.12].

Начиная с 1950-х гг. в Новосибирске стала активно развиваться промышленная зона за пределами городской черты (как правило, на территории старых сел). В масштабах региона в этот период была сделана ставка на развитие научного и энергетического потенциала. Создание Новосибирской ГЭС и академического научного центра СО АН СССР вызвало быстрый территориальный и демографический рост города [Новосибирск-многонациональный, 2002. С.9]. Новосибирским водохранилищем было затоплено значительное число деревень, имевших давнюю историю.

Городом поглощались ближайшие к черте урбанизации села. С началом строительства Академгородка начинается последний период существования деревни Чербусы. На основании имеющихся данных можно утверждать, что деревня Чербусы стала одним из своего рода опорных пунктов при строительстве Академгородка. Во многих домах жили квартиранты – семьи строителей первых щитовых домов. Старожилы отмечают, что жители Академгородка неоднократно участвовали в ремонте животноводческих ферм, прополке картофеля, вырубке территорий под посев.

Некоторые коренные жители, получив паспорта (у многих сельчан не было документов до начала 1950-х гг.), уходили из совхоза, организовавшегося в Чербусах в середине 1950-х гг., на различные производства. В середине 1960-х гг. исчез совхоз и на базе Чербусинских полей создали Экспериментальное хозяйство СО РАН. 1970-е гг. были вре-

менем относительно стабильного сосуществования быстрорастущего Академгородка и деревни Чербусы, сохранившей свою этнолокальную специфику.

Непосредственный снос жилых домов и сельскохозяйственных построек жителей деревни начался в 1981 г. и уже в 1983 г. было ликвидировано последнее хозяйство. Значительная доля проживавших в Чербусах чувашей и односельчан других национальностей разместились в новых щитовых домах микрорайона «Щ».

Имеющиеся сведения позволяют говорить о том, что культурная характеристика деревни в целом свойственна чувашским поселениям Западной Сибири. Этнокультурный облик рассмотренного чувашского локального сообщества с одной стороны характеризуется сохранением национально-специфичных черт. Среди отмеченных хозяйственно-бытовых особенностей можно назвать пространственное размещение улиц, строительные традиции, структура личного хозяйства, возделываемые сельскохозяйственные культуры, традиционные занятия, сохранение этноязыковой идентичности.

С другой стороны, высокий уровень интегрированности национальной культуры чувашей с русскими формами культуры обуславливает процесс унификации в сфере материальной и духовной культуры. Что было связано с межэтническим общением (особенно это видно на примере ситуации билингвизма), а также характером и направленностью социально-экономического и политического развития общества в целом.

История деревни Чербусы наглядно демонстрирует характерный для крупного мегаполиса процесс неизбежного втягивания и постепенного разложения сельской социальной структуры, традиционных отношений и быта. Ситуация усугублялась трансформацией культуры старожильческого чувашского населения деревни Чербусы. Промышленное и научно-производственное освоение территории Нижнеельцовского р-на привело к слому этнических традиций, постепенному забвению чувашского языка, снижению уровня этничности в целом. Коренное изменение сельского ландшафта и строительство нового микрорайона привели к абсолютному исчезновению деревни Чербусы, знания о которой остались лишь в памяти немногих односельчан, да в названиях улиц Пасечная и Полевая – так назывались две из пяти бывших чербусинских улиц.

Примечания

Соболева С.В. Миграция Сибири. Новые явления в формировании населения: концептуальный подход // Миграция и опыт взаимодействия регионов по усилению этнополитической стабильности в Евразии. – Новосибирск, 2002.

Коровушкин Д.Г. Чувашаи Западной Сибири. – Новосибирск, 1997.

Новосибирск-многонациональный. Народы и религии. – Новосибирск, 2002.

К ВОПРОСУ О ПОВСЕДНЕВНОЙ ПИЩЕ БУРЯТ В XVIII ВЕКЕ

Изучение традиционного пищевого комплекса бурят XVIII в. в бурятской этнографии зачастую сводилось к цитированию отдельных мест из письменных источников без попыток какого-либо решения проблемы трансформации. Задача настоящей статьи заключается в рассмотрении такого элемента системы питания бурят XVIII в. как повседневная пища в плане выявления изменений.

Первые обстоятельные и главное достоверные сведения о бурятской пище, позволяющие в общих чертах охарактеризовать систему питания в XVIII в., были собраны Дж. Беллем, И.Г. Гmeliном, Г.Ф. Миллером, И.Г. Георги, М. Татариновым. Правда, наряду с правдивыми фактами, изложенными в ответах на вопросник, составленный Г.Ф. Миллером, обнаруживается, например, нелепое представление о том, что буряты питаются исключительно “мертвечиной”; оно, видимо, было вызвано желанием сборщиков информации подчеркнуть мясную направленность питания бурят, больше всего поразившую их воображение [РГАДА, Ф. 199, Оп. 1, Д. 509, Л. 1].

Судя по описаниям этих авторов, питание предбайкальских бурят отличалось от питания забайкальских бурят, что было связано в первую очередь с типом хозяйства, сложившегося у них. Полуоседлый образ их жизни был связан с комплексной экономикой, базирующейся на земледелии, скотоводстве, охоте, собирательстве и рыболовстве. Но более состоятельная прослойка предбайкальских бурят, подобно забайкальским бурятам, вела преимущественно скотоводческое хозяйство. Уделом менее богатых их сородичей было существование за счет максимального использования всех пищевых источников, которыми была богата окружающая природная среда.

Очевидно, что основой питания этих бурят, вне зависимости от их достатка, являлись мясомолочные продукты, получаемые от занятия скотоводством. Разница между различными социальными слоями бурятского общества Предбайкалья заключалась в количестве и качестве потребляемого продукта. В отдельных случаях сообщается, что буряты “имеющие довольно скота бьют оный, не жалея, не гнушаются также хворым и окопелым” [Георги, 1799, С. 32]. На наш взгляд это относится к малоимущим бурятам. При материальном достатке скотоводы стараются питаться доброкачественными продуктами.

Из пищевых пристрастий той эпохи, которые в следующем столетии уже не фиксировались, было отмечено поедание сырого мозга забитого животного-

го (овцы). Как отголосок этого, возможно, следует рассматривать традицию угощения наиболее уважаемых гостей *тоолэй* – сваренной и опаленной головой овцы. Отмечается особая любовь бурят к жеребятине, которая и в более позднее время считалась деликатесным мясом. Среди мясных изысков были бараньи и козлиные яйца, употребление в пищу которых вызывалось верой в их способность повысить мужскую потенцию.

Из мяса диких животных, согласно источникам, в рационе использовалось, прежде всего, мясо крупных лесных парнокопытных – лосей и изюбров. Действовало, как и сегодня, пищевое избегание бурят относительно употребления мяса хищных птиц и зверей, за исключением, пожалуй, медвежатины. Трудно согласиться с выводом И.Г. Георги, когда он пишет, что буряты питались мясом всех не хищных птиц. По всей видимости, он не имел сведений о запрете охотиться на птиц, считавшихся тотемами отдельных родоплеменных групп бурят. Можно быть уверенным, что речь в данном случае идет о тех предбайкальских бурятах, кто был свободен от этих промысловых (соответственно пищевых) запретов.

Как и в последующем столетии при обработке продуктов и приготовлении блюд из мяса использовали термическую обработку – варку и обжарку (в том числе на рожне); для длительного хранения применяли сушку, вяление, копчение. Варка мяса, как пишет И.Г. Георги, производилась “обыкновенно все в одной воде, без соли и сала” [Георги, 1799, С. 33].

Аборигенная форма земледелия, сводившаяся к выращиванию в ограниченных объемах пшеницы, ржи, овса, проса и других растительных культур, позволяла предбайкальским бурятам иметь на столе продукты из муки и круп – саламат, разнообразные каши и пресные лепешки [Георги, 1799, С. 32]. В числе излюбленных мучных блюд была известна поджаренная крупа с маслом и сметаной, в передаче И.Г. Георги – *куран*. Можно предположить, что здесь имелся ввиду продукт, схожий с *зурил*, представляющий каленные дробленые зерна или муку, смешанные с маслом (сметаной). Дикоросы восполняли потребности в растительной пище, в сочинении все того же автора, например, перечислены коренья “простой и сибирской овсянки, белой сараны, сердечной травы, макаршино и макаршина корня, черноголовнику и других, которые они находят собраниями, большей частью в норах степных мышей” [Георги, 1799, С. 32].

Рыбные продукты, видимо, занимали незначительное место в пищевом рационе бурят. Как пишет И.Г. Георги, предбайкальские буряты “... рыбную ловлю занимают, только в крайней нужде” [Георги, 1799, С. 29]. В отношении других бурят это распространялось еще в меньшей степени.

Важно, что авторы XVIII в. подмечают специфику питания хори-бурят как степных кочевников, в пище которых главенствуют мясомолочные продукты, полученные от ведения скотоводческого хозяйства. Указывается преобладание в их летней пище кисломолочных продуктов, в зимней – мясных продуктов, творога и масла, заготовленных в летне-осенний период [Георги, 1799, С. 32].

Умолчание в трудах ученых и сочинителей той эпохи фактов употребления в пищу мяса диких животных и дикоросов не опровергает того, что на самом деле эти продукты издавна были включены в систему питания этих бурят.

Следует добавить, что в рассматриваемое время оставалось незабываемым ежегодное проведение у хори-бурят осенней облавной охоты *аба-хайдак*, в которой было задействовано почти все взрослое мужское население, и в результате которой каждая семья обеспечивалась мясом и шкурами диких животных.

Не ускользает от их внимания авторов XVIII в. отсутствие традиции приготовления и потребления хлебных и мучных изделий у данной группы бурят; но при этом известно присутствие в их рационе каш и похлебок из круп. Кроме этого, смеем предположить, что в XVIII в. собирательство играло весьма важную роль, хотя бы потому, что в XIX в. оно как источник растительной пищи не утратило своего значения.

Среди напитков, нашедших распространение у всех бурят, называются: чай, мясные бульоны, кислое молоко, простокваша, вода, березовый сок, как алкоголь содержащие – кумыс и молочное вино. Причем указаны как привозные плиточные чаи из Китая, так и представляющие сборы из местных трав: “Чай их есть так называемый кирпичный или сибирского багульника листья, также с шиповника, брусницы, бадану, или так называемого чагирского чаю, балгу, пятимышника каменного и кустоватого, каменного зверобою, а иногда и из корня сердечной травы и черноголовнику” [Георги, 1799, С. 33]. Большой интерес вызывает тот факт, что подобно известному и поныне способу заваривания зеленого кирпичного чая в XVIII в. готовился чай на травяной или корневой основе с добавлением молока, масла, соли и поджаренной муки (замбаа). В ежедневном рационе бурят он иногда представлял основное блюдо. Сложно сказать, что было первично в бурятской кухне – зеленый чай или его заменитель. Позднее, в XIX в., современники поражались привычке бурят к питью зеленого чая, потребляемого, как им казалось, в неоправданно больших количествах. Например, в докладной записке начальника IV отдела I департамента Министерства государственного имущества Игренева об этом сообщается следующее: “... по мнению г. губернатора, главное зло не в том, что существует такая торговля и сбор, а в непреодолимой, страстной привычке к чаю самих инородцев. Привычка эта, общая впрочем, забайкальским обитателям низшего и даже среднего классов, происходя из местных обществ, основанных, быть, может, на требованиях самой природы, хотя и служит для бурят как бы необходимым предохранительным средством от болезней, развивающихся от исключительного употребления мясной жирной пищи, но за всем тем доходит между ними до ужасного, судя по количеству выпиваемого ими чая и издержкам на оный. Каждый семейный бурят, не включая самого бедного, потребляет его в год с женою, по крайней мере, до 12 кирпичей” [АНХ, Ф. 40, Д. 414, Л. 65]. Если же исходить из такого непреложного факта, что в последующем столетии практика приготовления

чая на основе трав и корней никем из исследователей и авторов сочинений о бурятах не фиксировалась, то можно говорить об исчезновении ее вследствие перехода основной массы бурят к завозному китайскому чаю, масштабы торговли которым резко возросли.

Упоминание, что домашнее вино курилось из кислого кобыльего молока (в документах первой половины XIX в. оно так и называлось “кумызка”), показывает, что в XIX в. в технологии его производства произошла окончательная замена сырья – кумыса (айрак) на простоквашу (хурэнгэ) из коровьего молока. Причиной этого, очевидно, было изменение состава домашнего стада забайкальских бурят, в котором сокращалась доля лошадей, и возрастала – крупного рогатого скота. Между тем, в изучаемое время предбайкальские буряты использовали для получения молочного вина простоквашу. Татаринов М. обращает внимание на присутствие в их пище главным образом коровьего молока, что было связано, по его мнению, со спецификой стада – “кобыля мало, ибо по множеству имеют коров” [РГАДА, Ф.24, Д.70, Л. 14].

Согласно Смолеву Я.С. буряты в XIX в. питались четырежды в течение суток в определенные часы, при этом пили в основном чай зутараан, речь о котором шла выше [Смолев, 1898, С. 24]. Примерно так же было и в предшествующем столетии, когда во время повседневных утренних и дневных трапез употреблялись молочные и растительные продукты, а вечерняя трапеза состояла из мясной пищи – отварного мяса или мясного супа с зерном.

Краткий обзор повседневного питания бурят XVIII в. позволяет утверждать, что в нем при всей статичности проведения трапез уже начали возникать определенные трансформации как в составе блюд и напитков, так и в их рецептуре, подталкиваемые изменениями в традиционной экономике.

Примечания

Георги И. Описание всех обитающих в Российском государстве, народов и их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, вероисповеданий и прочих достопамятностей. – Ч. II. – СПб., 1799.

Смолев Я.С. Три табангутских рода селенгинских бурят: Этнографический очерк // Труды Троицко-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Императорского русского географического общества. – 1898[1900]. – Т.1. – Вып. 3. – С. 79-135.

Российский архив народного хозяйства, Ф. 40, Д. 414, Оп. 1, ЛЛ.44 Об – 67. 1840 г., января 31 // Из записки начальника IV отдела I департамента Министерства госимуществ г. Игренева о порядке сбора с Забайкальских инородцев податей и повинностей.

Российский государственный архив древних актов, Ф. 24, Оп. 1, Д.70 // Описание о братских татарах, сочинённое морского корабельного флота штурмана ранга капитана Михаилом Татариновым.

Российский государственный архив древних актов, Ф.199, Оп. 1, Порт. 509, Д.2 // Известия о шаманах и колдунах сибирских.

**МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ГОРОДАХ СФО
(ПО МАТЕРИАЛАМ ЭКСПЕРТНОГО ОПРОСА
В НОВОСИБИРСКЕ, КРАСНОЯРСКЕ И ТОМСКЕ)**

Конец XX – начало XXI в. в России, в том числе и в Сибири, отмечены активизацией миграционных процессов. Города СФО становятся центрами притяжения иммигрантов. В связи с этим возникает вопрос о характере и формах межэтнического взаимодействия в городских полиэтничных сообществах.

С целью оценки сложившейся ситуации в этой сфере было проведено обследование нескольких национально-культурных объединений (НКО) Новосибирска, Красноярска и Томска. В Новосибирске и Красноярске это – объединения белорусов, украинцев, немцев, китайцев. В Томске – немцев, казахов, башкир и белорусов. Исследование включало в себя глубинные интервью с главами НКО. В интервью были заданы вопросы, касающиеся культуры, религии, состава НКО, проблем возникающих у представителей данного этноса, проживающих в городе и сельской местности.

Новосибирск, Томск и Красноярск – города с развитой промышленностью, торговлей, значительным количеством рабочих мест, в том числе и в сфере низкоквалифицированного труда. Это крупнейшие научные и учебные центры Сибири. Развитая социально-экономическая инфраструктура и обширный рынок труда делают их привлекательными для иммигрантов. А тот факт, что население городов этого региона постоянно пополнялось и пополняется за счет все новых и новых миграционных потоков накладывает определенный отпечаток на степень готовности к взаимодействию с новыми группами мигрантов.

В Новосибирске, Томске и Красноярске существуют центры межнациональных отношений, в деятельности которых принимают активное участие все НКО. Ими организуются национальные праздники, и выступления на городских мероприятиях. В помещениях центров работают кружки творчества, музыкальные и танцевальные коллективы, проводится ряд языковых курсов. Одна из задач этих центров – повышение информированности общества о культурных особенностях народов, проживающих в Сибири, развитие толерантности.

Проведение глубинных интервью с главами НКО сибирских городов, позволило оценить такие факторы, как: самоидентификация молодого поколения, интерес к этнической культуре и языку, приверженность национальным обычаям, обрядам, а так же религии. Характеризуя само-

идентификацию второго поколения мигрантов, эксперты отмечают, что дети, рожденные на территории России, склонны отождествлять себя с русскими. Особенно это утверждение относится к детям от смешанных браков.

Такой значимый дифференцирующий признак как национальные имена, в украинской, белоруской и немецкой группах Новосибирска, Красноярска и Томска употребляется редко. Среди казахов, башкир и татар, широко распространены этнические имена и фамилии, причём и сейчас детям зачастую продолжают давать этнические имена. Китайцы же дают своим детям двойные имена. Национальное имя употребляется в кругу семьи, русское – в детском саду, или школе, куда ходят дети.

Во всех исследуемых группах традиционно национальность детей определяется по национальности отца, однако как показывает опрос, этот фактор порой перестает иметь значение при самоидентификации детей. Эксперт китайской группы отмечает, что дети, рожденные в России «как русские» – они говорят на русском, смотрят русские фильмы; но это не вызывает опасения, поскольку национальные традиции поддерживаются в семье.

Эксперты немецкой группы подчёркивают, что среди детей от смешанных браков, даже если дети считают себя русскими, все же проявляется интерес к немецкой культуре, в частности, к языку. Среди украинцев и белорусов более распространено явление, когда оба родителя – представители какой-либо одной из этих групп, а дети считают себя русскими. Что касается татарской, казахской и башкирской групп, то здесь, как отмечают эксперты, большую роль в процессе самоидентификации играет семейное воспитание.

Отношение к смешанным бракам у большинства обследуемых народов положительное. Но маловероятно, что на данный момент браки белорусов, украинцев и немцев с русскими в полной мере воспринимаются ими как межэтнические. Китайцы также в целом положительно относятся к смешанным бракам, но в то же время не приветствуют браки с представителями стран Средней Азии и Кавказа, прежде всего с азербайджанцами и грузинами. В то же время эксперт башкирской группы отмечает предпочтение моноэтническим бракам, поскольку именно в них наиболее полно сохраняется национальная культура, «корни народа».

Если сравнить интерес к своей этнической культуре молодых представителей европейских и восточно-азиатских национальностей, проживающих в крае, то у вторых он заметно выше. Национальные праздники и обычаи у белорусов, украинцев и немцев в Сибири сохранились лишь частично. Отмечается ряд религиозных и государственных праздников: лютеранское Рождество, День независимости Украины, Пасха и проч. У представителей казахской и башкирской групп национальные обычаи сохранились в большей степени. У представителей китайской диаспоры празднование национальных праздников и соблюдение обычаев имеет устойчивый харак-

тер; так, например, свадьба проходит в соответствии с китайским обычаями, как правило, в Китае.

По мнению лидеров НКО сибирских городов, сохраняет свое значение и национальная религия. Белорусы, украинцы – в основном, православные; преобладающая часть немцев – лютеране (было отмечено, что именно религиозная принадлежность помогла сохранить самосознание и культуру). Китайцы преимущественно придерживаются буддизма, хотя начинает распространяться христианство; казахи, татары и башкиры – придерживаются ислама.

Даже при снижении количества верующих, эксперты говорят о сохранении значимости религии как важного компонента культурного и духовного единства народа. Особенно важным религиозный фактор определили эксперты немецкой, татарской, казахской и башкирской диаспор.

Важным фактором сохранения этничности лидеры НКО считают национальную школу. В Красноярске национальные школы у обследуемых объединений отсутствуют. Это, по словам экспертов, происходит в основном из-за отсутствия необходимых денежных средств. В то же время, при попытке создания национального класса украинским НКО, сформировать класс не удалось. Однако существуют языковые курсы и ряд кружков, где желающие могут ближе познакомиться с особенностями национальной культуры.

Очень активно в области сохранения национальных языков работают центры Новосибирска. В Томске существует средняя школа № 10 – «школа национального согласия»; открываются также языковые классы в некоторых общеобразовательных школах. Все эксперты отмечают некоторые проблемы с обеспечением литературой на национальном языке. Несмотря на то, что выпускается некоторое количество печатных изданий, в большинстве случаев они выходят нерегулярно и небольшим тиражом. Межнациональные центры также имеют фонды литературы на национальных языках.

Национально-культурные объединения занимаются не только поддержанием культурных традиций, но и в значительной степени, вопросами социально-экономического порядка, возникающими в связи с развитием миграции в СФО. Характеризуя деятельность НКО, следует отметить некоторую пассивность горожан Сибири по отношению к этим организациям. Так, эксперт украинской группы подчеркнул, что молодежь посещает мероприятия, проводимые НКО, однако не вступает в общество. Можно констатировать некоторый спад интереса к этничности, по сравнению с началом 1990-х гг. Интерес к национальной культуре в среде молодежи нестабилен.

Что касается участия в деятельности национально-культурных объединений, то войти в их состав может каждый, кто интересуется культурой того или иного народа, вне зависимости от собственной национальности. При этом НКО мигрантов из стран Азии как правило, мононациональны,

несмотря на декларируемую свободу вступления в общество. Ни в одном из объединений на данный момент не существует членских взносов, также как и четких данных о количестве членов. Как правило, ведется учет лишь активных участников, принимающих участие в организации мероприятий.

Белорусы и украинцы давно интегрированы в принимающее сообщество в силу близости культур и общности истории. Также немаловажным является то, что они не акцентируют свою этническую принадлежность в повседневной жизни. Их поездки на историческую родину носят нерегулярный характер. Это же касается и немцев. Данные группы становятся «другими» лишь при определенном усилии со стороны; их представители осознают себя, прежде всего, россиянами. Самосознание представителей этих народов и уровень адаптация немногочисленных мигрантов вводит их в группу «мы» для принимающего населения.

Азиатские же диаспоры являются достаточно чужеродными для принимающего сообщества, так как мигранты из стран Азии являются носителями иной культуры и языка, обладают иной внешностью, и далеко не все имеют достаточный опыт пребывания в городах России. Ежегодные поездки старшего поколения на родину для переоформления документов, или к родственникам поддерживают их самоощущение как, в первую очередь, части своего этноса. Маргинальное положение мигрантов, возвратный характер миграции и ее масштабы в последние годы, не дает им в достаточной мере адаптироваться и стать «своими» в принимающем сообществе. Однако молодежь, несмотря на знакомство с национальной культурой, уже в большей степени, чем их родители отождествляют себя с принимающим сообществом.

Давая оценку отношений с представителями других этнических групп, лидеры НКО отмечают либо полное отсутствие, либо незначительное количество конфликтов на этнической почве. Отношения с принимающим населением также характеризуются преимущественно позитивно. Лишь эксперт китайской группы отметил некоторое ухудшение отношения к китайцам по сравнению с 1990-ми гг., связывая это с неблагоприятной экономической обстановкой. Возникающие проблемы лежат в основном в юридической и экономической сфере.

В целом же в полиэтничном сообществе сибирских городов сохраняются толерантные установки в сфере межэтнического взаимодействия.

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ РУССКИХ ИЗДЕЛИЙ В ОБРЯДАХ ОБСКИХ УГРОВ

В ходе работы Приполярного этнографического отряда ИАЭТ СО РАН летом 2006 г. собран материал по теме проекта «Изделия русских ремесленников в обрядах обских угров (способы адаптации)» в рамках новой Программы фундаментальных исследований Президиума РАН.

Металлические изделия. В одном из разрушенных культовых амбарчиков, расположенных недалеко от бывшего мансийского селения Нижне-Нильдино Березовского района Ханты-Мансийского АО, было обнаружено серебряное блюдо, изготовленное в Тобольске в 1795 г. (рис. 1). По краю его лицевой стороны выгравирована сцена охоты. Следует отметить, что это наиболее раннее из известных на сегодняшний день серебряных блюдец, выполненных в мастерских Тобольска для нужд инородцев. Судя по месту хранения и состоянию блюда, оно использовалась в обрядах жертвоприношения: в блюде наливали кровь жертвенного животного и ставили перед фигурами домашних духов-покровителей.

В пос. Ломбовож (р. Ляпин) в доме манси Албиных на чердаке в святом сундуке хранится жестяная тарелка конца XIX в., белого цвета, без рисунков. Здесь же зафиксирована масленка из мельхиора, выполненная в конце XIX в. в Варшаве, при этом две ее части – блюдо и крышка находились в двух разных свертках жертвенной ткани. По информации хозяина дома, жестяная тарелка, блюдо и крышка от масленки использовались в ритуальной практике: во время жертвоприношения коня или оленя указанные сосуды ставили перед домом – в них, согласно традиции, должен был опустить копыта конь Мир-сусне-хума.

Еще одно жестяное блюдо рубежа XIX – XX вв. (сложный геометрический и растительный узор нанесен на лицевую сторону красками), зафиксировано в святом амбарчике на культовом месте Мис-хум-ойки около пос. Менкв-я-пауль (р. Северная Сосьва). Несколько серебряных рюмок и чарка из мельхиора обнаружены в составе жертвенной посуды манси в пос. Патрасуй и Посолдино (р. Северная Сосьва).

Таким образом, собранные в экспедиционный период материалы подтверждают сведения о том, что русская металлическая посуда использовалась в обрядовой практике обских угров достаточно широко.

В одном из амбарчиков на культовом месте недалеко от пос. Нижне-Нильдино обнаружена медная русская бляха со всадником; большая часть

Рис. 1. Серебряное блюдце со сценой охоты.
Тобольск, 1795 г.

таких изделий отливалась в мастерских Михайленко в конце XIX в. в Березове. При том, что на подобных бляхах традиционно изображен всадник, стабильно соотносящийся в мифологии хантов и манси с фигурой Мир-сусне-хума, бляхи на протяжении конца XIX в. и всего XX века обычно встречались в быту хантов, манси и ненцев в качестве украшений головных уборов. Фиксация медной бляхи в качестве культового атрибута – достаточно редкий факт.

Собран материал по бытованию русских детских игрушек в обрядовой практике хантов и манси. Значительную группу игрушек составляют фигурки, выполненные из папье-маше во второй половине XIX в. Это миниатюрные фигурки лошадок с подставкой на колесиках (пос. Ломбовож, Тутлейм на р. Вогулка, Хорьер на р. Сыня), которые в обрядовой практике выполняли роль животного Мир-сусне-хума; всадники (пос. Нимвожгорт на р. Сыня), обозначающие самого Мир-сусне-хума; сложная композиция: офицер едет в повозке, запряженной лошадкой (пос. Тутлейм); несколько поломанных фигурок гусар, ранее, скорее всего, также сидевших на лошадках. Подобные игрушки либо являются основой фигуры духа-покровителя, либо хранятся в святых сундуках как обозначение фигур божеств и их животных.

В одном из домов в пос. Кимкьясуи в святом сундуке описана детская игрушка, представляющая собой группу гусей. Хранение столь необыч-

Рис. 2. Детская игрушка-лошадка –
культурный атрибут хантов.

ной игрушки среди культовых атрибутов может быть связано с тем, что два мансийских божества – Мир-сусне-хум и Калтась выступали не только в антропоморфном облике, но имели и птичью (гусиную) ипостась.

В культовом амбарчике около пос. Хорьер (р. Сыня) обнаружена глиняная свистулька-птичка. Она выполнена русскими ремесленниками во второй половине XIX в., ханты использовали ее как основу фигуры семейного духа-покровителя; одежды шиты хантыйской мастерицей. Многие божества у хантов имели птичью ипостась, в частности, на Сыне среди тотемных предков почитали чайку, гуся, кукушку. Данная фигура духа-покровителя обозначает одного из таких тотемных предков в облике гуся.

В этом же амбарчике хранилась игрушка в виде резиновой лошадки, обмотанная красным шерстяным шнуром с нанизанными медными кольцами и перстнями (рис. 2). Можно предполагать, что таким образом была осуществлена временная жертва: в святой сундук положен залог в виде игрушки-лошадки; реальное же жертвоприношение, скорее всего, было проведено позже, по мере приобретения животного.

В пос. Вершина Войкара (р. Войкар) жертвенное подношение семейным богам было выполнено в виде детской картонной плоской фигурки медведя в связке из лент и куска медвежьей шерсти. Столь необычное подношение связано с почитанием божества в облике медведя.

Рис. 3. Игрушка «Крестьянин и корова»
из святого сундука манси.

В пос. Ломбовож в святом сундуке описана игрушка из жести, условно названная нами «Крестьянин и корова» (рис. 3). Изделие русских или польских ремесленников конца XIX в., на подставке припаяны две фигуры – крестьянин идет за коровой. Фигура коровы была обмотана шерстяным красным шнуром уже мансийским владельцем. Игрушка была поднесена семейному духу-покровителю с просьбой о сохранности стада.

Можно констатировать, что вхождение продукции русских ремесленников в обрядовую практику обских угров на протяжении XIX – XX вв. происходило достаточно часто; адаптация осуществлялась либо на уровне образа (всадник, животное), либо в рамках традиции использования посуды из белого (священного) металла, которая фиксируется в регионе еще с эпохи раннего средневековья.

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ПИЩА РУССКИХ МАСЛЯНИНСКОГО РАЙОНА
НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА
(ПО МАТЕРИАЛАМ ПОЛЕВОЙ ЭКСПЕДИЦИИ 2006 ГОДА)**

Полевой материал, послуживший основой данной статьи, был собран в июне 2006 г. в селе Маслянино Маслянинского р-на Новосибирской обл. в составе Западносибирского этнографического отряда под руководством Майничевой А.Ю. В ходе полевой экспедиции нами были опрошены уроженцы сел Мамонтово, Каменный Изырак, Маслянино.

Маслянинский р-н находится в юго-восточной части Новосибирской обл., на границе с Алтайским кр. и Кемеровской обл. Климат района характеризуется оптимальным или избыточным увлажнением и недостатком тепла, но западные и центральные части района могут испытывать недостаток влаги.

Зональный комплекс растительности представлен северной лесостепью. Западная часть района являет собой предгорную лесостепь с остепненными лугами и березовыми лесами; в значительной степени она распахана. Сосновые боры тянутся вдоль по террасам Берди. Лес занимает 40-50% площади района. Луга используются как сенокосные и отгонно-пастбищные угодья [Красников, Жирова, Черный, 2003, с. 3-4].

Заселение с. Маслянино, относившегося к Николаевской волости Барнаульского уезда Томской губернии, началось в конце XIX в. В 1887-1913 гг. в село прибыли переселенцы из Пермской губернии, в 1901-1903 гг. – из Вологодской губернии. В 1901-1909 гг. в с. Маслянино приехала группа переселенцев из Вятской губернии» [Фурсова, 2003, с. 123]. Также в начале XX в. в село прибыли переселенцы из Тобольской, Томской, Новгородской, Нижегородской, Пензенской, Уфимской, Владимирской, Калужской, Симбирской, Черниговской, Курской губерний.

Интересные сведения о первых переселениях в с. Маслянино и быте его жителей дает Ананий Лямзин – «коренной житель села», как он себя характеризует в рукописи, которая хранится в фондах краеведческого музея поселка Маслянино. Приблизительная дата создания рукописи по мнению работников музея – 1920-е гг. Ее автор – А. Лямзин пишет, что в начале основания села «все пространство вокруг было покрыто толстым материчным лесом и свалившимися деревьями...Свободными от леса были только луга около реки, да небольшие поляны, которые крестьяне расширяли, выжигая и раскорчевывая лес. Они занимались больше животноводством, сеяли рожь и овес и по мере освобождения от леса пространства в северо-

западном направлении и стали сеять пшеницу» [Лямзин А. С.3]. Прибытие большого количества переселенцев из России в село в 1900-1910 гг. А. Лямзин связывает с появлением в Сибири железной дороги. Приезжие крестьяне, по наблюдениям автора, не имели возможности заниматься своим хозяйством и в большинстве случаев на первых порах работали по найму.

В «Описании Маслянинского района Новосибирского округа», которое было составлено весной 1928 г. учителем Маслянинской опорной школы В. Казанцевым, приводятся подробные сводки о росте посевной площади в селе по отдельным культурам с 1920 по 1927 гг., росте животноводства с 1926 по 1927 гг., данные о развитии огородничества, садоводства, пчеловодства. Автор подчеркивает, что «в район все время идет переселенческая волна». Сводные таблицы, приведенные автором наглядно иллюстрируют рост крестьянских хозяйств в районе (согласно данным «Описания...» с 1922 по 1927 гг. в районе образовалось 895 хозяйств), а также и рост «материального благосостояния отдельного хозяйства в среднем», т.е. примерное количество посевов, лошадей и коров на каждое отдельное крестьянское хозяйство.

Приведенные В. Казанцевым данные свидетельствуют о том, что преобладающими культурами в районе в 1920-1927 гг. были озимая пшеница, озимая рожь, яровая пшеница и овес. В крестьянских хозяйствах разводили коров, лошадей, овец, свиней. «Больше всего разводят картофель, капусту, лук, чеснок, огурцы, морковь, брюкву, редьку, редис, подсолнух, горох, бобы... За последнее время стали распространяться помидоры. Садоводство совершенно отсутствует. Исключение – хозяйство Мерзликина в д. Мамонтово. Он разводит садовую малину и смородину разных сортов, крыжовник, викторию, черемуху и хмель. Площадь его сада занимает около полдесятины. Восточная горно-лесная часть района способствует развитию пчеловодства. Пчеловодство здесь развито и ведется изначально» [«Описание...», 1928, с. 9-13]. Кроме того, В. Казанцев дает краткое описание животного и растительного мира района. В лесах в окрестностях района росли черемуха, рябина, калины, боярышник, бузина, черная и красная смородина, малина. Из животных в лесах можно было встретить почти все разновидности пушных зверей, а также глухарей, уток, гусей, куропаток, тетеревов. В речных водоемах обильно водилась рыба: пескари, чебаки, хариусы, караси, окуни, налимы, лени, щуки.

В целом можно сказать, что природно-климатические условия Маслянинского р-на способствовали развитию здесь земледелия зернового направления, молочно-мясного животноводства и различных промыслов таких как рыболовство, охота и собирательство.

Повседневный рацион маслянинских крестьян зависел от того, какой это был день – постный или скоромный (молосный). Традиционно православными соблюдались четыре ежегодных поста: Великий, Рождественский, Успенский, Петровский и нечетные постные дни на неделе: понедельник, среда и пятница.

О влиянии календарных праздников на запреты в питании (при совпадении их с постными днями) большинство респондентов ничего сказать не смогли. Неверующие информаторы такого разграничения не отмечают. Наиболее распространенными блюдами в пост служили паренки (брюква, репа, морковь, тыква – в нее иногда добавляли пшена, свекла, калина, пареные в русской печи), пельмени с начинкой из капусты или редьки, вареный картофель, кулага (смесь из пареной калины и ржаной муки с водой), соленая капуста, колба, огурцы, гречневая, просынная, пшенная каши, вареники с творогом и картофелем. Часто готовили затирухи и заварухи (из смеси растертого картофеля, муки и воды), тюри (смесь муки, лука, сахарей, залитых кипятком).

Популярным блюдом в пост было толокно: «Пшеничную муку засыпали в корчагу и прожаривали, а потом парили в печке. Ели толокно молоком, квасом или киселем» [ПМА (здесь и далее полевые материалы автора), 2006, А.П. Конева, 1920 г.р]. Весной собирали лук-слизун, батун, пестики молодого полевого хвоща, медвежьих пучки, медунки, саранки. Их солили или ели в свежем виде. В военное время готовили суп из листьев крапивы и лебеды. Из корней сурепки делали масло. Сушили паслен и черемуху – их использовали, как и пареную калину в качестве начинки для пирогов. Вообще выпечка и хлебные изделия занимали значительное место в рационе маслянинских крестьян. Популярны были пряники, пироги и шаньги с начинками из овощей, грибов, конопли, сушеных ягод, картофельные сайки. Часто готовили курник (закрытый пирог продолговатой формы преимущественно с начинкой из курицы). Также пекли курники с творогом, картофелем. «Часто мама пекла сайки из чищенной отжатой картошки. Картошку растирали и смешивали с мукой» [ПМА, 2006, Перминова З.Я., 1929 г.р]. Распространенной выпечкой в праздники и будни являлись пресные и кислые блины, оладьи, драники, сочни, стружники, вафли, которые выпекались в чугунных вафельницах) каральки (их сначала варили, а потом обжаривали в масле), калачи из смеси яиц, муки и творога, обжаренные в жиру.

Поскольку рыбы, по словам большинства информаторов, «раньше водилось много», рыбных блюд и блюд из икры различных видов рыб в рационе крестьян было также много. Из икры карася или язя, смешанных с мукой, на сковороде пекли лепешки (икрянки). Популярны были и рыбные пельмени (с начинкой из муксуна), рыбные пироги (закрытый продолговатый пирог с начинкой из рыбы назывался – рыбник), жареная рыба, уха (щерб). Рыбий жир вытапливали и жарили на нем картофель.

В скоромные дни ели пельмени с мясом или с салом, творог со сметаной. «В нашей семье делали сырчики – смешивали творог, сметану и муку, «обкругливали» и получались круглые лепешки. Их морозили, а потом ели с молоком. Очень вкусно было. А еще мы молоко замораживали и стругали» [ПМА, 2006, А.С. Руденко, 1919 г.р.]. Мясо жарили, тушили, а иногда просто парили в чугуне в русской печи. Готовили солонину, студень.

Распространены также были блюда из картофеля. «Картошку сварят, истолкут, муки поджаренной туда добавят и ставят в печку запекаться. Это блюдо называлось «бабка» [ПМА, 2006, В.А. Еньшина, 1920 г.р.]

По свидетельству информатора Е.Т. Губенко в селе Маслянино в 1930-1940-е гг. жили переселенцы-немцы, приехавшие из Латвии. Они научили ее готовить штрудель: «Подружка у меня была немочка. Мы с ней жили вместе, и на ужин она штрудель готовила, и меня научила: варишь крупно нарезанную картошку и пережариваешь ее на сковороде с колобками из теста и добавляешь масло и лук» [ПМА, 2006, Е.Т. Губенко, 1915 г.р.]. Хотя известно, что в традиционной немецкой кухне штрудель – это пирог из слоенного теста с разнообразными начинками. От немцев, как считают информаторы, было заимствовано и приготовление супа с картофельными клецками.

По рассказам большинства информаторов, чай черный плиточный появился в селах после войны, в конце 1940-х гг. До появления чая заваривали и пили сушеные листья малины, смородины, брусники, белоголовника, сушеную и измельченную морковь, хлебные ржаные корки. Готовили кисели из гороховой и овсяной муки, пареной калины. Делали различные морсы и настои из ягод, варили пиво и медовуху.

В целом, характеризуя питание русского населения Маслянинского р-на в первой половине XX в., можно сделать выводы о преобладании зерновых и овощных продуктов в рационе крестьян. Мясные и молочные продукты, несмотря на развитое в селах района животноводство мясо-молочного направления играли в рационе менее заметную роль. Значительное место занимают блюда из рыбы ввиду большого количества рыбы в местных водоемах. Такой состав рациона во многом обусловлен природно-климатическими условиями территории, на которой расположен данный район. Несмотря на полиэтничный состав сел Маслянинского района (русские, украинцы, белорусы, немцы) каких либо многочисленных заимствований в сфере традиционной кулинарии, по словам информаторов, не было.

Примечания

Красников А.А. Жирова О.С., Черный И.В., Растения Маслянинского района Новосибирской области, Новосибирск, 2003.

Описание Маслянинского района Новосибирского округа. Составлено весной 1928 года учителем Маслянинской опорной школы В. Казанцевым. (хранится в фондах краеведческого музея Маслянинского района).

Лямзин А.Т. Рукопись.

Фурсова Е.Ф. Этнокультурное взаимодействие восточнославянских старожилов и переселенцев Приобья, Барабы и Кулунды по материалам календарных обычаев // Проблемы изучения этнической культуры восточных славян Сибири XVII-XX вв., Новосибирск, 2003, с. 80-130.

О БОРЬБЕ С ХАКАССКИМ ШАМАНИЗМОМ В СОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ

В Хакасии на протяжении нескольких столетий с шаманизмом как мировоззренческой системой и культовой практикой боролась Русская православная церковь. Нередко христианские священнослужители искореняли "идолопоклонство" самыми радикальными мерами. Так, например, священник села Матурского Иван Штыгашев насильственно "отбирал бубны, одежды шаманов, изображения духов и сжигал их, шаманов привязывал к столбу и подвергал даже порке" [Бутанаев, 2006, с. 14]. Не прекратилась, а, скорее усилилась борьба с шаманизмом в советское время. Новая идеологическая система – атеизм свой приговор шаманизму вынес в первые же годы советской власти, объявив его "мрачным пережитком феодального прошлого", а шаманов – "проходимцами" и "тунеядцами".

После установления советской власти в Хакасии шаманизм был поставлен большевиками в один ряд с ортодоксальными религиями. Борьба с шаманизмом в 1920-30-х гг. имела три главных направления: во-первых, с целью ликвидации шаманства как социального явления, были предусмотрены меры административно-судебного характера – запрет шаманской деятельности, лишение шаманов избирательных прав, привлечение их к судебной ответственности. Во-вторых, огромное внимание придавалось идейно-политическому воспитанию населения с целью обеспечения монопольного положения в общественном сознании марксистско-ленинского мировоззрения, включающего в себя материалистическое миропонимание и, таким образом, вытеснение религиозных верований. В-третьих, так называемое «оздоровительное» направление, когда путем создания и развития санитарного просвещения, сети медицинских учреждений, улучшения социально-бытовых условий населения открыто предусматривалось искоренение шаманизма.

Начиная с 1923 г., после образования Хакасского округа, шаманов стали лишать избирательных и других гражданских прав, выселять из родных мест. В 1930 г. за шаманство только по Таштыпскому р-ну в списках на выселение из Хакасии значилось 26 шаманов. В 1937 г. практически всех известных шаманов отправили в ссылки или посадили в минусинскую тюрьму, из которых они не вернулись [Бутанаев, 2006, с. 13].

В рассматриваемый период истории огромную роль в искоренении шаманизма имела планомерная целенаправленная деятельность партийных,

комсомольских и общественных организаций по антирелигиозной пропаганде. Проводить атеистическую пропаганду предписывалось не только партийным и комсомольским организациям, но и государственным органам и ведомствам, общественным учреждениям.

В целях дискредитации, шаманов принуждали публично отказываться от культовой практики. По мнению советских идеологов, данные меры должны были действовать на местное население наиболее убедительно. В газете “Советская Хакасия” № 3 за 6 января 1931 г. было опубликовано одно из таких “добровольных” отречений:

«Я, Кобряков Николай – Карман Лукьянович, проработал 40 лет честным трудом, решил пойти на легкий путь, занялся шаманством. Я шаманил восемь лет, зная, что шаманство человеку никакой пользы не дает, я заведомо его обманывал и дурачил, запугивая шайтаном в угоду баям, чтобы легче было им обдирать бедняка. Увидя и убедившись окончательно, что советская власть – это власть рабочих и крестьян, которая стремится улучшить быт хакаса, ведет к культурному ведению хозяйства, а каждый шаман стремится укрепить старые варварские бытовые устои родового хозяйства. А поэтому с сегодняшнего дня бросаю шаманство, порываю со всем прошлым и снова начинаю жить честным тружеником. Довольно гнусного обмана, довольно дурманить дурманом религиозных суеверий. Нет шайтана, нет изыка, нет помощи от шамана. Все заболевшие обращайтесь к науке – врачу. А вас, оставшихся еще верными шаманству, я призываю последовать моему примеру, сдать бубны и перейти к честному труду. Бывший шаман улуса Митконова, Кайбальского сельсовета, Аскизского района Кобряков».

Стилистика и основные идеи, исходящие из этого письма, а также крайне низкий уровень грамотности хакасского населения в то время, могут служить подтверждением того факта, что тексты “покаянных” писем составлялись самими антирелигиозными агитаторами. Шаман, как правило, не умевший писать, чаще всего просто прикладывал палец к заранее подготовленному тексту. Стоит отметить, что в 1930-е годы на страницах местных и центральных газет часто выходили статьи с разоблачениями шаманов, а также их “отказные” письма. Вот что писал корреспондент газеты “Правда” П. Синцов в заметке “Жизнь улуса Чилан”, перепечатанной 15 октября 1937 года в “Советской Хакасии”:

«В 1931 году в улусе Чилан, Хакасской автономной области, произошли три события. Организовался колхоз имени Буденного. Умер шаман и преемника ему не нашлось. Старик Ахпашев встал с постели и пошел работать. Все эти события показали, с какой быстротой исчезают пережитки старого в хакасском улусе. Уже в то время в улусе многие не верили шаману, но внезапное выздоровление старика Ахпашева окончательно разоблачило шамана в глазах всего населения. Дело в том, что на поминках одного из соседей шаман объявил старику Ахпашеву, что он хоть и жив, но душа его ушла вместе с покойником. Старик Ахпашев еле

добрел до постели. Шаман целый год жил за счет семьи старика, обещая вернуть душу на место. Теперь весь улус знает, что старик Ахпашев даже не болел. Он был просто испуган. Старик Ахпашев стал одним из лучших стахановцев колхоза».

Иницилируемые партийными органами “меры культурно-просветительского воздействия” предполагали также и устную агитацию. В местных клубах и школах представителями агитбригад ставились инсценировки, раскрывающие «одурманивание масс» шаманами, при этом нередко ими использовались, отнятые у шаманов костюмы, бубны и другие атрибуты [ПМА (здесь и далее полевые материалы автора), Итпекоев Г.В., 12.07.1996 г.р.]; организовывались политсуды над шаманами; проводились вечера на антирелигиозные темы, а также беседы и лекции о вреде шаманизма.

Несмотря на преследования, некоторые шаманы продолжали свою деятельность. Отдельными шаманами проводились камлания и в 1950-е гг. В обнаруженных нами архивных документах из филиала Центрального государственного архива Республики Хакасия имеются рассекреченные материалы органов МВД и МГБ за 1951 – 1954 гг. Документы представляют собой “Справки” и “Докладные записки” начальников МВД и МГБ по Хакасской автономной области. Материалы вводятся в научный оборот впервые. В Справке начальника Ширинского РО МГБ капитана Логинова имелись следующие сведения: «Данные о проявлениях шаманства относятся к 1951 г. Имели место факты шаманства в колхозе “ИРГИЮС” колхозницы Конгарова и Сабурова для проведения шаманских обрядов вовлекали колхозников и молодежь из числа учащихся в школе. Весной в 1951 г. Конгарова и Сабурова организовали шаманство на горе около 2-х берез и там же производили “кропление святой водой” учащихся и других присутствующих колхозников. К Сабуровой в 1951 году приезжала одна гражданка из Ужурского района, по национальности хакаска, которая путем шаманства лечилась у Сабуровой. В 1951 году коммунист Чекраев Петр Иванович лечил свою жену путем шаманства, возил жену лечить к шаманке в колхоз “Наа-Хоных” – Кобыжаковой, он также приглашал для лечения жены шаманку Сабурову. Новых фактов о шаманстве в Ширинском районе не имеем» [Филиал ЦГАРХ, ф. 2, оп. 1, д. 1715, л. 76].

В документах зафиксирован факт обращения к шаманам члена коммунистической партии П.И. Чекраева. Необходимо заметить, что среди народов Саяно-Алтая случаи оказания шаманами услуг своим идейным противникам – коммунистам были распространенными [Бурнаков, 2005, с. 56], и даже более того, были случаи, когда шаман был коммунистом, так например, кумандинский шаман Макар Кастаракоев являлся членом партии [Лобанова, 2003]. Шаманизм как элемент, составляющий культуру этноса, в этот период в латентной форме все же продолжал свое существование. Широко бытующий в сельской местности традиционный образ жизни, а также отсутствие необходимого медицинского обслуживания способствовали сохранности шаманизма и усиливали роль шамана.

В Докладной записке “О деятельности шаманов в Аскизском районе”, адресованной секретарю Хакасского Обкома КПСС тов. Побызакону Г.В. начальник управления МВД Хакасской автономной области Маслов писал: «Во исполнения Вашего указания о проверке наличия в Аскизском районе шаманов и характера проводимой ими деятельности, нами установлено, что в Аскизском районе среди отсталой части населения продолжают пользоваться популярностью шаманствующие элементы, деятельность которых сводится к отрыву населения от врачебной помощи, к распространению своих способов “лечения”, которыми наносится ущерб здоровью трудящихся и детей. Фельдшер медицинского пункта колхоза им. Мичурина, Базинского сельсовета – Федченко Клавдия Мелентьевна рассказала, что многие хакасы своих больных детей не показывают, а прибегают как правило, к помощи шаманов. Председатель Базинского сельсовета Тодинов Иван Иванович рассказал, что председатель правления колхоза им. Ворошилова, коммунист Косточаков Бютке, вместо того, чтобы показать врачу заболевшего у него ребенка, доставил его к шаману Белякову Оксану.

Со слов налогового агента Чертыкова Икена Мироновича, к упомянутому шаману из близлежащих населенных пунктов привозят “лечить” очень много детей. Во время “лечения” шаман Беляков Оксан обливает детей холодной водой и велит родителям кормить их червями с дерева. В мае т.г. шаманка Майнагашева Сарго, женщина лет 40-ка, платком “изгоняла духов” из заболевшей колхозницы с/хоз. артели им. Мичурина, 25-ти летней девушки Майнагашевой, а затем обливала ее холодной водой. Счетовод колхоза им. Энгельса Канзычаков Кирилл Николаевич рассказал, что в августе 1952 г., будучи пьяным, он потерял 2000 руб. денег. В целях “розыска” денег» он пригласил из колхоза им. Мичурина “знатного шамана”, однако сколько он не шаманил – ему не удалось найти денег. 13-го июня т.г. в колхозе им. Энгельса произошла авария автомашины, вследствие которой получили легкие повреждения зав. Складом сельпо Побызакон Еремей Михайлович, его 13-ти летний брат и мать. Ввиду отсутствия в колхозе им. Энгельса медицинского пункта, они все трое обратились за “помощью” к шаманке Сунчугашевой Хотанах. В колхозе им. Энгельса очень часто приезжает шаманить Барашков Симонч, проживающий в колхозе им. Ленина, Карагайского сельсовета, Таштыпского района. В феврале т.г. он шаманил колхозному кузнецу Канзычакову Григорию, у него же на квартире обучал шаманству Канзычакова Антонаха. “Знаменитый шаман” Кызласов Егор, так его называют хакасы, проживает в улусе Кызласове и периодически выезжает в с. Нижняя-Тея для проведения там сеансов шаманства. Настоящее сообщая Вам для сведения» [Филиал ЦГАРХ, ф. 2, оп. 1, д. 2007, л. 157-158].

Таким образом, антирелигиозная деятельность партийных, общественных и правоохранительных органов нанесла сокрушительный удар по шаманству. Большая часть хакасских шаманов была расстреляна либо погибла в ГУЛАГовских застенках. Культурно-просветительская рабо-

та партийных органов сыграла важную роль в изживании традиционных культовых практик. Но антишаманистская кампания велась поверхностно, без понимания сути многих вопросов. В целом же, государство не достигло желаемой цели – полного искоренения хакасского шаманизма, который продолжает свое существование и по сей день.

Примечания

Бурнаков В.А. Суицид и традиционное мировоззрение хакасов (из архивных материалов КГБ) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы Годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2005 г.). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН. – Том XI. – Часть II. – С. 52 – 56.

Бутанаев В.Я. Традиционный шаманизм Хонгорая. Абакан: Изд-во ХГУ им. Н.Ф. Катанова, 2006. – 254 с.

Лобанова Н. Шаманами здесь были и секретари парткомов // Вечерний Новосибирск, 18.10.2003 г.

ИГРА МАЦЗЯН В КОНТЕКСТЕ КЛАССИЧЕСКОЙ КИТАЙСКОЙ ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ*

Игры отмечены яркой этнической спецификой. Интеллектуальные соревнования, состязания в знании и мудрости, столь характерные для восточного менталитета, справедливо можно считать элементом традиционной китайской культуры.

Самая популярная китайская настольная игра – это Мацзян. Она появилась в начале XVII в. в портовых городах на юге Китая. Лидер китайской компартии Мао Цзэдун ставил игру мацзян в один ряд с традиционной медициной и знаменитым романом XVIII в. «Сон в красном тереме», называя их тремя главными достижениями китайской культуры [Ван Чжэньжи, Мураиси Тосио. 1999. С.6]. В этой связи изучение такой яркой национальной игры, как Мацзян (Маджонг), анализ ее игрового инструментария и набора специальных терминов представляет огромный интерес.

Примечательным явлением в рамках игровых технологий можно считать составление специальных рифмованных иероглифических прописей, где давались знания о мире и месте человека в системе всего мироздания. Известно, что в Китае этим целям издавна соответствовал целый пласт просветительской и педагогической литературы. Самые знаменитые произведения подобного рода были даже объединены в своеобразный цикл, который носит название «Сань, бай, цян» («Три, сто, тысяча»); «Байцзясин» («Канон ста фамилий»); «Цяньцзывэнь» («Канон тысячи иероглифов»). Все три произведения считались основными сводами жизненно необходимых знаний, которыми должен был овладеть любой ученик [Войтишек, 2002].

В данном случае предметом нашего исследования является сопоставление игры Мацзян с каноном «Саньцзыцзин». Традиционно считается, что «Саньцзыцзин» был создан в XIII в. при династии Южная Сун просветителем по имени Ван Инлинь, но окончательно вопрос об авторстве этого канона еще не решен. Само произведение представляет собой множество назидательных рифмованных сентенций, состоящих из 3-х иероглифов, откуда, собственно, и произошло само название памятника.

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 06-06-80022а и гранта Рособразования РНП 2.2.1.1.2183

По содержанию «Саньцзыцзин» представляет собой свод знаний по этике, истории и культуре, но при этом содержит также ряд своеобразных поучений, стимулирующих учеников к неустанному труду. Текст канона можно условно поделить на шесть неравнозначных по объему частей, каждая из которых посвящена своей тематике [Шедевры, 1999. С.65-114].

По аналогии с классическим каноном «Саньцзыцзин», состоящим из шести частей и содержащим 1122 знака, в последнюю четверть XX в. Китае было создано произведение «Мацзян-саньцзыцзин», то есть «Троесловие по мацзяну», состоящее из 678 иероглифов. Это произведение представляет собой своеобразное приложение к учебному пособию по игре Мацзян, в котором в стихотворной форме излагаются ее основные правила.

В полном соответствии со структурой классического произведения, здесь также выделено шесть частей. В первой части дается определение мацзяна, краткий экскурс в историю появления игры, приводится краткое описание главных мастей и названий костей. Во второй части описывается процесс подготовки к началу игры. Третья часть посвящена описанию тактики и стратегии игры, сравнению игры Мацзян с военной стратегией. При этом большое внимание уделяется рекомендациям морально-этического характера. Четвертая часть посвящена объяснению процесса подсчета очков после окончания игры. В пятой части объясняются детали некоторых приемов в игре – в зависимости от ролей игроков. В заключительной, шестой части утверждается идея об удовольствии и радости, которые приносит *мацзян* и подчеркивается, что эта игра создана для развлечения [Лу Цзя, Пу Гоцян, 1995.С.254-258].

Прежде всего, «Мацзян-Саньцзыцзин» апеллирует к учению о стратегемах, возникшему в VI – IV вв. до н.э. и разработанному в трудах военных полководцев Сунь-цзы и У-цзы. В настоящее время трактат о военном искусстве Сунь-цзы широко известен не только в Китае и соседних с ним странах, но и на Западе [Зенгер, 2004].

Кроме очевидной связи игры Мацзян с военным трактатом Сунь-цзы и 36 стратегемами, правила игры и рекомендации, изложенные в произведении «Мацзян-Саньцзыцзин», явно восходят к знаменитой гадательной книге древнего Китая «Ицзин», по сути являющейся философским трудом, основанным на диалектической идеологии и идеях наивного материализма [Шедевры, 1999. С.1-4].

Если же говорить о влиянии этой игры на китайскую культуру, то следует выделить область китайской сюжетной классической литературы, где постоянно встречаются упоминания о разнообразных интеллектуальных развлечениях. Это, несомненно, свидетельствует о той важной роли, которую в китайском обществе выполняли подобные игры ума.

САНЬЦЫЦЗИН О МАЦЗЯНЕ

(перевод выполнен авторами и публикуется впервые)

I

*Кости мацзян
бесконечное удовольствие.*

*Игра в кости-листья
появилась в эпоху Тан.*

*Название мацзян
появилось в эпоху Цин.*

*Главные кости:
тяо, вань, тун.*

*Кости с картинками
составляют пару в конце.*

*Набор костей готов,
можно приступить к игре.*

*Эта игра
для четырех человек.*

*Перемешивают кости,
складывают аккуратно в стопки.*

*Назначить «открытие дверей»,
два раза кинув кубик.*

*После набора
разложить кости по мастям.*

*Или ган,
или мянь,*

*Отличный, хороший, плохой
расклад нужно понимать.*

*Кости раскладываются
в три этапа.*

*Затем раскладывают
кости мянь.*

*Набирать нужные кости,
переменив порядок хода.*

*Пэн, встречаясь с ху,
должен уступить.*

*В нашем Китае
впервые были изобретены.*

*Кости мадяо
были известны уже в эпоху Мин.*

*Сейчас игра
уже вполне оформилась.*

*Остальные кости
называют юаньфэн.*

*Два кубика
определяют порядок отсчета.*

II

*Перед игрой
прежде определяют ведущего.*

*Кости с четырех сторон
образуют квадрат.*

*Начиная с ведущего, двигаться
против часовой стрелки.*

*Выйдет или шунь,
или кань,*

*Или дуйцзы,
или саньпай.*

*Определив тактику игры,
проявлять свои способности.*

*Сначала раскладывают
одиночные кости..*

*Чем раньше тин,
тем скорее победа.*

*Чи , встречаясь с пэн,
должен уступить.*

*Не умеющий играть,
играет за компанию.*

*Нарушитель правил
в наказание не забирает выигрыши.*

*Проиграв, ведущий
лишается этого права.*

*Чтобы сыграть еще раз,
определяют место.*

*Игра в мацзян
подобна управлению войсками.*

*Те кости, что в руках,
нужно понимать сердцем.*

*В начале не чи
и не пэн.*

*Кости соперника напротив
тоже надо предугадать.*

*Кости 1, 4, 7
используются редко.*

*Костями 3, 6, 9
нужно ходить чаще всего.*

*В [положении] минган схватить,
в [положении] аньган ждать.*

*Кто много играет, тот мастер,
кто мало играет, тот ученик.*

*Не «есть» кость с цифрой 3 –
вот правильное решение.*

*Сяочжан разрушить,
дачжан сдержать.*

*в конце концов ждет наказание –
его положение ослабнет.*

*Тот, кто убегает от огня,
хочет жить.*

*Кость перед тин
нужно хорошенько рассчитать.*

*Выиграв, ведущий
продолжает кидать кубики.*

*Одна игра
состоит из четырех этапов.*

III

*Способы игры
надо четко знать.*

*Взглянешь на три кости –
сразу определишь стратегию.*

*Хорошо сопернику справа,
хорошо и сопернику слева.*

*Надо выявлять черное
и подавлять красное.*

*Из костей 2, 5, 8 надо ходить
костью из середины.*

*Если выпадают чи, пэн, ган,
надо действовать осмотритель-
тельно.*

*Это игра моря и земли, нужно
стремиться к согласованности.*

*Костей 1, 9 приходит мало,
пар образуется много.*

*Опасную кость
надо сохранять в своих руках.*

*Того, кто избегает тяжелого
и ищет легкого,*

*Слишком стремясь к победе,
неизбежно потерпишь поражение.*

*Поиск скудной пищи
становится важным делом.*

*Способов игры много, но за-
прещается оставлять одиночные
кости.*

*Составление цзымо
следует считать сырм.*

*Великий игрок
формируется долго.*

*Соперники разные,
способы игры различны.*

*Великое мастерство
по силе подобно ветру.*

*Игрок в кости добродетелен,
подобен цзюньцзы.*

*После окончания игры
нужно подсчитать очки.*

*Игроку цзымочжэ
добавляют [очков] в два раза
больше.*

*Определяют выигрши
по правилам.*

*Выигрши мал, если [способ]
легкий, больше, – если сложный.*

*В разных районах
различные способы [игры].*

*Есть «небесный расклад»,
есть «земной расклад».*

*Расклад дуннаньфэй,
расклад цзюляньдэн.*

*Расклад шисаньяо,
расклад мацаогун.*

*Расклад из семи пар [костей],
расклад из пар кань.*

*[Кости] одной масти
[составляют расклад] лунсифэн.*

*Лучше один раз отступить,
не составлять два раза пэн.*

*Принцип один,
искусных вариантов много.*

*Не пресытиться хитростью –
и поражение станет победой.*

*Проигрши – не повод унывать,
выигрши – не причина задир-
ать нос.*

IV

*Выигравший игру подсчитывает
количество ходов.*

*Если победил чжуан,
его выигрши удваивается.*

*Нань или и – неодинаковые
суммы [выигршиа].*

*Если рассуждать о приемах,
то способы [выигршиа]
многообразны.*

*Сейчас кратко
ознакомимся [со способами
выигршиа].*

*Расклад саньюаньхуй,
расклад сыцзифэн.*

*Расклад тяньсяньпэй,
расклад цюэкайтин.*

*Расклад шисаньялань,
расклад тьяолун .*

*При раскладе саньцзымэй пос-
тепенно растет преимущество.*

*«Полностью полагаться на сосе-
да»; «перед воротами чисто».*

*Добавлять пятерку;
«у ворот ветер».*

*Данные виды правил
самые распространенные.*

*Способов подсчета
много разных.*

*Есть обычные кости,
есть кости с картинками.*

*Для игры с картинками
используют 8 костей.*

*Кость любой [масти]
может быть с картинкой.*

*Когда много шансов для тин,
другие бессильны выиграть.*

*Кости мацзян
созданы для развлечения.*

*Бороться [надо] и осмотрительно,
и отважно.*

*Настольная игра мацзян –
это бесконечная радость.*

*Внимательно все изучив,
можно стать искусным.*

*Расклад мин и ань
увеличивает выигрыш.*

*Правил так много,
что трудно объяснить.*

*[Их] трудно объединить,
слишком все разные.*

*Способы игры
не одинаковые.*

*Или «определенная кость»,
или «перевернутая кость».*

*Меняется цифра на кубике –
меняется положение [кости
с картинкой].*

*Изменения [в игре] другого
трудно определить.*

*Легко научиться
может каждый.*

*[Игра] может развлечь
и продлить жизнь.*

*Это произведение [написано],
в целях знакомства [с игрой].*

*Тому, кто любит [игру],
стоит его выучить.*

V

VI

Таким образом, учитывая связь игры *мацзян* с различными аспектами письменной и игровой культуры Востока, а также многослойность самого памятника «Мацзян-Саньцзыцзин», представляется, что это произведение справедливо рассматривать не только в контексте традиций классической литературы Китая, но и в рамках изучения такого феномена традиционной культуры стран всего юго-восточного региона, как игровое поведение и интеллектуальное соперничество.

Примечания

Ван Чжэньчи, Мураиси Тосио. Стандартизованные международные правила «Мировой мацзян-2000». [Сэкай мадзян 2000 годзи ко:си то:ицу руру]. – Токио, 1999. – (на яп., кит. и англ. яз.).

Войтишек Е.Э. «Канон трех иероглифов», «Канон ста фамилий» и «Канон тысячи иероглифов» как выдающиеся памятники просветительской литературы старого Китая. // Вестник НГУ. Сер. Востоковедение, Т.1, вып.2. – Новосибирск: Изд-во Нов. ун-та, 2002. С.39-43.

Зенгер Х. фон. Стратагемы. Т.1, 2. – М., Эксмо, 2004.

Лу Цзя, Пу Гоцян и др. [Мацзян дацюань]: Все о мацзяне. – Пекин, 1995. – (на кит. яз.)

Шедевры китайской литературы. /Под ред. Лян Хаймин. [Байцзясин, Саньцзыцзин, Цяньцзывэнь, Дицзыгуй]. – Тайюань, 1999. – (на кит. яз.)

ТРАНСФОРМАЦИИ ЭТНИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ УКРАИНЦЕВ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ КАК РЕЗУЛЬТАТ АДАПТАЦИИ К ПРОЖИВАНИЮ В ПОЛИЭТНИЧНОЙ СРЕДЕ

Население Омской области в ее современных границах представляет собой уникальный полиэтничный конгломерат, сложившийся в результате многовекового наслоения переселенческих волн на автохтонный субстрат.

Помимо русских (во всем субэтническом, сословном, локальном и профессиональном разнообразии), переселенческая среда наполнилась представителями иных славянских (белорусы и украинцы) и неславянских народов (латыши, мордва, немцы, чуваша, эстонцы и др.), расселявшимися в близком соседстве с сибирскими татарами и казахами. Наиболее крупными этническими группами (после русских) на протяжении всего прошедшего столетия на территории Омского Прииртышья были немцы и украинцы, численность которых оставалась относительно стабильной от переписи к переписи на протяжении второй половины XX столетия (табл.)

Однако Всероссийская перепись населения 2002 г. показала резкое уменьшение численности немцев и украинцев. Если в отношении первых все объясняют масштабы их выезда в Германию, то сокращение численности украинцев следует отнести лишь на счет изменения этнической самоидентификации и смены этнического самосознания у людей, родившихся и выросших на сибирской земле в глубоком многолетнем языковом и культурном отрыве от исторической родины.

Сельские населенные пункты Омской обл., где проживают потомки переселенцев с Украины, можно разделить на две группы. К первой относятся деревни, расположенные на юге региона, в степной части, где потомки украинских переселенцев составляют значительную или преобладающую часть населения. Во вторую группу входят населенные пункты, в которых выходцев с Украины изначально было значительно меньше. Как правило, они селились «на особицу» и составляли отдельный «край». К этой же группе относятся отдельные поселки переселенцев в окружении русских деревень. Располагались они в лесостепной и южно-таежной зонах Омской обл.

Данная особенность расселения украинцев в Омском Прииртышье позволяет сопоставить особенности *этнической идентификации/определения* украинских переселенцев и их потомков со стороны соседствующего русского населения (как переселенческого, так и старожильского) и *самоидентификацию* украинцев, проживающих в разных этнических условиях.

Таблица. Динамика численности русских, немцев и украинцев на территории Омской области в 1939-2002 гг. (тыс. чел.)

Национальность	1939	1959	1970	1979	1989	2002
Русские	1 407,7	1 273,7	1 458,5	1 571,1	1 720,4	1 735,5
Немцы	58,9	105,7	111,8	120,8	134,2	76,3
Украинцы	149,6	128,0	104,6	103,8	104,8	77,9

В Сибири украинских переселенцев называли *российскими*, как и всех остальных выходцев из-за Урала, т.е. *из России*. Однако их же называли *хохлами*. *Российскими* украинских переселенцев и их потомков называли в двух случаях: 1) если в одном населенном пункте (чаще всего старожильческом) поселялись выходцы из разных губерний Европейской России; 2) если они не составляли обособленных компактных групп. В старожильческих деревнях переселенцы водворялись на одной улице, которую называли *Россией*, а старожильский край называли *Сибирью* (д. Юдина, Чинянина и Бергамак Муромцевского р-на, д. Квашнино Колосовского р-на Омской обл.). Если же среди переселенцев преобладали выходцы из одной губернии, то переселенческий край называли по месту выхода «новиков» – *Смоленщиной*, *Вытяжкой*, *Пензой*, *Курским* или *Орловским* (д. Малая Скирла и Большеречье современного Кыштовского р-на Новосибирской обл.).

В деревнях, где выходцы с территории Украины поселялись компактными группами, переселенческий край называли *Хохлатчиной* (с. Кондратьево, д. Тармакла Муромцевского района, с. Хомутинка Нижнеомского р-на Омской обл.), а жителей этих краев – *хохлами* [МАЭ ОмГУ, ф. 1, п. 153-7, л. 4, 11, 13]. Наши информаторы – потомки этих переселенцев – сами себя так не называют, говорят, что они русские, *сибиряки*, а *российскими* и *хохлами* дразнили их родителей,

Если переселенцы из Украины основывали новый поселок и составляли в нем большинство при соседстве с русскими деревнями, то их потомки употребляли термин *хохлы*. Так, в Большереченском р-не рядом располагались старожильческие (*чалдонские*) д. Могильно-Старожильск и с. Могильно-Посельское (сейчас это фактически один населенный пункт) и переселенческие д. Рямовка и Лебяжье (деревня расселена между 1969 и 1975 гг. во время кампании по укрупнению колхозов), основанные выходцами из Черниговской, Полтавской и Харьковской губерний. Старожилы называли жителей переселенческих деревень *хохлами*. Между населением *чалдонских* и *хохлатских* деревень существовали неприязненные отношения, что выражалось, в частности, в запрете заключать браки между *чалдонами* и *хохлами*. Отзвуки этих отношений можно встретить в современных высказываниях *чалдонов* о нечистоплотности, лени и жадности *хохлов* д. Рямовка [МАЭ ОмГУ, ф. 1, п. 1998-1, л. 11, 40, 43]. Тем не менее, информаторы из *чалдонов* считают *хохлов* русскими, уточняя при этом, что «украинцы – не хохлы, они разные по языку» [МАЭ ОмГУ, ф. 1, п. 1998-1,

л. 6,16, 25, 75]. Один из информаторов-старожилов, пытаясь определить этническую принадлежность хохлов, решил, что «хохлы – русские второй национальности» [МАЭ ОмГУ, ф. I, п. 1998-1, л. 34].

Потомки переселенцев считают себя русскими и *хохлами* одновременно, своих родителей, привезенных в Сибирь в младенческом возрасте или родившихся здесь, также называют *хохлами* и реже – украинцами, прекрасно помня, откуда прибыли их предки. Украинцами называют себя и своих родителей лишь те, кто был эвакуирован с территории Украины во время Великой Отечественной войны [МАЭ ОмГУ, ф. I, п. 1998-1, л. 26]. Интересно, что *хохлы* – потомки переселенцев во втором и третьем поколении – не называют себя *сибиряками*, как это делают потомки украинских переселенцев, проживающие в старожильческих деревнях Муромцевского р-на Омской обл.

На юге Омской обл. термин *хохлы* приобрел несколько иное звучание. Нашими информаторами в селах Ольгино, Красногорка и д. Еремеевка Полтавского района были пожилые люди, которые являлись вторым поколением переселенцев, или привезенные в Сибирь маленькими детьми. Определяя свою этническую принадлежность, они называли себя украинцами, но отмечали большое сходство материальной и духовной культуры с русскими сибиряками. Информаторы подчеркивали, что за годы жизни в Сибири они разучились понимать «чисто украинский» язык, а их разговорный язык вобрал множество русских слов. Они называли свой язык не украинским и не русским, а *хохляцким*. Часто респонденты оговаривались, что считают себя украинцами, потому что их родители «так записывались», а сами они уже русские, так как живут среди русских [МАЭ ОмГУ, ф. I, п. 50-3, к. 489, 490, 491].

Ситуацию, сложившуюся в Среднем Прииртышье, можно сравнить с положением населения южноукраинского пограничья Европейской России (Белгородская, Воронежская и Курская области), где русские тоже называли украинцев *хохлами*, с той лишь разницей, что из экзоэтнонима этот термин превратился в эндоэтноним. Разница ситуаций заключается в длительности совместного проживания русских и украинцев: на юге Европейской России это соседство длится более двухсот лет, а в Прииртышье – около столетия.

Исследователи отмечают, что в 1970-х гг. жители русско-украинских деревень европейской части России называли себя «перевертынями», «перевертышами», объясняя это тем, что они не русские и не украинцы, аргументируя это незнанием украинского языка. В Среднем Прииртышье то же самое значение имеет термин *хохлы* – не украинец и не русский. В том и другом регионе исследователи отмечают тенденцию снижения доли украинского населения от переписи к переписи. Это происходит за счет того, что молодое поколение хохлов предпочитает записываться русскими.

Таким образом, в Омском Прииртышье можно проследить различные варианты развития этнического самоопределения украинцев и их потом-

ков. Их выбор определили условия, в которые попали украинские переселенцы: совместное проживание украинцев и русских в одном населенном пункте; чересполосное размещение украинских переселенческих деревень с русскими старожильческими и переселенческими; численное преобладание украинцев в каком-либо районе. Во всех случаях среди информаторов наблюдается выраженное стремление называть себя русскими.

В первых двух ситуациях уже прошел критический момент осознания невозможности в сибирских условиях сохранить национальные язык и культуру. В последнем случае, казалось бы, есть все условия для сохранения украинской культуры: отсутствие соседства русских старожильческих деревень, население которых оказывало незримое давление (постоянные насмешки, обидные прозвища, драки между молодежью, нежелание выдавать своих девок замуж за хохлов и т.п.); наличие компактного украинского населения; связи с родственниками на Украине. Все это должно было способствовать воспроизводству локальной украинской этнокультуры. Тем не менее, и здесь население переходит на восприятие себя как русских. Особенно болезненно этот процесс проходит среди людей пожилого и среднего возраста. В их рассказах чувствуется понимание неизбежности «перерождения в русских».

Таким образом, можно констатировать, что в Сибири процесс «превращения» украинцев в русских проходит значительно быстрее, чем в этноконтактных русско-украинских районах Европейской России. Данное обстоятельство связано с престижем старожильской культуры, к которой стремились приобщиться переселенцы, чтобы адаптироваться к новым природным и социально-экономическим условиям. По мере того, как переселенцы и их потомки перенимали старожильскую культуру, русское население начинало идентифицировать их как русских. Потомки украинских переселенцев во втором-третьем поколении сами считали себя русскими, но с определенными особенностями в языке и культуре.

Примечания

Таблица составлена по данным:

Всесоюзная перепись населения 1939 г. Основные итоги. – М., 1992.

Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г.: РСФСР. – М., Госстатиздат, 1963.

Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. – М.: Статистика, 1973. – Т. IV.

Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года. – М.: Статистика, 1989. – Т. IV.

Национальный состав населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. – М., 1990.

Национальный состав и владение языками, гражданство. – М., 2004. (Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.: в 14 т. Т. 4. Кн. 1).

**ИСТОРИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ О ПЕРВЫХ РУССКИХ
ПОСЕЛЕНЦАХ НА ТЕРРИТОРИИ ТУВЫ
(УРЯНХАЙСКОГО КРАЯ)**

В данной работе ставится цель рассказать о переселении русских крестьян на территорию Урянхайского края. Сведения о первых переселенцах Урянхайского края содержатся в работах многих исследователей и историков: А. В. Потаниной (1895), Н. Ф. Катанова (1903), К. Б. Минцлова (1915), Г. Р. Кабо (1934), Ф. Кона (1954), Л. В. Гребнева (1955), В. И. Дулова (1956) и др. Особый интерес представляет рассмотрение вопросов, касающихся выявления этнографического состава переселенцев, мест их выхода, формирования системы жизнедеятельности и хозяйствования (земледелие, ремесла, промыслы, быт) в новых условиях.

В конце XIX – начале XX вв. Урянхайский край был объектом территориального спора между Россией и Китаем. В 1616 г. ставку Алтын-хана посетили послы российского царя – атаман Тарского города Василий Тюменец и казачий десятник Иван Петров с казаками. Местное население встретило их доброжелательно. Алтын-хан принял предложение послов перейти в русское подданство и в 1634 г. подписал присяжный лист. Таким образом, Урянхай, как составная часть алтын-ханского государства, еще в первой половине XVII в. юридически входил в состав Российской империи. В 1716 г. у озера Косогол был построен русский острог для защиты подданных тувинцев. Но в 1721 г. его снесли по настойчивой просьбе Китайского правительства, усмотревшего в этом попытку русских захватить Прикосоголье [История Тувы, с. 212].

В 1727 г. между Россией и Китаем были заключены Буринский и Кяхтинский договоры. По Буринскому трактату маньчжуры поставили свои пограничные караулы на южных склонах хребта Танну-Ола, а российские власти – по Саянскому хребту, лишь в 1770 г. Большая часть территории Урянхая оказалась в нейтральной зоне [История Тувы, с. 213].

Впоследствии на приграничных зонах была развита меновая торговля между тувинцами и русскими, несшими караульную службу. Русские казаки сбывали тувинцам хлеб, домашнее сукно, выделанные кожи, ящики и железные поделки, а взамен получали козьи шкуры, овчину, китайку и другие вещи.

Вопреки этим договорам, в середине XVIII в., маньчжурские феодалы завоевали Урянхай и вместе с монгольской и местной тувинской знатью стали жестоко эксплуатировать тувинское население. Постоянно уве-

личивая размеры «албана» (дани), знать рассчитывала оградить местное население от торговых, политических и культурных связей с русскими. Но это не помогло. Наряду с казаками торговлю с тувинцами начали русские крестьяне, ходившие в край или приграничные с ним районы на промысел зверя или рыбы [История Тувы, с. 272].

Немаловажное значение в развитии русско-тувинских отношений имела русская золотопромышленность. Первые золотые прииски – Спасский и Никитинский – в Урянхае были открыты в 1838-1839 гг. в верхних притоках реки Сыстыг-Хем. Первоначально на приисках работали только русские, но постепенно и тувинцы стали выполнять работы по заготовке дров, сена, берестовых свечей. Часть тувинцев, имевшая скот, сбывали на прииски мясную и молочную продукцию.

Добыча золота на территории Урянхая была не законной, так как русские, при этом, пересекали российско-китайскую границу. Генерал-губернатор Восточной Сибири во избежание конфликтных ситуаций с Китаем, решил предоставить существующий порядок вещей «его историческому течению, не ограничивая полной свободы мирному промышленному движению к берегам Верхнего Енисея» [Кабо, с. 156].

После заключения в 1861 г. между Россией и Китаем Пекинского договора «Порубежный казачий кордон» был упразднен, граница объявлена открытой для беспрошленной русской торговли. В 1863 г. в Урянхайский край прибыл первый русский торговый караван, а 1868 г. их было уже семь. Русские вывозили соль, овчину, рогатый скот, а ввозили сахар, чугун, железо, медную посуду и другие товары. В основном с местным населением торговали купцы из Минусинска и богатые старообрядцы с реки Ус [История Тувы, с. 270].

Русских крестьян Урянхайский край привлекал своими природными богатствами и обширными землями. Первая попытка основать на тувинской земле постоянный крестьянский поселок и заняться хлебопашеством была предпринята старообрядцами в 1862 г. Тогда на реку Уюк проникло несколько семейств уймонских старообрядцев. Узнав об этом, тувинские чиновники потребовали их немедленного выселения.

Опасаясь обострения приграничных отношений с «урянхами», русские власти поспешили отозвать с тувинских территорий семьи старообрядцев. Попытка заселения не удалась. Также не увенчались успехом попытки на заселение абаканских татар, предпринятые в 1870-1871 гг. [Дулов, 1956, с. 361]. Переселение стало возможным, после того, как русские купцы смогли прочно устроить свои торговые фактории на тувинской земле.

В 1885 г. в Турано-Уюкской котловине (ныне Пий-Хемский район) был основан первый русский поселок под названием Туран. Начало массовому переселению крестьян положило разрешение на занятие в этом районе земледелием, полученное Андреем Павловичем Сафьяновым от генерал-губернатора Восточной Сибири Игнатьева а также местных тувинских властей. В 1886 г. был основан поселок Уюк, абаканским татаринном Абвейдуллиным [Верещагина, 2001, с. 174].

Преодолев трудности пути, переселенцы сталкивались с проблемами при строительстве жилья. Тувинцы запрещали им рубить лес и ставить дома. Со стороны русского начальства в разрешении этого вопроса никакой помощи не оказывалось. Выходцы из Европейской России ставили на зиму палатки с печами и рыли землянки. Чтобы получить разрешение на строительство переселенцы обращались к «сойотскому начальству». Взамен, на его согласие, они одаривали его лестью и дорогими подарками [Минцлова, с. 41].

Одними из первых переселенцев были зажиточные крестьяне Николай Петрович Бяков, Андрей Павлович Сафьянов с четырьмя сыновьями – Павлом, Георгием, Виктором и Евгением, братья Фунтиковы – Семен, Иосиф и Никанор, Константин Сарапулов, братья Бьковы Александр и Иван и другие. Большая часть переселявшихся за ними крестьян были бедняки из Ачинского и Минусинского уезда, Томской и Харьковской губерний, «наслышавшиеся, что в Туране имеются свободные от казны земли и леса, которыми можно свободно пользоваться». Крестьяне-староверы, ухидившие в тайгу от религиозных преследований царского правительства, были выходцами преимущественно из Енисейской и Тобольской губерний [Верещагина, 2001, с. 175].

Село Туран в 1897 г. имело черты обычного сибирского поселка, расположившегося в одну улицу – Большую (ныне улица Ленина). «Жилищные постройки были маленькие деревянные, наскоро выстроенные, причина отсутствия хороших построек была в том, что крестьяне, устраиваясь в Урянхое, не чувствовали себя прочно осевшими, а старались извлечь из своего положения как можно больше выгоды, не заботясь об удобствах» [ЦГА РТ, Фонд 123, оп. 2, д. 4, л. 270].

В архиве имеются данные о поселке Бегреде, основанном в 30 верстах от села Уюк: «Жители-татары православного вероисповедания, пришельцы из Минусинского уезда Енисейской губернии, занимались земледелием и отчасти скотоводством, а зимой пушным промыслом. Постройки деревянные, но плохенькие, без крыш, хотя понемногу начинают строить лучше» [ЦГА РТ, Фонд 123, оп. 2, д. 4, л. 263].

Основными видами деятельности переселенцев были золотые промыслы, меновая торговля, земледелие, скотоводство, коневодство, рыболовство, охота на пушнину и новая для них отрасль хозяйства – мараловодство. «Статья дохода от этих животных была очень высока. Маральи рога ценились китайскими торговцами. Они готовы были выплачивать от трех до девяти рублей за фунт рогов, которые в среднем весили от 20 фунтов до пуда с лишним. Кормежка марала ничего не стоила, так как он круглый год находился на подножном корме. Русские быстро поняли всю выгоду торговли маральими рогами, стали ловить этих животных, держать их в особых загородках, ежегодно срезать им рога и продавать китайцам» [Минцлова, 1993, с. 29].

В 1898 г. в Туране было 169 жителей, а в Уюке – 44. Крестьяне этих селений имели 138 десятин пашни, 237 десятин покоса. В стадах жителей насчитывалось 330 лошадей, 475 голов крупно рогатого скота, 510 овец. С каждым годом благосостояние переселенцев улучшалось. Они начали

строить большие бревенчатые дома, обзаводиться личным подсобным хозяйством. Используя труд наемных тувинских «аратов» (скотоводов) и русских бедняков, многие смогли создать крупные хозяйства. К примеру, А.П. Сафьянов владел мелкими предприятиями по первичной обработке сырья – кожевенными заводами и мельницами. Торговец И. К. Леонов разрабатывал золотые прииски. Но самое крупное хозяйство было у старообрядца Н. А. Вавилина. Он владел несколькими заимками, на которых содержалось большое количество крупнорогатого скота и лошадей, маральником с 200 маралами, мукомольной мельницей и другими предприятиями, общей доходностью в 100 тысяч рублей в год [История Тувы, с. 274].

Количество новых поселений в Урянхае росло каждый год. В 1900 г. образовался поселок Шагонар. В 1904 г. на реке Каа-Хем был основан населенный пункт – Макеевка, чуть позже село Знаменка. В 1905 г. построены деревни Баянкол, Гарлыг, Грязнуха, Бояровка, Медведевка, а в 1906 г. – Федоровка, Даниловка, Усть-Брень, Хлебникова и Щербакова. На всей территории Урянхайского края к 1907 г. располагалось 96 поселков с населением около 2000 человек, приблизительно 50 русских лавок, 18 китайских торговых точек и 15 действующих русских приисков [Рукописный фонд ТИГИ дело 1053]. «Постройки в селах были деревянные, крытые, хотя при имеющемся даровом оросительном материале могли быть и лучше» [ЦГА РТ, Фонд 123, оп.2, д. 4, л. 269].

В 1906 г. было принято решение о строительстве Усинского тракта. Новая дорога позволила не только расширить торговые границы Урянхайского края с Енисейской и другими губерниями, но и способствовала более быстрому и массовому проникновению русских.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что большая часть русских крестьян, заселившихся в Урянхайском крае в рассматриваемый период, была представлена вторичными переселенцами с территории Западной и Восточной Сибири. В поисках лучшей жизни, они рискнули покинуть родные земли и начать новую жизнь в неизвестной для них стране. Где они сумели войти в доверие местному населению, основать поселки, сохранить традиционные и развить новые отрасли производства, сформировать базу для дальнейших колонизационных потоков из других районов России.

Примечания

Верещагина Т.Е. Первое русское селение. // Тува XX век народная летопись. / Сб. ст. Богдановская. – Кызыл: Республиканская типография, 2001.

Дулов В. И. Социально-экономическая история Тувы XIX – начала XX в. – М: 1956.

История Тувы. Т1 – М.: Наука, 1964.

Кабо Г. Р. Очерки истории и экономики Тувы. – М.: 1934.

Минцлова К.Д. Далекый край. Путешествие по Урянхайской земле. Изд. 1915 г. – Кызыл: Новость Тувы, 1993.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЧЕЛОВЕКА И ПРИРОДЫ НА СЕВЕРЕ СИБИРИ (ИСТОРИКО-ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Взаимодействие общества и природы имеет сложный, меняющийся характер. Усложнение взаимозависимости природного и социального происходит одновременно с усложнением общественного производства и в ростом потребностей в природных ресурсах. Географическая среда претерпевает все более существенные изменения под воздействием людей, становясь «очеловеченной» – антропогенной.

Начиная с XVII в. освоение территорий Сибири осуществлялось стремительными темпами. В первую очередь это было связано с погоней за «мягким золотом» – пушниной. «Подобно тому, как блеск золота служил путеводной звездой западноевропейским конкистадорам в деле открытия Америки, так след соболя на снежной равнине Сибири вел за собой поморского охотника и «государева ясачного сборщика» все глубже в неведомые страны Азии» [Бахрушин Л.И., 1928]. Пушные ресурсы истреблялись хищнически, что приводило нередко к катастрофическим последствиям.

Так, ясачные жители Темлочеёвской волости Сургутского уезда объясняли причину невыплаты соболяного ясака в 1630 г. тем, что «угожие места, где они преж сего на соболиные промыслы ходили: ...все выгорели и соболей и всякого зверя в тех местах нет» [Кириков С.В., 1960, с. 67]. Уже в 1638 г. в правительственном наказе стольнику П. Головину, посланному в Сибирь на р. Лену для постройки острога, указывалось, что в различных местах Западной Сибири соболиной и другой «мягкой рухляди недобор», потому что зверь выловлен [Кириков С.В., 1960, с. 68].

Особенно быстро в Сибири шло истребление ценных пушных пород. Перепромысел привел к истощению соболиных запасов в большинстве уездов Западной Сибири уже в середине XVII в.; к концу века были значительно подорваны и запасы бобра [Павлов П.Н., 1972, с. 139, 151]. Уже в середине XVIII в. Г.Ф. Миллер отмечал, что на Урале и в Сибири «бобры ловятся в малом числе, потому что в прежние годы не употреблена та осторожность, которой требует бобровая ловля» [Кириков С.В., 1960, с. 114].

На рубеже XVII – XVIII вв. изменяется структура пушного промысла: в тайге начинают добывать преимущественно белку, а в тундре песца. На Обдорской ярмарке 1834 г. из общего количества проданных шкурок доля соболя составляет 0,1%, песца 3% и белки 62% [ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 690. Оп. 1. Д. 2]. В XIX начале XX вв. население продолжало

практиковать варварские способы охоты, которые приводили к массовому истреблению животных.

Быстрое истощение природных ресурсов заставляло власти обращать на это внимание. Первые нормативные документы, регулирующие эту сферу появились уже в XVII в. [Павлов П.Н., 1974, с. 51].

В начале XIX в. пришло понимание того, что хищническое истребление промысловых ресурсов не в интересах государства: «...жадные сибирские промышленники, предаваясь неумеренной своей охоте к звероловству, много сделали вреда государству. Преследуя с остервенением зверей, коих драгоценные меха составляют обильный источник нашего богатства, они истребили целые роды там, где бы всегда оставались они в великом множестве, если б ловля производима была с умеренностью и при должных осторожностях» [Статистическое обозрение, 1810, с. 48].

В 1892 г. был принят первый общероссийский закон об охоте. Однако он не распространялся на Сибирь [ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 34. Д. 353, Л. 9-11 об.]. На рубеже XIX – XX вв. до первой мировой войны царское правительство продолжало предпринимать попытки регулирования охотничье-промысловой деятельности. Был создан «Природоохранительный Комитет» при Русском географическом обществе. В рамках этого комитета разрабатывались проекты по организации сети заповедников по всей стране. Россия делегировала своих представителей на первую международную конференцию по охране природы в Берн [Шилленгер Ф.Ф., с. 35-36].

Революция и гражданская война несколько затормозили этот процесс, но не остановили полностью. В 1920 г. был создан «Государственный Комитет по охране памятников природы», в состав которого вошли ученые и специалисты по всем отраслям естествознания. В 1921 г. СНК был принят и утвержден декрет по «Охране памятников природы, садов и парков», разработанный Комитетом [Шилленгер Ф.Ф., с. 37]. В дальнейшем был принят еще целый ряд важных документов природоохранного характера.

Декларировалось изменение отношения и к природе северных территорий. На протяжении столетий Север Сибири представлял собой пример систематического «ограбления природы», «... триста лет из него выкачивались богатства в виде мехов, дичи, рыбы и т.п.». Представители новой власти заявляли, что этот «трехсотлетний период безудержной эксплуатации Севера» закончился [ГАРФ. Ф. Р-3977. Оп. 1. Д. 39., Л. 2-3].

Однако в условиях хозяйственной разрухи, явившейся прямым следствием революции и гражданской войны, поиск путей экономического выживания страны был связан с развитием экстенсивных методов использования природных ресурсов. Сталинская модель индустриализации была сориентирована на стратегию покорения природы. С экологической точки зрения ее претворение в жизнь «оказалось не менее опасным, чем тысячу раз заклеименный период первоначального накопления капитала в западных странах» [Гладкий Ю.Н., 2001].

Индустриальное освоение Сибири, начавшееся во второй половине XX в., привело к развитию кризисных тенденций во взаимодействии природы и человека. Послевоенное освоение края было связано с созданием транспортно-инфраструктурной сети, производственной и социально-бытовой инфраструктуры, возведением городов.

На XX съезд партии было принято решение ускорить освоение природных ресурсов восточных районов страны. В последующие десятилетия здесь были сооружены крупнейшие электростанции, создана металлургическая и нефтедобывающая базы, осуществлено строительство Байкало-Амурской магистрали и др.

Индустриальное освоение Северо-Западной Сибири было связано с разрыванием ширококомасштабной добычи нефти и газа. Освоение нефтегазовых богатств велось крайне нерационально; здравый смысл и возможные экологические последствия не принимались в расчет. Постановления правительства констатировали не соблюдение природоохранного законодательства на Севере Сибири [ГУТО ГА в г. Тюмени. Ф. Р-814. Оп. 1. Д. 6209].

Освоение природных ресурсов на современном этапе, безусловно, возможно лишь на основе достижений научно-технического прогресса. При этом очень важно учитывать многовековой опыт, накопленный человечеством на доиндустриальных стадиях. Ценность традиционного опыта для современного природопользования заключается в его природообусловленности, способности содержательно дополнить индустриальные технологии, отличающиеся стандартизацией и недостаточной приспособленностью к локальным (региональным) особенностям. Каждый регион, обладая неповторимой географической, климатической, экологической характеристикой, требует адекватной системы правового регулирования использования природных ресурсов и охраны природной среды, управления ее качеством.

В связи с этим важно не допустить механического перенесения методов использования природных ресурсов и охраны природной среды, выработанных и проверенных на практике в одних регионах, в специфические природные условия других. Серьезные просчеты в охране природы бассейна озера Байкал, зоны хозяйственного влияния БАМа, Азово-Черноморского региона и районов Крайнего Севера обусловлены не только ведомственным подходом к использованию природных ресурсов, но и стремлением государственных органов разрешить характерные только для данных регионов экологические проблемы на федеральном уровне [Казанник А.И., 1997, с. 4-5].

Для продуманной обоснованной политики в этом направлении при наличии государственных юридических норм, обеспечивающих охрану окружающей среды, необходим учет разных типов экологичности и механизмов их регуляции, в том числе традиционных норм и форм природопользования. Делать это необходимо с широких историко-географических, этноэкологических позиций, учитывая специфику региона.

Примечания

- Бахрушин Л.И.** Исторические судьбы соболя // Вестник знания. – 1928. № 13.
ГАРФ. Ф. Р-3977. Оп. 1. Д. 39.
- Гладкий Ю.Н., Доброскок В.А., Семенов С.П.** Социально-экономическая география России. – М., 2001.
- ГУТО ГА** в г. Тобольске. Ф. 690. Оп. 1. Д. 2.
- ГУТО ГА** в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 34. Д. 353.
- ГУТО ГА** в г. Тюмени. Ф. Р-814. Оп. 1. Д. 6209.
- Казанник А.И.** Региональные проблемы правовой охраны природы в России. Сургут, 1997.
- Кириков С.В.** Изменения животного мира в природных зонах СССР XIII – XIX вв. Лесная зона и лесотундра. М., 1960.
- Павлов П.Н.** Пушной промысел в Сибири XVII в. – Красноярск, 1972.
- Павлов П.Н.** Промысловая колонизация Сибири в XVII в. Красноярск. 1974.
- Статистическое обозрение Сибири.** Спб., 1810.
- Шилленгер Ф.Ф.** Охрана природы в РСФСР // Ур. Ох. 1925. № 5-6.

**ПТИЦА-ДУША: ОРНИТОМОРФНЫЕ ОБРАЗЫ
В МИФОРИТУАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ
ЮЖНЫХ КОМИ-ЗЫРЯН**

Во время полевых исследований 2006 г. в Прилузском р-не Республики Коми были зафиксированы сведения из сферы похоронно-поминальной обрядности, связанные с образами птиц и представлениями о душе.

Представления о зоо- и орнитоморфном облике души универсальны: они характерны для многих народов, в том числе славянских и финно-угорских. С птицами, уносящими душу, связаны воззрения об ином мире.

У многих народов бытовало представление о том, что душа умершего принимает птичий облик и в таком виде навещает родных, напоминает о себе, объявляет свою волю, оказывает покровительство [Никитина, 2003, с. 125]. Орнитоморфный облик имели украинские и южнославянские *нави* – души некрещеных младенцев [там же, с. 141 – 162]. Птица считалась и проводником души на тот свет [Пропп, 1996, с. 167 – 170], и символом воплощения духа умерших [Велецкая, 2002, с. 31].

В ряде селений южной части Р. Коми отмечено особое отношение к птицам, живущим на кладбище. Специфичность этого явления состоит в том, что зыряне Прилузья (с. Объячево и др.) специально сооружают домики для птиц и прибивают их на деревья или устанавливают на шестах около могил. Летские коми на кладбищах развешивают птичьи кормушки. Поминая умерших родственников, обязательно оставляют в этих кормушках угощение. Считается, что часть хлеба птицы уносят на небо, где он достается покинувшему этот свет душам.

У большинства этнографических групп коми-зырян сохранились представления о существовании у человека двух душ: внутренней души-дыхания (*лов*), с уходом которой прекращается земная жизнь и души-тени (*орт*) – двойника человека. Находясь вне тела и оставаясь невидимой, душа *орт* всю жизнь сопровождает человека и дает знак о приближении смерти родственникам того, кому суждено умереть в скором времени, или ему самому. Оставаясь невидимым, *орт* может обнаруживать свое присутствие, издавая звуки, передвигая и роняя домашнюю утварь, отворяя окна и двери, разбивая посуду, оставляя на теле синяки. Знаком смерти считается видимость *орт*: чаще он появляется в облике человека, душой-тенью которого являлся, или залетевшей в дом птицы [Налимов, 1907, с. 1 – 23].

После смерти человека его душа-двойник обретает видимость и полностью отождествляется с личностью усопшего (умерший слушает ушами *орт*). В течение сорока дней *орт* должен обойти те места, где при жизни бывал покойный. После этого *орт* уходит в могилу (по другим сведениям – превращается в камень или исчезает неведомо куда) [Мифология коми, 1999, с. 55, 268 – 269].

Поскольку орнитоморфный облик души *орт* является одним из наиболее распространенных ее образов, можно предположить, что в установлении летско-лузскими зырянами птичьих домиков и кормушек на могилах проявляются отголоски верования о переходе души после смерти человека в птицу. Подобные воззрения встречаются у родственных народов финно-угорской языковой группы. Например, у хантов и манси бытовало представление о том, что одна из (четырех или пяти) душ в облике птицы покидает тело человека во время сна и в момент смерти [Чернецов, 1959, с. 116 – 156].

Согласно народным верованиям, человек и после смерти (в любом перевоплощении) продолжает нуждаться в жилище, пище и прочих удобствах. В связи с этим у многих народов практикуются обряды кормления умерших, приглашения их в баню и т.п. Тема дома проходит через большинство разнообразных надмогильных памятников [Орфинский, 1998, с. 49 – 83; Фризин, 2001, с. 199 – 235]. Очевидно, эта идея отражена в традиции сооружения птичьих домиков у лузских коми. Предполагая, что душа (или одна из душ) покойного может перевоплотиться в птицу, зыряне таким способом пытаются обеспечить для нее пристанище.

С другой стороны, мнение о “реинкарнации” души неоднозначно. Наряду с ним зафиксированы рассуждения информантов о том, что птицы – это посредники между живыми людьми и их умершими родственниками. У летско-лузских коми распространено представление о пребывании душ усопших на небесах. Соответственно, птицы могут встречаться с ними и каким-либо образом передавать послания с небес на землю. Существует и обратная связь: *птички уносят на верх пищу, предназначенную для покойников* (ПМА- здесь и далее полевые материалы автора, с. Летка).

Летские зыряне приносят на кладбище большое количество разнообразной еды. Непременны яйца, выпечка, кутья (в современном варианте – отварной рис с изюмом), конфеты. Поминают родственников, устраивая трапезы на могилах. На могильный холм кладут доски или специально сделанную столешницу (которые хранятся на кладбище прислоненными к деревьям), преобразуя могилу в стол. Часть пищи съедают и раздают тем, кого встретят. К хорошим знакам относится появление незнакомых людей на кладбище во время поминок. Угощение чужака обрядовым кушаньем приравнивается кормлению самого умершего предка. Немного еды оставляют на могиле и кладут в птичьи кормушки. Пища, съеденная птицами и собаками, также расценивается как хорошее поминовение

усопших. Но считается, что именно птицы, поднимая еду на верх, доставляют ее на тот свет и отдают покойным. Таким образом, через обитающих на кладбище птиц южные зыряне осуществляют древний обряд – кормление умерших.

Часть еды, принесенной на кладбище, летские коми уносят обратно домой. Дома, в кругу семьи и близких родственников, устраивают поминальный обед, где каждый должен отведать кушанье, побывавшее на могиле родича. Очевидно, таким образом выражается сопричастность живых и мертвых, их приобщение через трапезу. В разрывании, разделении, растаскивании на куски предметов, бывших в соприкосновении с умершим (особенно их съедании), проявляются пережитки архаического каннибализма [Велецкая, 2003, с. 72 – 73]. Принесенная с могилы пища может рассматриваться как часть умершего, проникшая в мир живых. Само разделение и коллективное поедание поминальной трапезы соответствует представлениям о необходимости “растворения” тела в общине, чтобы освободившаяся от всего бренного душа могла заново прийти в этот мир.

Итак, мифологические представления южных коми-зырян допускают противоречие в суждениях о роли птицы: она одновременно является и посредником между мирами, и воплощением души усопшего. С одной стороны, такое двусмысленное воззрение можно объяснить контаминацией языческих и христианских символов. Идея олицетворения души умершего человека в образе птицы или иного существа, пребывающего в среднем мире, противоречит православной вере. Придерживаясь церковной традиции, люди верят, что праведные души их умерших родственников находятся на небесах. Согласно этой мировоззренческой картине, птица, живущая на земле, может быть только посредником между мирами живых и мертвых. В то же время, народное толкование христианства допускает некоторые рассуждения об орнитоморфном облике душ, но такое перевоплощение происходит лишь на том свете, в Рае. Согласно представлениям коми-старообрядцев, души умерших безгрешных младенцев становятся райскими птицами. При этом нередко детализируется их эклектичный облик: как у птиц крылья и ноги, а туловище, лицо и рот как у человека [Шарапов, 2004, с. 148].

С другой стороны, двоякое объяснение роли птицы в рассматриваемой мифоритуальной традиции может быть вызвано архаичными представлениями коми-зырян о наличии у человека нескольких (минимум двух) душ. В этом контексте возникает предположение о том, что обе души человека продолжают существовать и после его смерти. Одна из них отправляется в иной мир, а вторая остается на земле, в непосредственной близости от могилы, обретая облик птицы или иной вид. Таким образом сглаживаются противоречия, основанные на традиционно-христианском стереотипе восприятия души как некой единой субстанции.

Примечания

Велецкая Н.Н. Языческая символика славянских архаических ритуалов. – М.: София, 2003. – 240 с.

Мифология коми. Энциклопедия Уральских мифологий. – Т. I. – М.- Сыктывкар: изд. ДИК, 1999. – 480 с.

Налимов В.П. Загробный мир по верованиям зырян // ЭО. – М., 1907. – № 1 – 2. – С. 1 – 23.

Никитина А.В. Кукушка в славянском фольклоре. – СПб., Филолог. фак. СПб. ГУ, 2002. – 176 с.

Орфинский В.П. Некрокультовые сооружения Российского Севера в контексте христианско-языческого синкретизма // Народное зодчество. Межвузовский сборник. – Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского гос. ун-та, 1998. – С. 49 – 83.

Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. – СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1996. – 366 с.

Фризин Н.Н. Деревянные надгробья Русского Севера: некоторые варианты развития пространственной структуры // Ставрографический сборник. – Книга I. – М.: Древлехранилище, 2001. – С. 199 – 235.

Чернецов В.Н. Представления о душе у обских угров // ТИЭ, н.с. – М.; Л., 1959. – Т. 51 – С. 116 – 156.

Шарапов В.Э. Символы Рая в фольклоре коми-старообрядцев // Арт. – Сыктывкар, 2004. – № 4. – С. 145 – 148.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ СИБИРСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Население Западной Сибири характеризуется значительной неоднородностью, пестрым этническим, конфессиональным и социальным составом, что обусловило существование множества локальных и региональных особенностей в культуре отдельных групп. Вопрос о культурной и региональной идентичности сибиряков исторически относится к дискуссионным. Актуальность исследований этой тематики особенно возросла в последние годы [Пальцев, 2001; Народы, 2005; Образ, 2006]. Наиболее интересными представляются вопросы соотношения региональной, этнической, социальной и конфессиональной идентичности сибиряков.

Становлению «сибирства» по мере роста населения способствовали отдаленностью Сибири от европейской части России, природно-климатические условия, определенная свобода в жизнедеятельности, относительно мирное сосуществование коренных народов и переселенцев [Бороноев, 2003]. В качестве предпосылок формирования устойчивой региональной общности в Сибири, Н.В. Сверкунова добавляет «наличие доминирующего этноса, как особого культурного ядра, скрепленного определенной религией, традициями, нравственностью, открытостью по отношению к коренным народам Сибири, при отсутствии идеологии расовой предубежденности; обилие земель и угодий» [Сверкунова, 2002].

Отдельные итоги изучения региональной идентичности сибиряков были опубликованы автором ранее. В данной работе мы впервые рассмотрим представления о региональной идентичности современных жителей Западно-Сибирского региона (автостереотипы) в сравнении с гетеростереотипами. Основным источником для нас послужили материалы этносоциологических исследований, проведенных в 1986-2006 гг. в Алтайском крае, Омской, Новосибирской, Тюменской обл. и Ямало-Ненецком АО. В ходе работ было заполнено более 4000 опросных листов среди городского и сельского населения. Подавляющая часть респондентов (80 %) отнесли себя к русским. При экспедиционных работах применялся как маршрутный, так и кустовой способы обследования. Подавляющая часть опросных листов заполнялись методом интервьюирования, частично использовалось анкетирование.

Анализ этносоциологических материалов свидетельствует о положительной динамике в формировании региональной сибирской идентичности. Так, в 1986-1988 гг. *сибиряками* назвали себя 15 % опрошенных, в 1994 г. – 19 %

, в 2000 г.- 32 %, в 2005 г. – 52 %. Единого мнения и по поводу термина «сибиряки» не существует. Мы выделяем 5 основных подходов к определению этой дефиниции:

1. Сибиряки – это все люди, живущие на территории Сибири;
2. Сибиряки – это люди, родившиеся и долго живущие в Сибири;
3. Сибиряки – это коренные, местные жители Сибири (аборигены);
4. Сибиряки – это особый тип людей с характерными чертами (крепкие, здоровые, добрые, коренастые, с хорошими адаптационными способностями, любящие мороз и зиму и др.);
5. Сибиряки – это «смешанный этнос», «винегрет народов», сложившийся на основе русских, с вкраплениями казахских, татарских, украинских и многих других черт.

Указанные 5 позиций четко прослеживаются как в ответах сибиряков, так и представителей других регионов. Идентифицируют себя с сибиряками (т.к. родились и живут в Сибири) 80 % опрошенных; они считают, что обладают сибирским характером, любят свою малую родину. Остальные опрошенные не назвали себя сибиряками: т.к. родились в другом регионе, переехали и живут здесь недавно, а также – «не любят холод / испытывают от него неудобства» или «не очень выносливы».

Около 3 % опрошенных определяют себя как *чалдоны* (*челдоны*) – «вечные, исконные, коренные сибиряки», «здешние уроженцы», «испокон веку здесь живущие». Народная интерпретация этого термина сводится к нескольким вариантам, из которых наиболее часто встречается мнение, что «это люди, пришедшие /сосланные с Чала и Дона». Также считается, что чалдоны – это «первые русские, приплывшие в Сибирь на челнах», «потомки донских казаков». Подобная интерпретация этого термина фиксируется исследователями на всей территории Сибири [Бардина; 1995; Верник, 1998; Щеглова, 2001; Фурсова, 2003]. Если раньше прозвище «чалдон» являлось «ругательным словом для коренного сибиряка» [Аникин, 2000], то сейчас нам практически не встретилось отрицательных характеристик этого термина. В некоторых ответах указывалось, что «чалдоны» – это особая сибирская национальность, отдельные респонденты назвали ее в графе «Ваша этническая принадлежность»: «чалдон», «русско-украинская чалдонка», «русская чалдонка».

Особый интерес представляет самоидентификация «*сибиряк-метис*». Так обычно называют себя люди, рожденные в национально-смешанном браке. Сибирский регион относится к зонам активных межэтнических контактов. В результате наших исследований выявилось, что в семьях 70 % опрошенных имеются близкие родственники других национальностей. В 1950-1970-е гг. в отдельных регионах Западной Сибири межэтнические браки составляли от 38 до 73 %, в 2000 г. – около 20 %, [Жигунова, 2004]. У многих респондентов, начиная с 1990-х гг., возникают определенные трудности при определении своей этнической идентичности. Среди вариантов ответов: «никакой», «мультинациональная», «метис», «полукровка», «не знаю, кто я, родители разной национальности», «смешанная русско-украинско-белорусско-фин-

ская», «русская с немецкой помесью», «русский, но по крови – белорус», «русский татарин», «русская хохлушка», «русский немец», «русский татарин», «мусульманка», «православный потомок Чингиз-хана», «россиянка» и даже – «русский француз». В настоящее время для более половины опрошенных характерно многоуровневое самосознание.

На вопрос: «За человека какой национальности Вы предпочли бы выдать замуж свою дочь?» более половины опрошенных сибиряков ответили: «Не имеет значения, лишь бы человек был хороший». Таким образом, мы приходим к выводу о том, что для сибиряков определяющую роль играют личностно-психологические характеристики человека, а не его этническая принадлежность.

В результате социологических опросов мы выяснили, что сибирякам чаще всего присущи следующие качества: доброта, (доброжелательность), сила характера (духа), выносливость, мужественность, стойкость, трудолюбие, гостеприимство, радушие, отзывчивость и щедрость, честность, справедливость, толерантность (снисходительность), терпимость, патриотизм. Среди гетеростереотипов лидировали следующие качества сибиряков: здоровые, крепкие, сильные, стойкие, закаленные, морозов не боятся, деловитые, красивые, добрые, дружелюбные, гостеприимные, приветливые, патриотичные, самобытные. Наряду с этими: суровые, молчаливые, угрюмые, ленивые, живут для себя, неотзывчивые, жадные, скупые, скрытные, недоверчивые, скучные.

Мы проанализировали анкеты, где упор делался на отрицательные характеристики сибиряков. Оказалось, что чаще всего они принадлежат переселенцам русской национальности из соседнего Казахстана. Многие русские вынужденные переселенцы из бывших советских республик недоумевают по поводу складывающихся с сибиряками отношений. «Почему они лучше дружат с местными народами, а к нам относятся хуже, за своих не считают, ведь мы тоже русские». Приведенные примеры свидетельствуют о том, что региональная идентичность для жителей Сибири зачастую является более значимой, чем этническая.

На вопрос «Есть ли разница между русскими Европейской России и русскими Сибири?» – 83 % сибиряков ответили утвердительно. По мнению опрошенных, люди в Сибири добрее, доверчивей, демократичнее, более искренние и неприхотливые. Считается, что в Европейской России люди избалованы благами цивилизации, более мягкие и капризные, подвержены влиянию западных стран, часто – самодовольные, бессердечные, подлые, продажные и жадные. Отдельные респонденты обращали внимание на то, что у жителей европейской части страны встречается пренебрежительное отношение к Сибири (как краю отдаленному, дикому, месту ссылки и каторги) и к сибирякам (как людям грубым, необразованным /некультурным). Наиболее часто из бытующих о Сибири представлений, встречается мнение, что «там медведи по улицам ходят». В след за различиями в менталитете указывалось на отличительные особенности языка, образа жизни и традиционно-бытовой культуры.

При определении региональной идентичности учитывается и природно-климатический фактор. Так, например, в Алтайском крае жители реже всего называют себя сибиряками, поясняя, что «сибиряки – это те, кто живут на севере». В северных районах Западной Сибири наряду с термином «сибиряк» встречается термин «северянин». В некоторых случаях не относят себя к сибирякам люди, родившиеся или прожившие долгое время на Крайнем Севере и Дальнем Востоке. Наряду с природно-географическим фактором, существенную роль играют исторические, антропологические, социально-экономические, конфессиональные, психологические. Так, например, люди, родившиеся и выросшие в Сибири, не считают себя сибиряками, т.к. «не любят морозов», «хотят жить на юге» или не обладают сибирским характером. Региональная идентичность характеризуется положительной динамикой, а топоним «сибиряк» все чаще используется в качестве этнонима.

Примечания

Аникин А.Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. - М., Новосибирск, 2000.

Бардина П.Е. Быт русских сибиряков Томского края. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995.

Бороньев А.О. «Сибирство» как форма территориальной идентичности // Сибирь. Проблемы сибирской идентичности. – СПб.: Астерион, 2003.

Верник А.А. О происхождении и бытовании термина «чалдон» у русского населения Хакасско-Минусинского края // Сибирь в панораме тысячелетий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. - Т. 2.

Жигунова М.А. Этнокультурные процессы и контакты у русских Среднего Прииртышья во второй половине XX века. – Омск: Издательский дом «Наука», 2004.

Народы Евразии. Этнос, этническое самосознание, этничность: проблемы формирования и трансформации. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005.

Образ Сибири в общественном сознании россиян XVIII – начала XXI в.– Новосибирск: Изд. НГПУ, 2006.

Пальцев А.И. Менталитет и ценностные организации этнических общностей (на примере субэтноса сибиряков). – Новосибирск: Сибирское таможенное управление, 2001.

Сверкунова Н.В. Региональная сибирская идентичность: опыт социологического исследования. – СПб.: НИИ Химии СПбГУ, 2002.

Фурсова Е.Ф. Этнографические и этнические группы: проблемы их идентификации и методов исследования // Этносоциальные процессы в Сибири. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2003. – Вып. 5.

Щеглова Т.К. «Народная этнография»: представления об этнокультурных и этносоциальных группах в современной деревенской среде // Этнография Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: Изд-во БГПУ, 2001.

ОЦЕНОЧНОЕ ВОСПРИЯТИЕ РУССКИМИ ЧУКЧЕЙ И КОРЯКОВ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVII – XVIII ВЕК)

Изучение межкультурной коммуникации, в том числе в историческом прошлом, требует расшифровки мировидения представителей взаимодействующих социокультурных групп. Адекватное понимание сути событий через анализ менталитета (в том числе гетеростереотипов) субъектов коммуникации, представляется весьма перспективным для изучения русско-аборигенных отношений в период присоединения Сибири к России и их характеристики.

В данной статье рассматривается эволюция оценочных характеристик соционима/этнонима, которыми русские маркировали два сибирских народа – чукчей и коряков, на протяжении временного отрезка от первых контактов в середине XVII в., вылившихся в длительное вооруженное противостояние, до конца XVIII в., когда в русско-чукотско-корякских отношениях возобладал мирный диалог.

Источниками для нашего исследования послужили донесения и отчеты вышестоящим властям землепроходцев, командиров военных отрядов, местной администрации (анадырской, охотской, камчатской и др.), распорядительная документация (указы, наказания, инструкции и др.), этнографические описания участников Второй Камчатской и др. экспедиций, как опубликованные, так и хранящиеся в архивах РГАДА и РГВИА.

В историографии уже давно признано, что отношение русской власти (судя по официальной лексике) к сибирским аборигенам было сугубо нейтральным и не отличалось ксенофобией, а это влияло на формирование аналогичного, нейтрального, восприятия русскими аборигенов [Демин М. А., 1995. С. 104; Шерстова Л. И., 1999. С. 95, 98–99, 106–107]. Подобное толерантное отношение было результатом особого, евразийского, пути формирования русского этноса, который постоянно тесно взаимодействовал с иноэтничным окружением и являлся, по выражению Л. И. Шерстовой, «открытым этносом» [Шерстова Л. И., 1999. С. 99]. Кроме того, в русском языке, а, соответственно, в сознании образ сибирского аборигена фиксировался не как образ «чужого» («врага»), а как образ «иноного» (*иноземцы, инородцы*), которого можно было превратить в «своего». В ходу было также устойчивое выражение «ясачные люди».

В ходе первоначального знакомства с обитателями крайнего северо-востока Сибири (середина XVII в.) русские, как землепроходцы, так и офи-

циальные государственные органы, обозначали соционимом «иноземцы» или более общим наименованием «люди», изредка – «народ», «мужики». Собственно коряки и чукчи именовались соответствующими этнонимами («коряки», «чюхчи», «иноземцы коряцкие люди», «чухочьи люди», «люди чухчи», «чюхчи мужики»; коряков, проживавших на Камчатке, называли, как и ительменов, «камчадалы»), которые в случае необходимости получали дополнительную «окраску»: политическую («неясашные люди чюхчи», «неясачные иноземцы чюхчи», «немирные коряцкие люди», «неприятельские люди», «неприятельские иноземцы», «воровские мужики») или социальную («лучший коряк», «лучший мужик», «лучшие люди», «лутчие иноземцы», «улусные люди»).

С начала XVIII в., когда русские ближе познакомились с коряками и чукчами, соционимы и этнонимы стали дополняться их привязкой к определенной территории и указанием на хозяйственный образ жизни. Сведения уже нередко сопровождались разной по объему (в зависимости от характера документа) информацией о хозяйстве, быте, военном деле, облике указанных народов (см. публикации документов: [ДАИ, 1851, 1857, 1862, 1867; Открытия русских землепроходцев, 1951; Памятники истории Сибири, 1882, 1885; Русская тихоокеанская эпопея, 1979; Русские мореходы, 1952; и др.]).

Особо подчеркнем, что образы коряков и чукчей, фиксируемые русскими казаками и администрацией, за редчайшим исключением, были лишены какой-либо эмоциональной нагрузки, а следовательно оценочного (позитивного или негативного) восприятия. И это при том, что отношения русских с обитателями крайнего северо-востока Сибири во второй половине XVII – начале XVIII в. носили преимущественно конфликтный характер, сопровождались многочисленными вооруженными столкновениями [Зуев А. С., 2002]. Лишь изредка, когда военные действия достигали ожесточенности, в донесениях местного начальства прорывались негативные эмоции в адрес «изменников»: «...воры... видя их злой нрав и непокорство» (анадырский приказчик С. Ильных, 1709 г. [Памятники сибирской истории, 1885. С. 513]).

В последующее время, в XVIII в., в официальной документации сохраняется сопряжение этнонимов «чукчи» и «коряки» с прилагательными, кратко характеризующими политический статус, хозяйственные занятия и территориальную локализацию. Постепенно растет количественно и качественно объем этнографической информации. В то же время резкое обострение в 1730–50-х гг. вооруженного противоборства русских, чукчей и коряков, связанное с упорным желанием российской власти подчинить народы далекой восточной окраины империи [подробнее см.: Зуев А. С., 2005. С. 30–34], привело к тому, что в отношении чукчей и коряков зазвучали негативные эпитеты. Собиравший в 1730-х гг. сведения о русско-аборигенных отношениях, Г. Ф. Миллер, отмечал: «Мы видим, например, на живущих на крайнем севере чукчах, что так как они никогда не хотели вхо-

доть в сношения с русскими подданными, то у них есть поступки, которые являются более чем ясным свидетельством крайне темного состояния их рассудка» [Элерт А. Х., 1999. С. 94].

Апогей боевых действий на Чукотке и в Корякии пришелся на вторую половину 1740-х гг.; донесения с мест о многочисленных вооруженных столкновениях русских с коряками и чукчами и проч. привели к тому, что к концу 1740-х гг. у разных инстанций, начиная с местного уровня и заканчивая правительством, сформировался взгляд на коряков и чукчей как на «закоренелых злодеев».

В указах конца 1740-х – начала 1750-х гг. в Анадырск и Охотск Иркутская провинциальная канцелярия неоднократно напоминала, что «изменникам» «в их верности твердой надежды нет»; а, наоборот, следует «всеми силами стараться... всех побить и в конец раззорить без всякого сожаления», «не приемля того, что они будут якобы склонятца в подданство», поскольку только суровые меры в отношении «изменников» могут способствовать установлению мира, «от такого военного страху и другие ясашные и неясашные народы от бунту и измены иметь будут воздержание и от время до время верноподданными быть» [РГАДА, ф. 199, оп. 2, № 528, ч. 2, д. 1, л. 44об.–45об., 98, 102–103; ф. 248, оп. 113, д. 1552, л. 341об.–343об., 421–421об.; и др.]. В свою очередь охотский и анадырский командиры соответствующим образом наставляли командиров карательных отрядов.

В это же время в представлении русской стороны стал формироваться образ коряков и особенно чукчей как самоотверженных и храбрых воинов. Так, допрошенные в 1741 г. в Селенгинске рекруты, прибывшие из Анадырского и других северо-восточных острогов, показали о чукчах: «И приходят они в осень из Шалацкого носу на устье реки Ковымы до Нижнековымскому острогу, також и на другие реки многолюдством, и в лутчих местах промышляют всякаго зверя, а воспретить за малолюдством русских никто не могут и *всегда от них в страхе*, и где сойдутца с рускими и с ясашными, то оных побивают и в полон берут, а к Анадырскому острогу приходят и по реке Анадыру и чинят тож» [Колониальная политика, 1935. С. 162] (курсив мой. – А. З.). О чукчах и коряках как о свободолюбивых, отважных, умелых и жестоких воинах писал Г. Ф. Миллер [Элерт А. Х., 1999. С. 94, 95, 97].

Страсть чукчей к войне и воинским упражнениям («всегда обращаются в науках к сражению») отмечали казаки, наблюдавшие их повседневную жизнь (Кошкаров, Б. Кузнецкий, 1756 [РГАДА, ф. 199, оп. 2, № 528, ч. 1, д. 17, л. 19об.; д. 18, л. 9об.]). В известном сборнике «Древних российских стихотворений, собранных Киришею Даниловым», составленном в середине XVIII в., присутствуют песня «Михайла Скопин» и былина «Добрыня чудь покорил», в которых упоминаются «чюкши» и коряки-«салюторы». Причем они перечисляются среди самых опасных врагов Киевской Руси времен князя Владимира и Московского государства эпохи Смуты [Древние российские стихотворения, 1977. С. 106–110, 148].

Понятно, что подобной угрозы ни чукчи, ни коряки-алюторы Руси-России никогда не создавали. Соответствующие вставки в данные произведения появились несомненно как реакция на те драматические события, которые происходили на крайнем северо-востоке Сибири в первой половине XVIII в. Впечатление русских от опасности, исходившей от чукчей и алюторов, было настолько сильным, что даже зафиксировалось в фольклоре, а значит и в сознании русских. Много позже, в конце XIX в., В. Г. Богораз записал на Колыме казачью песню, к которой есть следующая фраза: «этот чукотский народ, не клади им пальца в рот» [Областной словарь, 1901. С. 303]. Ее, вероятно, надо понимать в том смысле, что с чукчами нужно держаться настороже и ожидать от них любых неприятностей.

Пожалуй квинтэссенцией негативного восприятия чукчей стал вывод анадырского командира Ф. Х. Плениснера, сделанный им в 1763 г. по итогам личного с ними общения: «изо всех в Сибири обретающихся иноверцов такого скаредного народу не видано, и по их лехкомысленности больше страстями своими и лютоостию превосходят всякой скотины или зверя, ибо все то, что у регулярного и нравоученого народу почитаетца за скверное и безчестное, как например воровство и протчие непотребности, чинят, но они то почитают за самую похвалу, что сын отца или брат брата до смерти убивают, и то между собою поставляют ни во что... никакой в них к постоянству надежды им, Плениснером, не предусмотрено» [РГА-ДА, ф. 199, оп. 2, № 528, ч. 1, д. 10, л. 10].

Во второй половине XVIII в., по мере мирного урегулирования русско-чукотско-корякских отношений, в официальной документации в отношении чукчей и коряков начинает возобладать вновь бесстрастная и нейтральная лексика. В отношении коряков, которые приняли подданство, даже используют прилагательное «верные». Но в этнографических описаниях, которые становятся более объемными и добротными, по-прежнему присутствуют оценочные суждения, причем как негативные, так и позитивные. При этом интересно отметить, что характеристика чукчей, так и не покорившихся русской власти, дается в целом более положительная, чем коряков, ставших «верноподданными». Особенно это заметно у Т. И. Шмалева, оставившего ряд интересных сочинений по истории русско-чукотско-корякских отношений [Зуев А. С., 2003]. Он явно благожелательно пишет о чукчах, тогда как коряков оценивает преимущественно негативно. Например, К. Мерк сообщает: «чукчи кажутся любезными и услужливыми... Эти мужчины храбры, когда им противостоит масса, меньше боясь смерти, чем трусости». В то же время корякам он дает резко негативную оценку: «Эти туземцы неприглядны, малы, и даже на лицах их отображены их тайные козни... это кажется более свойственным Азии... эти туземцы трусливы... Как сообщают письменные свидетельства, в общем коряки убили гораздо больше казаков спящими, чем чукчи днем своими стрелами и копьями» [Этнографические материалы, 1978. С. 141].

Вопрос о соответствии оценок русской стороной чукчей и коряков их реальному образу, равно как и выяснение факторов (длительность военных действий, характер и степень личного знакомства «информаторов» с данными народами, уровень образования «информаторов», восприятие ими идеи превосходства европейцев над «дикарями» и т. д.), влиявших на формирование этих оценок, требует отдельного детального анализа. Пока же на основе вышеизложенного можно прийти к заключению, что оценочные характеристики чукчей и коряков не оставались статичными: от сугубо нейтральных в XVII – начале XVIII в. они стали резко негативными к середине XVIII в. По сути можно говорить о том, что в период наиболее активных военных действий произошло маркирование этнонимов «чукчи» и «коряки» такими оценочными прилагательными, которые способствовали формированию в сознании русских комбатантов образа чукчей и коряков как безусловных врагов. В последующем, со второй половине XVIII в., восприятие этих народов становится диахромным (сипатии/антипатии), однако еще долгое время, по свидетельствам, дошедшим от XIX – начала XX в., отношение русских к бывшим воинственным противникам оставалось весьма настороженное.

Примечания

Демин М. А. Коренные народы Сибири в ранней русской историографии. СПб.; Барнаул: Изд-во Барн. пед. ун-та, 1995. 197 с.

ДАИ. СПб., 1851. Т. 4; 1857. Т. 6; 1862. Т. 8; 1867. Т. 10.

Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. 2-е доп. изд. М.: Наука, 1977. 487 с.

Зуев А. С. Русские и аборигены на крайнем Северо-Востоке Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII вв. / Новосибир. гос. ун-т. Новосибирск, 2002. 330 с.

Зуев А. С. Т. И. Шмалев как исследователь русско-аборигенных отношений на северо-востоке Сибири в XVIII в. // Проблемы истории, историографии и источниковедения России XIII–XX вв.: Материалы конф., посвящ. памяти проф. А. А. Горюкова. Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 2003. С. 78–84.

Зуев А. С. Присоединение крайнего северо-востока Сибири к России: военно-политический аспект. Вторая половина XVII – XVIII век: Автореф. дис. ... д. и. н. Томск, 2005. 48 с.

Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII веке: Сб. архив. материалов. Л.: Изд-во ин-та народов Севера, 1935. 210 с.

Областной словарь колымского русского наречия. Собрал на месте и составил В. Г. Богораз. СПб., 1901. 346 с.

Открытие русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века на северо-востоке Азии. Сб. док. М., 1951;

Памятники Сибирской истории XVIII века. СПб., 1882. Кн. 1. XXXII, 551 с.

Памятники Сибирской истории XVIII века. СПб., 1885. Кн. 2. XXIV, 541 с.

Русская тихоокеанская эпопея: Сб. док. Хабаровск, 1979. 608 с.

Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах: Сб. док. о великих русских географических открытиях на Северо-Востоке Азии в XVII веке. М.; Л., 1952. 385 с.

Шерстова Л. И. Этнополитическая история тюрков Южной Сибири в XVII–XIX веках. Томск: Изд-во Томск. политех. ун-та, 1999. 432 с.

Элерт А. Х. Народы Сибири в трудах Г. Ф. Миллера. Новосибирск: Изд-во ИГиЭТ СО РАН, 1999. 240 с.

Этнографические материалы Северо-Восточной географической экспедиции (И. И. Биллингса – Г. А. Сарычева). 1785–1795 гг. Магадан: Кн. изд-во, 1978. 174 с.

КОРЕЙСКИЕ МИССИОНЕРЫ В ЭТНИЧЕСКИХ ОБЩИНАХ КРАСНОЯРСКА И НОВОСИБИРСКА

Конфессиональное пространство сибирских городов характеризуется широким присутствием протестантских деноминаций. В условиях сосуществования многих национальностей в городских условиях, некоторые протестантские церкви формируются по этническому принципу. В данной статье рассматриваются основные стратегии корейских миссионеров в этнических общинах г. Красноярска.

Одна из основных миссиологических стратегий направлена на создание моноэтничных церквей, т.к. считается, что именно такая церковь будет иметь приоритетный рост. Данная миссиологическая стратегия пропагандируется в рамках всемирно-известного международного миссиологического института – семинарии Фуллера, в рамках которого многие корейские миссионеры получили образование. В данном случае речь идет об организации церкви либо для этнических корейцев (российских, китайских), либо для представителей тюркских народов. Работа среди представителей тюркских народов строится на подчеркивании общей азиатской идентичности и реализуется наиболее активно в Республиках Алтай, Тыва, Бурятия. Но и за пределами этих регионов, в городах корейские миссионеры работают с представителями данных национальностей. В частности в г. Новосибирске функционирует образованная корейским миссионером группа для молодых якутов, тувинцев и представителей других тюркских народов, приехавших в город на учебу.

Помимо ссылок на миссиологическую традицию, некоторые миссионеры говорят, что не имеют достаточного опыта работы в полиэтничных средах, не считают возможным проповедовать для широких слоев, в том числе и для русских, в силу своей культурной (языковой) ограниченности.

Те корейские миссионеры, которые были посланы в Россию не конкретной церковью или деноминацией, а внеденоминационным миссионерским союзом или приехали по собственной инициативе, примыкают к одной из российских протестантских церквей. В частности одним из примеров такого служения является деятельность миссионерской пары из Республики Корея, которая присоединилась к баптистской церкви в Академгородке г. Новосибирска. Изначально, будучи консервативной, данная церковь состояла в основном из пожилых женщин. Однако с приходом корейских миссионеров в церкви шаг за шагом стало внедряться музыкальное, мо-

лодежное служение, что повлекло либерализацию формы богослужения и привлекло университетскую молодежь, среди которой есть приезжие из Республики Алтай, Тыва, др.

По словам корейских миссионеров, работающих в Новосибирске, в целом их деятельность рассредоточена по нескольким направлениям: 1) организация церквей для российских корейцев, 2) церквей для тюркских народов, 3) христианских групп для диаспор других этнических групп, и 4) работа внутри российских церквей с ориентацией на полиэтничное сообщество.

Одной из приоритетных задач корейских миссионеров в Сибири остается работа с корейской диаспорой. Если на Дальнем Востоке эта задача была решена еще в 1990-е гг., то в Сибири это направление остается актуальным и сегодня. Во многом приоритет работы с дальневосточной диаспорой был связан с ее многочисленностью и экономическими интересами Республики Корея на Дальнем Востоке РФ. Если в Сахалинской обл. проживает около 30 тыс. корейцев, в Приморском крае около 20 тыс. корейцев, то в Сибири эти числа на порядок ниже: В Томской обл. – 1149, Омской обл. – 741, Новосибирской обл. – 2154, в Алтайский крае – 1309, в Красноярском крае – 1166, в Иркутской обл. – 1545 человек (по переписи 2002 г.)^{*}. Однако, учитывая деловую активность многих представителей корейской диаспоры, налаживание контактов с ней представляет интерес. В силу провозглашенной правительством Республики Корея курс на построение Глобального Корейского сообщества, где ставка делается на корейские диаспоры во всех странах мира, данная задача в частности может решаться с помощью ведущих культуuroобразующую деятельность церквей. Кроме этого, сами церковные институты заинтересованы в расширении сферы влияния, а реализация данных планов за счет этнических корейцев кажется логичным. Так важной стратегией корейских миссионеров стали усилия по консолидации корейской диаспоры через церковный институт. Показательной является ситуация в г. Красноярске.

В Красноярском крае по переписи населения 2002 г. проживает 1166 корейцев, по неофициальным данным их около 3000 человек. Несмотря на то, что попытки организовать корейскую диаспору в Красноярске имели место в прошлом, к 2006 г. официально корейской диаспоры не зарегистрировано. Однако летом 2006 г. попытка собрать вместе корейцев Красноярска была предпринята миссионеркой из Южной Кореи Сон Л.П., посланной миссионерской организацией GMS (Global Missionary Society), имеющей 17.000 миссионеров во всех странах. Миссионерка имела миссионерский опыт на Сахалине с 1996 г., в Красноярске проживает около года. В традиционное для евангелизаторской работы летнее время, Сон Л.П. пригласила студенческую миссионерскую команду из Южной Кореи для

^{*} Электронный ресурс. Статистический сайт народонаселения // Режим доступа www.wgeo.ru (30.10.2006)

евангелизации в городах Красноярского края. К моменту евангелизации в Красноярске студенты из г. Ансана в количестве 9 человек уже дали выступления в г. Ужуре и Ачинске. В Красноярске они использовали в качестве плацдарма для евангелизации самую сильную протестантскую церковь города – русскую баптистскую церковь «Благодать» (ЕХБ) по договоренности миссионерки Сон Л.П. с руководством церкви. На службе студенты-миссионеры представили часть своей программы, которая, однако, прошла «цензуру» со стороны руководства церкви для восприятия консервативной аудиторией церкви. На общецерковной службе выступила миссионерка Сон Л.П. и объявила о своих целях нахождения в Красноярске, обратившись к прихожанам с просьбой о помощи в реализации ее планов. Первоначальной целью она заявила основание протестантской церкви для российских корейцев и корейцев из Китая, проживающих в Красноярске для организации и сплочения корейской диаспоры города. Второй целью стала организация студенческого миссионерского служения. Третьей целью было заявлено создание в Красноярске Христианского Культурного Центра, в рамках которого планируется вести консультационную работу по семейным вопросам для христианских семейных пар, собирать молодежные группы, собираться по другим поводам, в том числе и для изучения корейского языка для желающих.

Необходимо отметить, что баптистская церковь «Благодать», имеет в Красноярске собственный большой молебельный дом, рассчитанный на 500 человек. Позиция руководства церкви в отношении акции Сон выразилась следующим образом: «Мы не можем собрать здесь ни китайцев, ни корейцев. Мы не говорим на их языке. Но мы можем дать им возможность собираться в нашей церкви» – сказал пресвитер. Раз в неделю в церкви собирается протестантская община китайцев – ее ядро составляет 30 человек, на службе бывает около 60. Пастор-китаец был взращен в этой же баптистской церкви и возглавил служение на китайском языке для китайцев. Руководство церкви заявило о своей готовности предоставить помещение и для сбора корейской общины, которую и планирует организовать миссионерка.

Церковь «Благодать» также предоставила помещение для вечера корейской культуры, который провели корейские миссионеры. На встречу были приглашены корейцы Красноярска (пришли в основном пожилые корейцы около 30 человек). Для них южнокорейские студенты-миссионеры и местные китайские корейцы приготовили ужин из блюд традиционной корейской кухни. Стену украшал большой плакат на корейском языке «Концерт корейской культуры для диаспоры». Культурная программа включала в себя выступление студенческой команды с барабанами, традиционные корейские песни и танцы, а также музыкально-танцевальные номера на христианскую тему, в частности спектакль- пантомима о борьбе добра и зла.

Первая часть программы была посвящена актуализации этнического самоощущения пришедших – миссионеры и присутствующие исполнили корейскую народную песню *ариранг* в национальных костюмах, испол-

нили традиционные мелодии на барабанах. Миссионерка Сон рассказала о важности консолидировать корейскую диаспору Красноярска: «Я никогда не думала, что в Красноярске живет столько корейцев. И мне стыдно, что мы забыли о Вас. Мы живем в разных станах, но мы все – корейцы». Далее с приветствиями выступили лидеры местной корейской диаспоры, они также исполнили несколько корейских песен.

Вторая часть программы была окрашена уже евангелизаторскими оттенками. Корейцы-прихожане баптистской церкви представили нехристианской аудитории свое творчество – исполнили христианские романсы и рассказали о евангелизаторской миссии студенческой команды. Здесь же было дано слово русскому пастору церкви «Благодать», который пригласил корейскую общину приходить на службы в церковь, подчеркнув высокий социальный статус членов корейской диаспоры Красноярска, он предложил им подумать и о Боге.

Миссионерка Сон, приглашая корейцев на христианское служение, особенно подчеркнула важность изучения корейского языка и объявила о начале занятий для корейцев.

Важно, что на встречу были приглашены корейцы представители бизнес элиты, в частности руководитель одного из красноярских телеканалов, на котором рекламировалось бегущей строкой в течение нескольких суток объявление о сборе корейской общины.

В целом, на данном собрании присутствовали пожилые представители корейской диаспоры, многие из которых не знают или забыли корейский язык. В основном, это потомки беженцев из северных районов Кореи, искавших лучшей участи в Сибири в начале XX в. Большинство из них вернулись из Казахстана и Узбекистана после массовых депортаций в советское время. Несмотря на сложность исторической судьбы, эти люди считают себя россиянами, хотя их этническая идентичность как корейцев, безусловно, остается. Культурная разница российских корейцев и южнокорейских студентов оказалась не только разницей этнокультурной, языковой, но и разницей межпоколенной.

Попытки консолидации диаспоры через вовлечение в церковный институт являются одним из приемов миссионерской деятельности не только среди корейцев России, но и в других странах проживания корейской диаспоры. Частью евангелизаторских кампаний становится целенаправленная деятельность корейских миссионеров по актуализации этнического самосознания российских корейцев. Сегодня, когда миграционный поток в Российскую Федерацию увеличивается, и идут процессы укрепления диаспор, вопросы сохранения общероссийского культурного пространства приобретают все большую актуальность. В связи с чем, роль религиозных институтов (как христианских, так и мусульманских) в формировании и обслуживании интересов диаспоры, безусловно, требует дальнейшего изучения.

РАССЕЛЕНИЕ И ЧИСЛЕННОСТЬ УКРАИНЦЕВ НА ТЕРРИТОРИИ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XXI ВЕКА)

История освоения просторов Сибири украинцами насчитывает не одно столетие – они пришли сюда вместе с первыми русскими, осваивающими этот обширный регион. Однако основной поток украинских переселенцев в азиатскую часть России пришелся на исследуемый период конца XIX – первой четверти XX в.

Приступая к освещению вопроса о формировании этнолокальных массивов украинцев в Западной Сибири, необходимо сделать следующую оговорку. При исследовании материалов ревизий и переписей выяснилось, что точно определить количество украинцев по ним невозможно в силу того, что нередко украинцы («малороссы») входили в общую категорию «русские». При этом в переписи 1897 г. национальная принадлежность опрашиваемых фиксировалась по таким показателям, как «родной язык» и «вероисповедание» [Украинцы, 2000]. Так, в материалах переписи 1897 г. оказалось весьма сложно выделить украинцев из состава «русских». В основополагающем источнике – труде С.К. Патканова «Распределение населения Сибири по народностям» [1911], – в таблицах украинцы не выделены в самостоятельную группу. Правда, в пояснении дается информация об общей численности и главных районах расселения украинцев в Сибири. По переписи 1897 г. украинская диаспора Сибири и Дальнего Востока составила 223 274 чел., почти половина которых (99,3 тыс. чел.) проживала в Томской губернии [Брук, Кабузан, 1981, с. 24]. Из них 50 310 чел. проживали в Барнаульском округе (22,5% украинской диаспоры), 19 250 чел. – в Змеиногорском округе (8,6% украинской диаспоры) [Скубневский, 1998]. Украинское население Тобольской губернии составляло 37,8 тыс. чел. [Брук, Кабузан, 1981, с. 24].

При проведении Демографической переписи 1920 г. и первой всесоюзной переписи 1926 г. украинцы учитывались уже не только по родному языку, но и по национальной принадлежности респондентов, что позволяет с большей достоверностью использовать эти источники.

Изучение мест выхода украинских переселенцев в Сибири достаточно сложная, но, с учетом использования опыта предшественников, выполнимая задача. Так, миграционные потоки конца XIX в. по губерниям были проанализированы Б.В. Тихоновым [1978]. Основываясь на его данных, можно утверждать, что большая часть украинских переселенцев в эти годы

шла в Западную Сибирь из губерний Левобережной Украины – Полтавской, Харьковской и Черниговской. Это подтверждают наши полевые материалы и данные иных источников [Омская..., 1966, с. 93; Скубневский, 1998; Шпорт, 1987; Якименко, 1989].

Данная тенденция в основном сохранилась и в последующем, лишь после начала первой мировой войны в процесс переселений на Восток включились украинцы Правобережной Украины (Киевщина, Подолия, Волинь). Однако масштабы этих переселений были невелики вплоть до конца 1920-х гг.

Таким образом, к концу 1920-х гг. в Западной Сибири украинцы были расселены относительно крупными массивами на значительной территории современных Азовского, Исилькульского, Калачинского, Марьяновского, Москаленского, Нововаршавского, Одесского, Павлоградского, Полтавского, Русско-Полянского, Таврического, Черлакского и Щербакульского районов *Омской области*, а также Карасукского и Краснозерского районов Новосибирской области. Кроме того, большой массив украинского населения сформировался на территории современного Алтайского края, в районах т. н. Степного Алтая (включая Кулундинскую степь). Районами с наиболее выраженным украинским населением здесь являются Благовещенский, Бурлинский, Кулундинский, Немецкий, Родинский, Романовский, Славгородский и Табунский. Даже при беглом взгляде на карту расселения украинцев на территории трех названных регионов России видно географическое единство этой диаспоры.

К этому западносибирскому украинскому массиву вплотную примыкает отделенный ныне государственной границей этнолокальный массив украинцев в Восточно-Казахстанской и Павлодарской областях Республики Казахстан. Подробно и всесторонне описанный в конце 1920-х гг. А.С. Бежковичем и С.Н. Могилянкой [1930] он являлся составной частью общего украинского переселенческого массива в степной/лесостепной зоне Азиатской России.

В настоящее время (по данным Всероссийской переписи населения 2002 г.) численность украинского населения составляет: в Алтайском крае – 52 700 чел., в Новосибирской области – 33 793 чел., в *Омской области* – 77 884 чел.

Омская область, в силу наличия достаточно выраженного и обширного украинского «пояса», представляет для нас особый интерес в плане изменения численности украинского сельского населения.

Украинское («малоросское») население Тобольской и Томской губерний в 1897 г. составляло, соответственно, 37 769 и 99 300 душ обоего пола [Общий..., 1905]. Еще 51 103 украинца проживали в Акмолинской области.

По итогам Демографической переписи 1920 г. численность украинского населения *Омской губернии* в приведении к ее современным границам составляла 140 766 чел., в том числе по уездам: Калачинский – 45 780 чел.,

Омский – 88 074 чел., Тарский – 2 878 чел., Тюкалинский – 3 334 чел. [ГАНО, ф. 1053, оп. 1, д. 139, л. 1].

К сожалению, многочисленные (нередко совершенно хаотичные) изменения в административном устройстве и делении Сибири 1920-1930-х гг. не позволяют с необходимой степенью достоверности привести подробные данные по численности украинцев в столь краткой публикации. Поэтому для периода 1926-1939 гг. (и соответствующих всесоюзных переписей населения) считаем возможным привести лишь обобщенные данные по численности украинцев в Западной Сибири.

1937 г.: Алтайский край – 203 303 чел., Новосибирская обл. – 141 318 чел., Омская обл. – 162 410 чел. [Всесоюзная..., 1937].

1939 г.: Алтайский край – 191 821 чел., Новосибирская обл. – 132 784 чел., Омская обл. – 158 500 чел. [Всесоюзная..., 1939].

Всесоюзная перепись населения 1959 г. дает следующие обобщенные цифры: Алтайский край – 111 875 чел., Новосибирская обл. – 62 261 чел., Омская обл. – 128 011 чел. [Итоги..., 1963].

Карта-схема численности украинцев в районах Омской области по данным Всероссийской переписи населения 2002 г.

В начале 1960-х гг. были произведены последние масштабные «перекрыйки» административного деления Омской области. К 1966 г. ее административная карта приобрела практически современный вид (лишь в 1992 г.

Численность украинцев в районах Омской области по данным всесоюзных переписей населения 1970, 1979, 1989 и Всероссийской переписи населения 2002 гг.(городское и сельское население)

Районы	Численность (чел. обоого пола)			
	1970*	1979**	1989**	2002***
Омский горсовет	37 392	44 739	47 309	32 483
Азовский немецкий национальный				1 484
Большереченский	254	266	329	242
Большеуковский	61	65	91	71
Горьковский	534	499	547	463
Знаменский	202	163	183	136
Исилькульский	2 618	2 059	2 160	1 610
Калачинский	2 020	2 129	2 087	1 457
Колосовский	96	102	150	135
Кормиловский	417	525	691	647
Крутинский	221	239	262	159
Любинский	1 169	1 017	1 033	1 133
Марьяновский	1 472	1 539	1 468	1 216
Москаленский	2 206	1 546	1 499	1 431
Муромцевский	234	243	339	232
Назыбаевский	462	350	374	236
Нижнеомский	413	398	385	356
Нововаршавский	2 814	2 663	2 706	2 105
Одесский	8 267	6 648	6 301	5 344
Окошешиковский	1 069	987	736	449
Омский	1 751	2 345	3 222	2 981
Павлоградский	11 603	10 341	9 262	6 430
Полтавский	9 220	7 756	7 185	5 460
Русско-Полянский	6 170	5 041	4 738	3 527
Саргатский	323	370	477	440
Седельниковский	70	58	65	80
Таврический	6 437	5 931	5 537	3 518
Тарский	518	490	673	424
Тевризский	247	223	247	166
Тюкалинский	413	409	389	310
Усть-Ишимский	614	346	316	198
Черлакский	2 669	2 053	1 980	1 359
Щербакульский	2 658	2 283	2 099	2 828
Всего по области	104 614	103 823	104 830	77 884

* Исчислено по Справке № 11-01-04/230 от 27.09.2006, подготовленной Территориальным органом Федеральной службы государственной статистики по Омской области.

** Исчислено по: Национальный состав населения Омской области (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.) – Омск, Омскоблстат, 1990.

*** Исчислено по: Национальный состав населения Омской области (по данным Всероссийской переписи населения 2002 г.) – Омск, Омкстат, 2005.

был образован Азовский немецкий национальный район за счет части земель Марьяновского, Таврического и Щербакульского районов). Это обстоятельство дает нам возможность проследить динамику численности украинцев Омской области до настоящего времени в разрезе районов.

Итак, в соответствии с итогами Всесоюзной переписи населения 1970 г. численность украинцев *Омской области* составила 104 614 чел. [Итоги..., 1973]. Для Алтайского края и Новосибирской области этот показатель равен, соответственно, 81 746 и 47 583 чел. Порайонные данные о численности украинцев в Омской области приведены в сравнительной таблице.

Всесоюзная перепись населения 1979 г. представляет численность украинцев Западной Сибири следующим образом: Алтайский край – 73 869 чел., Новосибирская обл. – 46 997 чел., *Омская обл.* – 103 823 чел. [Итоги..., 1989]. Тенденция к постепенному снижению численности опрошенных, осознающих себя украинцами, имеет место как и в предыдущие десятилетия.

Данные Всесоюзной переписи населения 1989 г., почти опровергают неспешное течение этого процесса: по Алтайскому краю численность украинского населения составила 76 738 чел., по Новосибирской области – 51 027 чел., по *Омской области* – 104 830 [Национальный..., 1990].

И вдруг, спустя тринадцать лет, Всероссийская перепись населения 2002 г. дает цифры, резко ломающие наблюдаемую ранее картину: украинское население *Омской области* сократилось до 77 884 чел. (на 25,7%), Алтайского края – до 52 700 чел. (на 31,3%), Новосибирской области – до 37 622 чел. (на 26,3%) [Национальный..., 2004]. При этом в целом (по всем национальностям) население ни субъектов Федерации, ни районов, их составляющих, столь радикально не сократилось. Сибирские украинцы, в отличие от их соседей – сибирских немцев, не имели ни возможности, ни желания выехать на историческую родину.

Анализируя статистические данные и материалы собственных полевых этнографических и этносоциальных исследований 2005-2006 гг., можно сделать предварительный вывод о резкой и масштабной смене заявленной этнической (национальной) идентичности у украинцев Омской области и юга Западной Сибири в целом.

Определение причин и факторов, обусловивших этот феномен, является актуальной задачей и требует проведения дальнейших исследований.

Примечания

Бежкович А.С., Могилянская С.Н. Украинцы-переселенцы Семипалатинской губернии. – Л., 1930

Брук С.И., Кабузан В.М. Численность и расселение украинского этноса в XVIII – нач. XX вв. // СЭ. – 1981. – № 5.

Всесоюзная перепись населения 1937 г. Краткие итоги. – М, 1991.

Всесоюзная перепись населения 1939 г. Основные итоги. – М, 1992.

- Итоги** Всесоюзной переписи населения 1959 г.: РСФСР. – М., Госстатиздат, 1963.
- Итоги** Всесоюзной переписи населения 1970 года. – М.: Статистика, 1973. – Т. IV.
- Итоги** Всесоюзной переписи населения 1979 года. – М.: Статистика, 1989. – Т. IV.
- Национальный** состав населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. – М., 1990.
- Национальный** состав и владение языками, гражданство. – М., 2004. (Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.: в 14 т. Т. 4. Кн. 1).
- Общий** свод по империи результатов разработки данных Первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. II. – СПб, 1905.
- Омская** область // Материалы к третьему научному совещанию географов Сибири и Дальнего Востока. – Омск, 1966.
- Патканов С.К.** Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и род инородцев: (На основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.). – СПб., 1911. – Т. II.
- Скубневский В.А.** Население Алтая по данным переписи 1897 г.// Образование и социальное развитие региона. – Барнаул. – 1998. – № 1.
- Украинцы. – М., 2000.
- Тихонов Б.В.** Переселения в России во второй половине XIX в. – М., 1978.
- Шпорт А.М.** Хозяйство и традиционно-бытовая культура украинцев-переселенцев в Западной Сибири (Тоболо-Иртышское междуречье) в конце XIX – начале XX в. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1987
- Якименко Н.А.** Переселение крестьян на Дальний Восток в конце XIX – начале XX в. (На примере выходцев с Украины) // Хозяйственное освоение русского Дальнего Востока в эпоху капитализма. Сборник научных трудов. – Владивосток. – 1989.

ПЛАНИРОВОЧНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РУССКИХ СЕЛЕНИЙ ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ XIX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ АБАЛАКСКОЙ ВОЛОСТИ ТОБОЛЬСКОГО ОКРУГА ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Вопрос об этнических особенностях планировочных структур населенных мест до сего дня остается открытым. Вместе с тем, от решения этой проблемы зависят направления перспективного развития населенных пунктов, обеспечение удобства поселений для жителей, создание комфортной застройки.

В.П. Орфинский [Орфинский, 1997, 2002] впервые сделал вывод о существовании этнической специфики систем застройки русских и карельских деревень Русского Севера. На сибирских материалах В.А. Липинской было начато изучение генеральных планов поселений Алтайского края, выявлены типы застройки [Липинская, 1974. С. 236-280]. Данная статья является продолжением работы по исследованию характерных черт планировки поселений русских XIX в., уже на примере Тобольской губернии. Основным источником послужили оригиналы чертежей генеральных планов селений Тобольского округа Тобольской губернии (ближних окрестностей Тобольска) (ГУТОГА в г. Тобольске. Ф. 154. Оп. 21), выполненные в 1880-х гг. по предписанию Тобольской казенной палаты от 1877 г. в связи с необходимостью принятия мер по упорядочению застройки деревень и выделению новых участков для размещения переселенцев. Обнаружение значительного массива данных конца XIX в. по системе застройки поселений, который имел практическое значение, был выполнен и проверен профессионалами, представляет большой научный интерес, поскольку позволяет с достаточной степенью достоверности охарактеризовать особенности формирования деревень. Для многих поселений Тобольского округа генпланы 1880-х гг. явились первой попыткой упорядочения застройки. На топографической основе генпланов фактически фиксировался результат того, как крестьяне размещали свои дворы «согласно своего разумения» без учета официальных требований по уменьшению протяженности уличной сети, противопожарных разрывов, нормированию земельных наделов.

Ближайшим по времени источником сведений о населенных пунктах, по которым выявлены в архиве селенные планы, являются Списки населенных мест Тобольской губернии 1871 г. (далее – СНМ), содержащие данные о населении по состоянию на 1868 г. С этими статистическими сведениями были сопоставлены генпланы. Всего в СНМ обнаружилось описания 70 селений, по которым сохранились планы. От общего числа населенных

пунктов Тобольского округа второй половины 60-х годов это составляет 11%. В то же время по числу дворов и жителей удельный вес селений, снятых на планы, существенно выше – 14-15 %. В комплекс генпланов попали населенные пункты большие по размерам, чем прочие. 67 русских селений составляли 14% от их общего числа в округе; удельный вес их по числу дворов и жителей поднимался до 18%. Сразу можно сказать, что выборка селений, по которым были сняты планы, может рассматриваться как достаточно репрезентативная в отношении всего массива русских населенных пунктов Нижнего Прииртышья. При этом только нужно иметь в виду, что в среднем эти селения были крупнее прочих: 25 и 20 дворов, 160 и 120 человек соответственно. При этом качественного различия не видно: все равно средний тип селения остается малым; отметим еще довольно заметный сдвиг в средней населенности двора – 6,4 чел в селениях с планами и 6,0 чел. – в прочих.

Наиболее подробно были изучены особенности планировок русских деревень Абалакской волости, находившейся на северо-востоке от губернского города Тобольска. Не нашли соответствия в СНМ лишь несколько населенных пунктов Абалакской волости. Деревни Белая, Сеногноева и Уфимцева, по-видимому, носили в СНМ иные названия. Размер выборки составил 3% от общего числа селений округа, 18% от селений волости. При этом средние размеры попавших в выборку селений практически неотличимы от средних по району: 19-20 дворов и 120-125 жителей. В результате северо-восточные окрестности Тобольска в пределах Абалакской волости могут быть охарактеризованы на основании генпланов с высокой степенью достоверности.

Генеральные планы выполнены черной и цветной тушью в масштабе 1 дюйм – 50 сажен по стандартной форме, включавшей кроме титульной надписи (название деревни, выходные данные о цели выполнения чертежа, сведения об исполнителе) и чертежа проектных предложений на топосъемке деревни, изображение природного окружения, экспликацию, пометки о выделении новых участков для переселяемых жителей, подписи землемера, сельского старосты, других должностных лиц, печати, утверждение губернатора. Часть генпланов иллюминирована, что делает их очень наглядными. В экспликации приведены пояснения обозначений проектируемых объектов буквами.

Предлагаемая новая планировка всех поселений стандартизирована, имеет уличную схему без учета сложившейся застройки. Ширина улиц – 8-10 саж. Ширина каждого участка по улице составляет 14 сажен, что часто превышает исходный размер. На чертежах буквами указаны дома, дворы, огороды, скотные места, конопляники, гумянники, переулки и улицы. Условными знаками показаны лес, реки и другие водоемы, линия затопления, дороги с подписями направлений. Особым знаком отмечены церкви, остальные постройки представлены в виде прямоугольников. По новому плану многим участкам прирезается дополнительная земля. Планировка

участков также унифицирована: все участки вытянуты перпендикулярно улице, в правом или левом углу на красной линии расположен дом, предусмотрено место под двор. Небольшой огород размещен смежно с двором, указано место для скота. Большую часть участка занимали конопляники и гумянники, расположенные в глубине участков.

Рассмотрены генпланы 16 селений, причем 1 поселение состоит из одного двора, поэтому не имеет смысла говорить о системе застройки, планировка 7 поселений (число дворов составляет от 4 до 33) – гнездовая, 4 (от 10 до 74 дворов) – улично-гнездовая, 3 (от 11 до 22 дворов) – двусторонняя уличная, 1 поселение разделено на три части, которые имеют разную планировку (уличную двустороннюю, улично-гнездовую, гнездовую). Таким образом, в русских селениях Абалакской вол. была распространена преимущественно гнездовая застройка, а тип застройки не зависел от количества дворов.

Примечания

Липинская В.А. Опыт анализа фотопланов при историко-этнографическом изучении поселений (по материалам Алтайского края)//Проблемы изучения материальной культуры русского населения Сибири. М., 1974. С. 236-280.

Орфинский В.П. Деревянное зодчество Заонежья в свете этнокультурных контактов русского и прибалтийско-финского населения края // Рябининские чтения '95 (Международная научная конференция по проблемам изучения, сохранения и актуализации народной культуры Русского Севера). Сборник докладов. Петрозаводск, 1997. С. 333-338

Орфинский В.П. Народное зодчество и природа: некоторые особенности формирования сельской среды обитания в условиях Российского Севера // Человек и окружающая среда Баренц-региона в начале XXI века. Материалы международной конференции 6-11 августа 2001 г. Петрозаводск – Водлозеро – Варишпельда. Петрозаводск, 2002. С. 100-102

Списки населенных мест Тобольской губернии. СПб, 1871.

Приложение

ОПИСАНИЕ ГЕНПЛАНОВ ПОСЕЛЕНИЙ АБАЛАКСКОЙ ВОЛ. ТОБОЛЬСКОГО О. ТОБОЛЬСКОЙ ГУБ. (по материалам ГУТОГА в г. Тобольске. Ф.154. Оп. 21).

Д. Токарева Абалакской вол. Тобольского о. Тобольской губ. Октябрь 1885 г. Д. 207. Л. 1. Д. Токарева, имевшая 11 дворов, стояла на берегу Иртыша, к северо-востоку от реки. С северо-запада располагался лесной массив, с востока – небольшое озеро. Гнездовая планировка с выходом каждой группы домов к реке.

Д. Котина Абалакской вол. Тобольского о. Тобольской губ. Октябрь 1885 г. Д. 205. Л. 1. В д. Котиной был один двор с двумя строениями. Деревня стояла на берегу реки, названной в СНМ Сибиркой, а по генплану – Безымянной. Рядом с двором находилось два небольших озера. Деревня была связана дорогой с д. Соляной.

Д. Вахрушева Абалакской вол. Тобольского о. Тобольской губ. 1882 г. Д. 201. Л. 1. В д. Вахрушевой 22 двора, стояла на р. Сычевки, бурно разливавшейся весной. Река огибала деревню с юга и запада. Система застройки – улично-гнездовая.

Д. Бардина Абалакской вол. Тобольского о. Тобольской губ. Октябрь 1885 г. Д. 204. Л. 1. Д. Бардина в 19 дворов располагалась на двух берегах р. Бобровки на проезжей дороге, на которую выходит практически вся застройка. Планировка – гнездовая.

Д. Сеногноева Абалакской вол. Тобольского о. Тобольской губ. Июль 1885 г. Д. 206. Л. 1. Не отмечена в СНМ. Располагалась на р. Бобровке, огибавшей ее с севера и востока. С юга располагался лес. На генплане отмечено 8 построек с огороженным местом, мост и дорога в деревню. Планировка гнездовая с широким выходом к реке.

Д. Черная Абалакской вол. Тобольского о. Тобольской губ. Д. 215. Л. 1. Располагалась на р. Иртыш, огибавшей ее с юга и запада, имела 22 двора. В окрестностях располагалось два небольших водоема. Планировка уличная – две взаимно перпендикулярных улицы, более протяженная переходит в дорогу на с. Преображенское.

С. Аремзянское Абалакской вол. Тобольского о. Тобольской губ. 1885 г. Д. 214. Л. 1. С. Аремзянское находилось рядом с рекой Аремзянкой (на генплане не показана), имело 18 дворов. С юго-востока и северо-запада от деревни вблизи от застройки находился лес. В село из д. Еловки вела дорога, на въезде находилась церковь, от которой шла сельская улица в 3 дома, а затем раздваивалась. Застройка уличная двусторонняя.

Д. Бобровка Абалакской вол. Тобольского о. Тобольской губ. 1885 г. Д. 212. Л. 1. Деревня в 74 двора стояла на р. Бобровке, огибавшей ее с востока и юга. С севера подступал небольшой лесной массив. Через деревню проходила транзитная дорога из д. Маслянки в д. Белую. Планировка преимущественно гнездовая, расположена в стороне от дороги. Застройка вдоль дороги уличная нерегулярная, без соблюдения красных линий.

Д. Лукина Абалакской вол. Тобольского о. Тобольской губ. 1885 г. Д. 213. Л. 1. Деревня имела 18 дворов, стояла на р. Бобровке (на генплане не показана). Из деревни вела дорога в д. Бобровку (в южном направлении). С севера от деревни находился лес, на востоке – небольшой водоем. Планировка гнездовая.

Д. Камарицы Абалакской вол. Тобольского о. Тобольской губ. 1885 г. Д. 211. Л. 1. В деревне 33 двора. Она стоит на левом берегу р. Бобровки, огибавшей ее с запада и юга. Из деревни ведут две дороги – в д. Маслянку (на юг) и д. Бобровку (на север). На восток от деревни в некотором отдалении находится лес. Застройка гнездовая.

Д. Белая Абалакской вол. Тобольского о. Тобольской губ. Июль 1885 г. Д. 210. Л. 1. Деревня Белая (в СНМ не числится) стояла на р. Аремзянке, которая делила ее на находящиеся примерно в 500 м друг от друга две части – северную и южную, северная часть делилась притоком Аремзянки, Ольховкой, также на две части – северо-западную и юго-восточную. Через Аремзянку было устроено два моста. Южную часть деревни окружал лес. Судя по генплану, лесной массив был и с юго-восточной стороны. Планировка северо-западной части – улично-гнездовая, юго-восточной – гнездовая. В южном направлении шла дорога в г. Тобольск, вдоль которой находилась регулярная двусторонняя застройка.

Д. Ключова Абалакской вол. Тобольского о. Тобольской губ. Октябрь 1885 г. Д. 209. Л. 1. Д. Ключова в 10 дворов имеет улично-гнездовую планировку. Рядом расположены небольшие колки. Реки нет. Из деревни идет дорога в д. Соляную.

Д. Уфимцева Абалакской вол. Тобольского о. Тобольской губ. Октябрь 1885 г. Д. 208. Л. 1. Деревня в СНМ не упоминается, но, судя по генплану, имеет 11 дворов. Стоит на р. Каракундуска. Имеет уличную двухрядную планировку. Из деревни ведут дороги в д. Якимову и с. Каштак.

Д. Яркова Абалакской вол. Тобольского о. Тобольской губ. Октябрь 1885 г. Д. 202. Л. 1. На генплане указана линия разлива р. Иртыша. Количество дворов 27. Деревня вытянута вдоль береговой линии. Планировка гнездовая.

Выселок Рябовский Абалакской вол. Тобольского о. Тобольской губ. 1886 г. Д. 217. Л. 1. Выселок в 4 двора размещался на р. Рябовке. Планировка гнездовая.

Д. Серебрянка Абалакской вол. Тобольского о. Тобольской губ. 1886 г. Д. 216. Л. 1. В деревне 32 двора. На Безымянном ручье (по генплану), по СНМ – на р. Аталык. Застройка улично-гнездовая. Стоит на двух берегах ручья, через который проложен мост. Сделан пруд. С юга расположен лес.

ЭСХАТОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СТАРООБРЯДЦЕВ САЯНО-АЛТАЯ

Представления о «последних временах», в той или иной мере характерные для всех христианских конфессий, наиболее полное воплощение получили в старообрядческом мировоззрении. При этом отличительной чертой эсхатологических воззрений старообрядцев всегда являлось стремление подкрепить те или иные сведения ссылками на «божественные книги» – источники, имеющие книжное происхождение. Традиционные приемы построения эсхатологических сочинений, как пишет Н.С. Гурьянова, представляли собой различные системы доказательств наступления «последних времен» на основе выдержек из Священного Писания и Священного Предания. Не случайно уже с XVIII в., когда особенно интенсивно происходило оформление эсхатологического учения, первостепенное значение для писателей-старообрядцев приобрела необходимость соотнесения изложенных в этих текстах предсказаний с реальной российской действительностью – как исторической, так и современной [Гурьянова, 2001; Гурьянова, 2004]. И если ранние эсхатологические построения старообрядцев были сосредоточены в основном на полемике с иерархами православной церкви о времени наступления Второго пришествия, Страшного Суда и природе самого Антихриста, то последующая эволюция эсхатологического мифа выдвинула на первый план иные сюжеты и образы, связанные с осмыслением старообрядцами новых форм жизни и, в частности, роли технических инноваций в обществе.

Показательным примером апелляции к авторитету книжных источников при характеристике технических новшеств как признаков свершившихся пророчеств о «последних временах» могут служить высказывания наставника общины старообрядцев-беспоповцев Т.М. Кудрявцева (1929 г.р.), записанные летом 2006 г. в п. Усть-Кокса (Усть-Коксинский р-н, Республика Алтай) – ср: *«В старых книгах всё про последние времена сказано. Мы жили – радива никакого не знали, потом радиво появилось, патефоны пошли, граммофоны. Сейчас уже последнее время наступает, по всему заметно. Написано было, что за пять тысяч верст будут говорить, а здесь будет слышать. Всё думали-гадали – кто это? Потом узнали – радиво. Теперь телевидение. Говорили же, что в доме будет всё видеть. Так и есть... Что пред последним временем весь белый свет будет проволокой обтянут. Вот он щас и обтянут – ЛЭП, контактные линии силовые, на*

дальние расстояния протянуть». Обращая внимание на то, что в «старых книгах» имелась уже вся информация о грядущих достижениях научно-технического прогресса, Тит Михайлович подчеркивает иносказательный характер заложенных в них предсказаний: *«Никто не знал об этом, но всё в старых книгах было сказано. Только оно там по-другому написано, догадываться надо... Там всё за тысячу лет вперед заговорено»* (ПМА- здесь и далее полевые материалы автора).

Анализ современных эсхатологических нарративов в русской фольклорной традиции позволил А.А. Панченко поставить вопрос о «парадоксе псевдо-книжной атрибуции» («paradox of pseudo-bookish attribution»), когда большинство информаторов подчеркивают книжное происхождение известной им эсхатологической информации, что, в свою очередь, сбивает с толку исследователей, во всех случаях пытающихся найти письменные источники народных эсхатологических рассказов. Сам автор считает, что генезис подобных текстов, их социальные и культурные функции связаны с событиями и явлениями именно современной эпохи.

Вместе с тем, происхождение эсхатологических образов не всегда можно свести к единственному источнику. Так, появление в народных рассказах о «последних временах» «железных птиц» (или «птиц с железными клювами»), по мнению автора, было вызвано не только распространением воздухоплавательной техники, но и тем, что названный образ имел глубокие фольклорные корни, символизируя, в частности, в волшебных сказках представителей иного мира, зачастую враждебных людям.

Сталкиваясь с проблемами, которые находятся за пределами привычных форм повседневной жизни, (в том числе, с инновациями технического характера), носитель традиционного сознания трактует их как свершившиеся пророчества, описанные в свое время еще в канонических текстах и в апокрифической литературе [Panchenko, Eschatological expectations in a changing world].

Данное явление, связанное с наделением техники эсхатологическим значением, когда распространение технических новшеств расценивается представителями различных религиозных субкультур как непосредственный признак наступающих или уже наступивших «последних времен», получило в литературе название «технической эсхатологии» [см.: Ахметова, 2004].

Первые признаки «технической эсхатологии» как отличительной черты массового религиозного сознания, по всей видимости, можно отнести к 1920-1930-м гг., которые характеризовались модернизацией всех сторон крестьянской жизни и, соответственно, сопровождалась коренной ломкой традиционного мировоззрения. Происходившие изменения затронули глубинные основы мировосприятия человека, в том числе, привычную для него предметную среду, что проявилось в появлении новых, невиданных ранее предметов быта, орудий труда, средств транспорта и связи. Так, впервые услышав передачу из радиорепродуктора, многие сельчане,

по свидетельству информаторов, отреклись от него, как от «*дьявольского наваждения*»; увидев самолет – могли назвать его «*железным чертом*». Нередко люди попросту боялись новой сельхозтехники, в том числе, первого трактора, полагая, что он «*источет всю землю и отравит всю атмосферу*» (ПМА).

Мотив появления необычных предметов как одного из главных признаков кончины мира, как было показано в последних исследованиях, не является исключительной особенностью старообрядческого мировоззрения. Так, техника и технический прогресс в целом рассматриваются в православном церковном и околоцерковном дискурсе как результат сатанинского воздействия. К примеру, имеющий антенну и шнур телевизор расценивается в православной прихрамовой среде как «*бес с рогами и хвостом*», а широкое распространение компьютерных технологий связывается с началом пришествия Антихриста [Тарабукина, 2000; Ахметова, 2004].

Сфера эсхатологических переживаний современных старообрядцев – как и представителей других религиозных субкультур – распространяется не только на социально-историческую действительность, но и на природное окружение. Развитие человеческого общества понимается при этом как процесс, подчиненный божественной целенаправленности и целесообразности. Сама же история предстает как ведущаяся с начала времен борьба темных и светлых сил, достигающая своей кульминации в конце света. Все происходящие в мире события оказываются, таким образом, строго предопределенными, а символами сменяющих друг друга эпох нередко выступают известные апокалиптические образы – белый, черный и красный кони – ср.: «*каждый конь – про разные времена, а красный – про советскую власть*» (ПМА, 2004). Позже, уже в послевоенное время, советская власть отождествлялась старообрядцами еще с одним образом Апокалипсиса – «*седмглавым*» и «*десятирожным*» зверем, семь голов и десять рогов которого трактовались как олицетворение руководителей партии и правительства [см.: Покровский, Зольникова, 2002].

Свойственная эсхатологическим рассуждениям элементы мифологического мышления особенно ярко проявляются в современных рассказах о наступлении «последних времен», рисующих картину глобальных масштабов неизбежной экологической катастрофы [Любимова, 2004]. По словам уже упоминавшегося старообрядческого наставника Т.М. Кудрявцева (1929 г.р.), Второе пришествие начнется с того, что на востоке «*вспыхнет до небес огонь*», который будет идти «*с таким шумом, (что) всё будет гореть – и деревья, и камни. А моря будут иссушиваться*». Потом на западе огонь остановится и образует «*егненное озеро для мук*». И лишь безграничная милость Господа, по мнению нашего собеседника, будет до поры до времени умирять гнев природных стихий и давать надежду на спасение всем грешникам – ср.: «*Все покорны Господу Богу – деревья, реки, звери. Только один человек непокорный... Уже Солнце не может терпеть – я, говорит, всех пожгу... А Господь говорит – нет, потерпи, может, они*

еще покаяться... Луна уже не может терпеть... Земля говорит – я всех пожру... Вот, земли-то трясенье – думаете это что? Господь посмотрит на землю, так она, матушка, потрясается, не может терпеть грешных, а Он еще терпит» (п. Усть-Кокса, Усть-Коксинский р-н, Республика Алтай).

В целом, представления о «последних временах» с их функцией универсального объяснения происходящих в природе и обществе перемен продолжают оставаться структурообразующим элементом в мировоззрении носителей религиозного сознания. Способствуя осмыслению прошлого и формируя отношение к настоящему, они являются базой, на которой выработывается определенная модель поведения, помогающая адаптироваться к явлениям окружающей действительности [Ахметова, 2004; Panchenko, Eschatological expectations...].

Примечания

Ахметова М.В. Эсхатологические мотивы современной мифологии в России конца XX – начала XXI вв. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 2004 // www.ruthenia.ru/folklore/ahmetova6.htm

Гурьянова Н.С. Старообрядческое эсхатологическое учение и социально-политические мифы Нового времени // Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи. Материалы III Международной научно-практической конференции. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН. 2001.

Гурьянова Н.С. О приемах построения текста писателями-старообрядцами // Гуманитарные науки в Сибири, 2004. № 3.

Любимова Г.В. Старообрядцы-часовенные Верховьев Малого Енисея: традиции и новации // Проблемы межэтнического взаимодействия в Сибири. Вып. 2. Новосибирск, 2004.

Покровский Н.Н., Зольникова Н.Д. Староверы-часовенные на востоке России в XVIII – XX вв. Проблемы творчества и общественного сознания. М., 2002.

Тарабукина А.В. Фольклор и культура прицерковного круга. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. СПб., 2000 // www.ruthenia.ru/folktee/CYBERSTOL/books/Tarabukina/arina_tarabukina.html

Panchenko A. Eschatological expectations in a changing world: narratives about the end of the world in present day Russian folk culture // www.ruthenia.ru/folklore/panchenko2.htm

АМАНАТЫ В СИБИРИ

Аманат арабское слово в переводе означает – заложник, закладник. Существование практики аманатства древняя практика, такая же древняя, как соби́рание дани с покоренных народов.

В трансформированной форме эти приемы дошли до Сибири в XVI в. и существовали на протяжении XVII-XVIII вв. Аманатов в Сибири использовали как гарантов соблюдения политических договоренностей и поступления налогов (ясака) в казну. Причем, чем выше был статус аманатов, тем надежнее были гарантии.

Отношение к аманатам было различным у разных народов. Все зависело от конкретных условий и сложившихся военно-политических традиций. Если практика аманатства традиционно входила в культуру поведения противоборствующих сторон, то она воспринималась адекватно обеими сторонами и принимала более или менее приемлемые формы. Имеется в виду отношение к заложникам, условиям их содержания и т.п. Иное дело, когда в систему подобных отношений попадал этнос, стадия социального развития которого не была подготовлена к системе договорных отношений, пусть даже таких «диких», какими являлось аманатство.

Гарантии, которые обеспечивала практика аманатства в Сибири были далеко не надежны и зависели прежде всего от развитости общественных отношений, устойчивости родовых связей, выделения властных структур и степени оседлости этноса.

В ходе колонизации Сибири аманатство было чрезвычайно развито. Практически во всех сибирских городах начиная с XIV в. существовали «аманатские избы». Однако нельзя сказать, что отношение к аманатам везде и всегда было одинаковым. Оно зависело от множества факторов: политических, экономических, личностных, наконец. Культура поведения и усвоенные традиции во многом определяли судьбы аманатов. Если этносы были, хотя бы в малой степени, знакомы с русской культурой и имели некоторое представление о быте русских переселенцев, то и пребывание «в аманатах» для них проходило менее болезненно, а порой и являлось полезным опытом. Иное дело, когда в аманаты попадали люди, совершенно исключенные из соприкосновения с культурой колонистов. Они приходили «чужими» и «чужими» уходили, представляясь населе-

нию русских острогов «непонятыми язычниками». Поэтому, исследуя проблему аманатства в Сибири, необходимо рассматривать каждый эпизод к отдельности применительно к контексту местных условий.

Не стоит забывать при этом, что Сибирь долгое время являлась территорией ссылки на самых разных уровнях. Сюда, в качестве воевод, отправляли неугодных в метрополии политиков. Наряду с политической ссылкой действовала и уголовная. В связи с освоением западных сибирских территорий, с ростом крупных городов, таких как Тобольск, Тюмень или Томск ссылка стала приобретать иной характер, уже из Западной Сибири ссылали в отдаленные восточные регионы. По сути, большинство населения городов и острогов, включая и администрацию восточных сибирских провинций, состояло из ссыльных, в том числе и по уголовным мотивам. Поэтому, говорить об адекватно действующих властях в отдаленных, отрогах, крайне проблематично. Сложившееся положение накладывало специфический отпечаток в установление русско-аборигенных отношений, особенно если дело касалось этносов, стоящих на ранних стадиях общественного развития. С этой точки зрения, думается, следует подходить к такому явлению как практика «сибирского аманатства».

Содержание аманатов зависело от их статуса. Имеющиеся аманатские избы, мало отличались от тюремных помещений. Наиболее знатных и значимых аманатов держали «за приставом», т.е. во дворе служилого человека, который был обязан обеспечить аманату особый режим и был ответственен за его содержание. В этом случае положение аманата мало отличалось от пребывания «за приставом» ссыльных из метрополии, имевших определенный статус. Но это, конечно же, касалось далеко не всех. Содержание рядовых аманатов в небольших, отдаленных острожках иногда приводило к плачевным результатам и смерти заложников. Сохранилась любопытная отписка, относящаяся к 1640-м гг., из которой следует, что «из Енисейского острога с аманатского двора» бежали в Красноярск ясачные люди [РГА-ДА. СП. Стлб.136. с.133]. Возможно побег был связан именно с условиями содержания, в противном случае не совсем понятно, зачем менять один аманатский двор на другой?

При кочевом образе жизни большинства коренных народов Сибири, договор шерть (как принято было называть договорные отношения с аборигенами) не обеспечивал прекращения вооруженных столкновений и своевременную уплату ясака. Та или иная этническая группа кочевников «дав шерть» могла поменять свое географическое место положение. Что бы добиться хоть каких-то устойчивых гарантий, русской администрации приходилось прибегать к практике взятия в заложники представителей «лучших людей» из числа этнического объединения. Русская администрация была заинтересована в том, чтобы аманат принадлежал к знатной, уважаемой семье и имел влиятельных в своей среде родичей. В 1665 г. воевода А. Сумароков не принял от тубинцев аманата потому, что тот был «худого рода».

Чем более организованным в социальном плане было этническое сообщество, тем проще было установить практику выдачи аманатов. Енисейские кыргызы, например, находили такое положение привычным, поскольку монгольские правители издавна забирали у них в заложники жен и детей.

Как уже упоминалось выше, аманаты содержались в специально отведенном месте. В дальних острогах это могла быть тесная аманатская изба, в значимых же городах содержанию заложников отводилось больше внимания. В 1620-е гг. в Красноярске была куплена изба за 6 рублей «для закладников, где аманатов держать».

В дальнейшем условиях содержания заложников в Красноярске уделяли больше внимания. В 1636 г. воеводской администрацией был поставлен «аманатский двор», который включал в себя крытую драницей избу, постройка которой обошлась казне в 20 рублей (приблизительная стоимость добротного двора), а также особое караульное помещение, стоимостью в 4 рубля. Площадь тюрьмы и аманатского двора были огорожены общим тыном. Скорее всего на аманатском дворе располагались и вспомогательные хозяйственные постройки: сараи, клетки, погреба и т.п. Пространство, предназначенное для содержания аманатов могло иметь и другие варианты построек. Чем крупнее и значительнее был город, тем более приемлемые условия существования получали заложники.

Так, воевода Федор Мякинин аринских аманатов вместе с их женами отпускал с аманатского двора на день «за острог в юрты», требуя обязательного возвращения к ночи. Наиболее знатным или значимым на данный момент аманатам представлялись особые условия содержания. В 1648 г. братского князца Оилана, оставленного в качестве заложника в Красноярске, поместили на казачьем дворе, определив к нему двух приставов служилых людей и четырех караульчиков. Посадить князца в «аманатский двор» воевода не решился, исходя из того, что «он, князец Оилан, человек дикой и незнающий, что б сидючи в аманатском дворе над собой которого дурна не учинил» [Бахрушин. Т.IV.C. 48-49].

Аманатам полагалось выделять из казны содержание на пищу и прочие бытовые нужды. В первые десятилетия XVII в. Сибирь испытывала потребность в продовольствии, поэтому возникали сложности обеспечения аманатов. В 1635 г. красноярские служилые люди сетовали, что «...те де аманаты кормятся, ходя по них же, служилых людей». Из этого текста следует, что аманаты в Красноярске беспрепятственно пердвигались по городу и просили милостыню и, судя по всему, получали ее. Таким образом, происходило непосредственное общение аборигенного населения с горожанами-колонистами и в этих конкретных обстоятельствах отчасти снималось противопоставление на «своих» и «чужих».

Официально утвержденный рацион красноярских аманатов при воеводе М.Дурново состоял из 3-9 фунтов мяса (в зависимости от статуса и потребностей заложников), хлеба, муки на кашу, ковшы вина и ведра браги. [Бахрушин, Т.IV. С.45-59, 159]. В режим питания «закладчиков» повсемес-

тно входили, в той или иной степени крепости, спиртные напитки. Конечно, в определенной мере алкоголь снимал стресс и помогал заложникам примириться с тюремными условиями существования. Однако народы у которых организм генетически был не приспособлен к усвоению и расщеплению спирта очень быстро теряли здоровье.

Кроме пищи, аманаты могли получать казенную одежду и предметы бытового обихода. В Красноярске за казенный счет им шили помимо одежды и сетки от комаров. При отправке на родину аманатам выдавались небольшие суммы денег.

Наличие аманатов далеко не всегда гарантировало уплату ясака и прекращение военных действий. Кыргызы говорили послу из Томска: «Да хотя де и закладники будут, а кто захочет воровать и закладники не уймут» [Бахрушин, Т.IV, С.49].

Наличие аманатов во многих случаях не мешало нарушать зыбкие договорные отношения. Что бы склонить разрозненные отдельные группы этносов к выплатам ясака и выдаче аманатов сибирские воеводы прибегали подчас к самым разным приемам: от неоправданной жестокости до откровенного подкупа родоплеменной верхушки. Не существовало общих правил для всей Сибири, каждый регион имел свои особенности. Затянувшееся подчинение аборигенов крайнего Северо-Востока Сибири, например, происходило жестокими методами при полном непонимании культурных традиций обеими противоборствующими сторонами. Поэтому в этом регионе взятие заложников не приносило предсказуемых результатов [Зуев, 2002. С.99–166]. Практика аманатства существовала вплоть до окончательного включения сибирских этносов в систему русской государственности.

Примечания

Бахрушин С.В. Научные труды. Т.IV. М., 1959.

Зуев А.С. Русские и аборигены на крайнем северо-востоке Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII вв. Новосибирск, 2002.

ЛЕС В СИСТЕМЕ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ ГОРИНСКИХ НАНАЙЦЕВ (КОНЕЦ XIX–НАЧАЛО XXI ВЕКА)

Территория расселения нанайцев занимает обширную площадь Приамурья. Своеобразные естественно-географические условия (сочетание низменных, равнинных, лесостепных участков; смещение северных и южных видов растительности и животного мира) определили различные формы жизнеобеспечения у разных групп нанайского этноса.

Для автохтонного населения на протяжении многих эпох главными источниками жизни являются река Амур и лес, обусловившие развитие речного рыболовства и охоты. Исследователи рубежа XIX–XX вв. отмечали, что у нижнеамурских нанайцев, проживающих в долине большой реки, главную роль в рационе играла рыба (лосось, осетр, калуга, сазан). Пищевое разнообразие у местного населения возрастало вверх по Амуру: рыба дополнялась мясом и яйцами амурской черепахи, а также продуктами лесной охоты (мясом косулей, оленей, кабанов, изюбров) [Шренк Л.И., 1899, т.2, с.146-147].

Немного другие формы жизнеобеспечения сложились у поселенцев левого притока Амура. Проходная рыба – лосось в боковые реки (Амгунь, Горин) поступает в недостаточном количестве, чтобы удовлетворить потребности в продуктах питания всех жителей района. Горинские нанайцы, как и негидальцы, восполняли недостаток рыбной еды за счет мясной пищи и дикоросов из окружающей тайги, которая отличается от южных смешанных хвойно-широколиственных лесов преобладанием в ее составе хвойных пород деревьев. Обитающий в хвойных лесах лось стал главной добычей горинских охотников.

В состав нанайцев вошли Самагиры происхождения связанные с тунгуской общностью. Уже 6-5 тыс. лет назад восточносибирская тайга, простирающаяся до бассейна рек Горин, Девятки и озера Эворон, играла роль своеобразного коридора, по которому проникали в амурскую среду элементы тунгуской кочевой культуры [Окладников А.П., 1983, с.77]. Проживающие в левобережье Амура вплоть до нач. XX в., самагиры мясо *бую* (так называли лося, что означает просто «животное») употребляли в пищу, из его шкур делали одежду, настилы на нары. Сухожилия шли на изготовления ниток. Характеризуя культуру тунгусов, С.М. Широкогоров подчеркивал, что они в своем длительном сожительстве с лесным миром образовали устойчивую систему – «таежное сообщество», в котором зверь и человек представляют одно целое [Широкогоров С.М., 2002, с.87-88]. Правила гармоничного вжи-

вания в лесной ландшафт они передали и другим этническим группам через контакты. Посредниками в этом были и жители долин р.р. Горина, Девятки, оз. Эворон.

Слабая заселенность лесных просторов сформировала у горинской группы представлений о тайге как неограниченной большой промысловой территории [Козьминский И.И., 1929, с.26]. Особенность нижеамурского ландшафта – заболоченность, непроходимые заросли кустарников, делали возможным освоение лесных массивов только зимой. Элементами промысловой культуры были зимние лыжи, легкие охотничьи нарты и шалаш (*аонга*), как временное укрытие от непогоды.

Для горинских охотников необходимость проходить большие расстояния способствовала развитию ориентировочных способностей, в которых знания о лесе стали главной составляющей. В лексике горинских и амурских нанайцев слова, объединенные понятием «лес», отражают детали и признаки местности. Понятие «лес»- *дунтэ*, *пурэси* имеет два оттенка «таежная возвышенность» и «лесистая часть, особенности леса».

Подпонятие «таежная возвышенность» выражается следующими словами: рёлка, небольшая возвышенность с островками леса, кустарником – *гаонян*; рёлка, небольшая возвышенность в низине – *сиргэ*.

«Лесистая часть» – *дунтэ*, *пурэн* имеет следующие характеристики: небольшой островок леса посреди болота, где растут ягоды, багульник – *дэту* (у горинских нанайцев слово *дэту* выражает и довольно обширную заболоченную местность); чаща, роща, валежник – *сио* [Нанайско-русский словарь, 1980].

Состав леса отражен в хозяйственной деятельности. Так в разделении труда учитывались ярусы лесного ландшафта. Верхний ярус растительности, состоящий из древесных пород (сосны, кедра, древесина березы, дуба и т.д.), считался сырьевой базой «мужского труда». Нижний ярус, состоящий из трав, часто эксплуатировался женщинами при занятии собирательством. Универсальную роль в хозяйстве играла кустарниковая растительность низменной части – ива, молодые побеги ивы (тальник). Ветки тальника и ивы использовались в строительстве фанз мужчинами и в изготовлении плетеных тарелок (*соро*)- женщинами.

Еще в начале XX в. исследователи приамурских народностей, отмечали, что при обилии деревьев вокруг *гольды* (нанайцы) никогда не применяют их в качестве строительного материала [Лопатин И.А., 1922, с.83-86]. На постройку жилищ шли плавники, кустарниковая растительность, сухая трава. Деревья, как и лес, имели священный статус. Из кедр, сосны и менее сакральных – яблони, березы мужчины-шаманы изготавливали ритуальные предметы, предварительно попросив прощение у дерева. Даже при выделке лодок проводился ритуал извинения.

Дерево, являющееся вместилищем души леса, исполняло центральную роль в промысловом обряде нанайцев. Добравшись до прошлогоднего зимовья (*аонга*), охотник бил земной поклон дереву, растущему рядом. По сведе-

ниям И.И. Козьминского у горинских нанайцев священное дерево *tutga* считалось воплощением родового дерева. Оно имеется в каждом селении, при чем число их может колебаться в зависимости от числа родов, населяющих данное стойбище, т.к. это дерево является чисто родовой святыней [Козьминский И.И., 1929, с.45-46].

Запреты налагались на обрубание или обрезание веток живых деревьев, на заготовки зарубок на стволах и т.п. В пень срубленного для хозяйственных нужд дерева обязательно втыкали живую ветку, символизировавшую душу дерева. Этим самым, предполагалось, что дереву сохранялась жизнь [Бельды Н.А., 2003, с.48].

Лесное пространство уподоблялось священной зоне. Его покровителем и воплощением был дух таежного медведя – *На-Дуэнтэни* (буквально «земля»- средний мир – «тайга»; « человек тайги»). Владениями «таежного медведя» считаются – равнина, «средний мир», «тайга». Братом- близнецом *На-Дуэнтэни* является Водный медведь (*Муэ – Дуэнтэни*), который покровительствует водной стихии. Его владения – низины, поймы. Что характерно, горинские и амурские нанайцы на стихию воды перенесли понятие, связанное с лесом – «дуэнтэ».

В начале XX в. у горинских нанайцев в традиционных воззрениях, связанных с лесом, и в промысловой культуре в целом наметились тенденции угасания. Введение планирования в охотничью отрасль было нацелено на увеличение добычи, что вскоре привело к значительному сокращению ресурсов на охотничьих территориях. Приведенный И.И. Козьминским в качестве примера маршрут горинского охотника Ф.А. Самагира, меняющийся из года в год, показывает сложности, возникшие в занятии охотой, по причине участившихся миграций зверей в отдаленные районы [Козьминский И.И., 1929, с. 27 – 28]. Ту же самую ситуацию на примере амурских нанайцев описывает И.А. Лопатин [Лопатин И.А., 1922, с.73-74].

В 1930-е гг. с началом коллективизации на Дальнем Востоке возросла роль Нижнего Приамурья в деле промышленного развития и укрепления обороноспособности страны. Разработка залежей полезных ископаемых, строительство индустриальных объектов – все это приводило к выкорчевке огромных площадей леса. На первых лесных просеках работали не только бригады добровольцев и политзаключенных, но и представители из местных народностей. Принципы нетронутости тайги были нарушены.

В результате опроса, проводимого в с. Кондон в 1998 г., выяснилось, что две жительницы – Самар К.К. (г.р. 1915) и Самар И.К. (г.р. 1927) с 16 лет работали на лесоповале. Начало их трудовой деятельности пришлось на период строительства колхозов. В своих интервью информаторы не смогли дать оценку тому времени и роду своих занятий. Повал деревьев стал обычным занятием, за выполнение которого администрация расплачивалась едой.

Плановое уничтожение деревьев преобразовало облик окружающего пространства – участки редколесья теряли статус охотничьих территорий. С 1970-х гг. занятие охотой стало непрестижным среди горинских нанайцев.

Но в 1960-70-гг. среди местного населения сохранялось отношение к лесу как священной территории. Старожил из с. Кондон, писатель В.Ф. Зуев отмечает, что жители села взамен потерянных деревьев делали искусственные насаждения [Зуев В.Ф., 1990, с.18]. Священные места около с. Ямихты, с. Сарголь (рода Наймука), территории захоронений были окультурены посадками дикой яблони, кипы, черемухи.

На самой Кондонской сопке (гора *Хурэн, Кайласу*), покрытой кедром, в свое время жители с. Кондон воспротивились проведению геологических работ, т.к. в их понимании этот участок, покрытый лесом, должен оставаться нетронутым. В этот же период из числа кондонских жителей был подготовлен отряд пожарников лесоохраны, проходивший специальную стажировку парашютистов в Комсомольске-на-Амуре [Чаадаева А., 1979].

Во второй половине XX в. и начале XXI в. деструктивные правила природопользования, лесозаготовки, систематичные лесные пожары создали угрозу потери жизнеспособности горинской территории. Наблюдаемое жителями села Кондон похолодание климата в их местности и обмеление реки Девятки (потеря ее навигационной функции) также стало следствием массовой выруб-ки тайги. Экономические сложности не дают возможности воссоздания лесного комплекса. В настоящее время на этом участке нижнеамурской территории отмечается потеря функции леса как среды обитания.

Проблема сохранения лесов в горинском районе – это масштабная экологическая проблема, затронувшая близлежащие и отдаленные сельские и городские районы. Решение ее предполагает разработку моделей развития для районов традиционного природопользования и промышленного освоения с учетом многовекового опыта лесопользования местного коренного населения.

Примечания

Бельды Н.А. Деревья в представлениях и верованиях нанайцев. // Записки Гродковского краеведческого музея. Вып.6,-Хабаровск: Хабар. краевед. музей, 2003, с.47-52

Зуев В.Ф. Утро древнего стойбища.- Хабаровск: Кн. Изд., 1990.

Козьминский И.И. Отчет об исследовании материальной культуры и верований гаринских гольдов. // Гарино-Амгунская экспедиция 1926 г.- Л.: б.и., 1929.-с.25- 48

Лопатин И.А. Гольды амурские, уссурийские и сунгарийские. – Владивосток: б.и., 1922

Нанайско-русский словарь (составитель С.Н. Оненко).-М.: Изд-во «Русский язык», 1980

Окладников А.П. Древнее поселение Кондон.- Новосибирск: «Наука», 1983

Чаадаева А. Кондонский дневник.// Дальний Восток.- 3, 1979- с.138-145

Широкогоров С.М. Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений, ч.2 (Избр. работы).- Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2002- 142 с.

Шренк Л.И. Об инородцах Амурского края.- СПб: Изд-во АН. 1899.-т.2

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БАРАБИНСКИХ ТАТАР РАЙОНА УБИНСКОГО ОЗЕРА В 1870-Е – 1930-Е ГОДАХ

В современной этнологии утвердился подход к оценке традиционного хозяйства этноса на уровне локального культурного комплекса, охватывающего куст поселений вместе с окружающими их промысловыми угодьями. Такой подход, разработанный А.Г. Селезевым и И.А. Селезевой, позволяет наиболее полно сосредоточить внимание на местных, тесным образом связанных с окружающим микроландшафтом, особенностях традиционного хозяйства [Селезнева И.А., 2000].

Объектом настоящего исследования выступает хозяйственная деятельность группы барабинских татар, проживавших вблизи Убинского озера в 1870-е – 1930-е гг. За ядро группы принимается население двух крупнейших на этой территории аулов барабинских татар – Кочомки (Старой Качемки) и Убинского (Заречно-Убинского) [Патканов С., 1911]. Цель работы – выявить структуру, цикл и методы хозяйства указанной локальной группы барабинских татар. Для достижения цели были использованы две группы источников: письменные источники – работа Н. Кострова “Каинская Бараба” (“Томские губернские ведомости”, 1874, № 25, 27, 37, 44), историко-этнографические очерки “Бараба” (“Сибирский вестник”, 1893, № 57, 108); полевые материалы, собранные в населенных пунктах Заречно-Убинское, Новая Качемка, Шушковка Убинского района и Аул-Бергуль Куйбышевского р-на Новосибирской обл. в ходе экспедиций Омского государственного университета в 1983 г. и Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН в 2006 г. В качестве сравнительного материала использовались данные экспедиций Томского государственного университета к разным группам барабинских татар в 1971-1973 гг.

Фактором, определявшим направленность хозяйственной деятельности жителей упомянутых населенных пунктов, было их близкое расположение к Убинскому озеру. Основой жизнеобеспечения изучаемой группы барабинских татар в 1870-е – 1930-е гг. были рыболовство и охота.

Главным местом рыбного промысла для рассматриваемой группы барабинских татар служили Убинское озеро и множество сообщающихся с ним “полоев”. Основными видами промышляемой рыбы были карась (*тобан балык*, *сары балык*), окунь (*кытыс*), щука (*шуртан*, *шурогай*), язь (*коюр*), линь (*кара балык*), чебак (*чабак*). Главным средством рыбной ловли являлись котцы.

Рыболовный сезон у барабинских татар начинался с промысла щуки в конце апреля – начале мая, когда она начинала идти к берегу на икромет. В этот период в проходах из озера в полои барабинские татары устанавливали котцы (*юйзе, ёзи*) из сосновой дранки, переплетенной веревкой (*бау*) из конопляных или крапивных нитей. Котец состоял из трех фрагментов по 120 прутьев, которые крепились к дну тычками (*корык*). Попавшую в котец рыбу вычерпывали при помощи сачка (*соско*) с лодки-долбенки (*кимя*). Икромет щуки продолжался до 20-25 мая. Содержание рыбного промысла барабинских татар в конце мая – июне составлял котцовый лов зяя и карася, у которых на этот месяц приходилось время нереста. После завершения икромета котцы снимали во избежание порчи рыбы и их самих.

В июле по мере потепления воды рыба уходила от берега, что влекло резкое сокращение объема ее добычи. В июле татары добывали рыбу в основном с использованием сетей (*ау*), которые устанавливались “на глубине”, в 2-3 км от берега озера. В августе вода была прохладнее, и рыба вновь начинала ходить у берега, в связи с чем в зарослях камыша устанавливали котцы. Основной вид добываемой в июле – августе рыбы – карась. Продукция рыбного промысла в июле – августе потреблялась натурально. Следующий этап рыбопромыслового цикла барабинских татар приходился на ноябрь. Когда озеро покрывалось льдом, к берегу начинали идти окунь и шурогай, которых добывали с использованием котцов. В декабре вода “задыхалась”, и рыба уходила вглубь Убинского озера: котцовый лов рыбы прекращался. Зимой на Убинском озере барабинские татары практиковали артельный лов рыбы неводами (*елым*). Неводный лов рыбы продолжался с середины ноября до конца апреля.

Продукция рыбного промысла потреблялась натурально и служила важнейшим источником обменного фонда барабинских татар. Татары обменивали на рыбу у живущих в соседних деревнях мишарей и русских муку, молоко, одежду и другие необходимые продукты.

В ноябре, когда большинство барабинцев прекращали лов рыбы, с выпадением снега для них начинался сезон охоты. Важнейшими объектами охоты барабинских татар в рассматриваемый период были волк, лисица, медведь, лось, колонок, горностаи, хорь, заяц, куропатка, утка. Для добычи зверя зимой татары артелями уходили на север в урман.

Сезон добычи пушного зверя продолжался с ноября по март. Архаичным способом добычи волков и лисиц у барабинских татар была коллективная загонная охота на конях, продолжавшаяся со времени выпадения снега до февраля. Догнав волка, охотник наносил ему удар по голове березовой дубиной *чукмар*. Лисицу били по голове бичом (*комче*). С февраля по март волка и лисицу татары ловили капканами с использованием приманки (*илякся*). Перед установкой капканов во избежание посторонних запахов их промывали в талой воде. Устанавливали капканы под следом зверя. Попавшего в капкан зверя убивали березовой дубиной.

На зайца устраивали загонную охоту: на тропях подвешивали связанные из конопли тропники (*авяс*), попавшегося зверя убивал ножом (*пиак*) специальный заколщик. Зайца добывали также путем установки петель (*кыл*) на их тропях и с помощью ловчих ям. На мелкого пушного зверя, – колонка, горностая, хорька, – барабинские татары охотились, устанавливая капканы у нор и на тропях зверьков, бросая рядом приманку. Для добычи куропаток в местах кормежек, в сугробах вырывали ловчие ямы (*ура*), которые сверху накрывались тальниковыми ветками. Попавшую в ловушку птицу доставали с использованием полутораметрового шеста (*эргак*), к концу которого привязывалась петля.

В мае и сентябре барабинские татары охотились на водоплавающую птицу. Основным средством охоты на уток были пленки (*кыл*), поводок (*бау*) которой изготавливали из конопляной нити (*тарама*), а петли – из конского волоса. Один охотник ставил от 50 до 100 пленок.

Мясо добытых на охоте зверей потреблялось натурально, из шкур шили одежду, излишек – обменивали на продукты питания, одежду.

Вспомогательную роль в хозяйстве барабинцев играло собирательство. За ягодой татары начинали ходить в начале июня, когда поспевала земляника (*шляк*). С начала до середины августа барабинские татары занимались сбором смородины (*карлеган*) и костяники (*бырлеган*). С конца августа и в сентябре татары собирали в рьях бруснику, с конца сентября начинался сезон сбора клюквы. Помимо ягод барабинские татары занимались сбором трав (лабазника, душицы), листьев смородины, земляники для приготовления напитков. Собранные ягоды и травы засушивались и использовались в пищу в течение всего года.

Среди барабинских татар рассматриваемой группы была широко распространена *ловля пивок*, которой занимались женщины. Использовали пивок как лекарственное средство, для лечения радикулита, понижения артериального давления и др. Помимо этого пивок обменивали на хлеб, товар и другие продукты у русских, чувашей, башкир, специально приезжавших за пивками из европейской России.

Роль скотоводства в хозяйстве барабинских татар была вспомогательной, земледелие не имело существенного значения. Отдельные богатые хозяйства в рассматриваемых населенных пунктах насчитывали несколько десятков и даже сотен голов скота (лошадей, коров, овец). Однако, “большинство татар владели по-прежнему незначительным количеством скота, а бедняцкие хозяйства почти все не имели его” [Томилов, 1993]. Климатические условия региона были неблагоприятны для занятия *земледелием*: близость Убинского озера и непрекращающиеся дожди усиливали заболоченность территории. Хлеб сажали только богатые хозяева, которые выращивали преимущественно овес (*сэлэ*), ячмень (*арна*), рожь (*арыш*), а также пшеницу (*будай*). Продукты земледелия подавляющая масса барабинских татар получали у русских и мишарей в обмен на рыбу и продукты охоты.

Рассмотренная структура хозяйства барабинских татар просуществовала до 1930-х гг. В 1930-е гг. в связи с организацией колхозов происходят радикальные изменения в традиционном хозяйственно-культурном укладе барабинских татар. После образования колхозов значительная часть барабинских татар оставили традиционные занятия и перешли на работу в коллективных хозяйствах, активно перенимая у мишарей и русских технологию земледелия. В то же время представители другой части барабинских татар не оставили традиционных хозяйственных занятий, но сумели адаптировать их к новым условиям. Татары стали штатными охотниками и рыболовами. Однако, если до конца первой трети XX в. татары самостоятельно распоряжались продукцией охоты и рыболовства, обменивая ее на необходимые товары у мишарей или русских, то с 1930-х гг. продукция этих отраслей начинает сдаваться государству за деньги, либо в обмен на продукты. Основную массу штатных охотников и рыболовов составляли бараба. Для этой группы барабинских татар охота и рыболовство продолжали оставаться основой жизнеобеспечения даже в период функционирования колхозной системы.

Таким образом, в 1870-е – 1930-е гг. основу традиционного хозяйственно-культурного уклада группы барабинских татар, расселенных вблизи Убинского озера, составляли занятия рыболовством и охотой. Продукция этих промыслов потреблялась натурально, излишек обменивался на продукты земледелия, скотоводства, одежду у живущих по соседству мишарей и русских. Собирательство и скотоводство играли вспомогательную роль, земледелие было неразвито. Колхозное строительство 1930-х гг. разрушило традиционный для барабинцев хозяйственный уклад, однако традиционные отрасли хозяйственной деятельности продолжили функционировать в новых экономических и административно-правовых условиях. В конце XX – начале XXI вв. в условиях глубокого экономического кризиса Возрождаются потерявшие свое былое значение охота, рыболовство и собирательство. Хозяйство значительной части коренного тюркоязычного населения Барабинской степи вновь становится натуральным.

Примечания

Патканов С. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев. – СПб., 1911. – Т. 2.

Селезнева И. А. Традиционное хозяйство тарских татар: (Вторая половина XIX – начало XX века): Автореф. ... дис. канд. ист. наук. – Новосибирск, 2000.

Томилов Н.А. Проблемы этнической истории: (По материалам Западной Сибири). – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1993.

ТРАДИЦИОННАЯ РОДИЛЬНАЯ ОБРЯДНОСТЬ СЕВЕРНЫХ АЛТАЙЦЕВ

Родильная обрядность является малоизученной областью традиционной культуры северных алтайцев. Сведения по данному вопросу в специальной литературе носят общий или отрывочный характер. Родильная обрядность населения северных предгорий Алтая наиболее полно представлена в работах Е.П. Кандараковой и Е.М. Тошачковой.

В основу данной работы был положен полевой этнографический материал. Он был получен автором в ходе этнографических экспедиций АлтГУ (2001-2004 гг.) в населенные пункты Красногорского и Солтонского районов Алтайского края и Турочакского района Республики Алтай. Кроме собственных материалов были использованы сведения, собранные участниками поездок в места проживания кумандинцев, тубаларов и челканцев.

Целью данной статьи является реконструкция традиционной родильной обрядности северных алтайцев. В ее рамках, как и у других групп населения Сибири, выделяются три этапа: предродильный, собственно роды и послеродильный.

Зачатие, а затем и рождение полноценно здоровых детей было важным событием. Мальчик в перспективе был продолжателем рода и наследником имущества отца. Девочка была менее желательна, в силу того, что в будущем после замужества она покидала отчий дом. В этой связи сформировались определенные обычаи, направленные на рождение ребенка конкретного пола. Например, чтобы родился мальчик, клали топор под брачное ложе [МАЭ АлтГУ ф. 1 п. 3 оп. 6 к. 30 л. 6-7].

Кумандинцы верили, что в момент зачатия появляется дух-хранитель Умай, охраняющий человека всю жизнь. При наступлении родов она помогала ребенку появиться на свет, вступая иногда в борьбу со злым духом. Так объясняли тяжелые роды. Кроме того, дух-хранитель помогал перерезать пуповину, ухаживать за новорожденным: мыть ему личико, прочищать ресницы [Сатлаев Ф.А., 1974].

Несколько иначе выглядели представления челканцев: Увай заботится о ребенке до пяти лет, а затем – Пайна [Сыченко Г.Б., 2000]. Тубалары также верили в Увай, на что указывает обычай зашивать в материю и хранить рядом с ребенком в качестве оберега от злых духов отслоившуюся от пуповины кровь (*увай*) [Бельгибаев Е.А., Бурнаков В.А., 2003].

После того, как становилось известно, что женщина беременна (“*нарлыг*”, “*ноос*” или “*айлыг*” – кум. яз., “*айлу*”, “*курсак*” (желудок) – тубал. яз., “*барлу*” (у нее есть), “*курсак*”, “*шыдовас*” (в тягости) – челк. яз.), к ней изменялось отношение. Вступали в силу различные ограничения. Например, запрещалось посещать источники (*аржан суда*), так как считалось, что его дух мог забрать “*кут*” еще не родившегося ребенка [Бельгибаев Е.А., 2004; Кандаракова Е.П., 1999; МАЭ АлтГУ ф.1 п.11 оп.9, 11 к.33 л.1-3].

Роды происходили при стечении народа, криках и ружейной стрельбе. Роженица в доме оставалась с бабкой-повитухой (*киндик-ана*, *кортауши*, *урякен* – кум. яз., *сыймучи туркуш* – тубал. яз., *энедже* – челк. яз.), которая помогала подготовиться к родам: распустить волосы, принять полусидячее положение [Вербицкий В.И., 1993; Кандаракова Е.П., 1999; МАЭ АлтГУ ф.1 п.6 оп.2 к.24 л.2; Сатлаев Ф.А., 1974]. Кроме того, тубалары привлекали к помощи старших родственниц [Бельгибаев Е.А., 2004].

При тяжелых родах приглашали шамана для камлания, чтобы изгнать злого духа и делали массаж живота в направлении выхода младенца [МАЭ АлтГУ ф.1 п.3 оп.3 к.9 л.2; Сатлаев Ф.А., 1974]. Тубалары в таких случаях приглашали незнакомого мужчину преклонного возраста, часто с соседнего поселка. Роженица пугалась его и сразу же “освобождалась” [Бельгибаев Е.А., 2004]. Видимо, какие-то меры в случае трудностей при родах также принимали и челканцы.

Рождение ребенка было большим праздником не только для членов семьи, но и для их родственников и жителей села. Многодетные семьи пользовались уважением. На этот счет у кумандинцев существовало выражение: Один ребенок не ребенок, два ребенка – полребенка, три ребенка – ребенок (*Пыр пала – пала епись, ике пала – полпала, уч пала – пала*) [МАЭ АлтГУ ф.1 п.3 оп.6 к.63 л.1].

Родившегося ребенка повивальная бабка обмывала в деревянной емкости теплой водой и обертывала в домотканую материю. Затем правила ему головку и сообщала отцу пол ребенка. За проделанную работу она получала полотенце. Между бабкой-повитухой и новорожденным устанавливались крепкие и уважительные отношения на всю жизнь [Бельгибаев Е.А., 2004; Кандаракова Е.П., 1999; МАЭ АлтГУ ф.1 п.6; 11 оп.3; 1 к.10; 27 л.13; 3-4; Сатлаев Ф.А., 1974].

Что касается отвода (пуповины), то его могли отрезать ножницами или дожидались отпадения [МАЭ АлтГУ ф.1 п.11 оп.10 к.23 л.3; Сатлаев Ф.А., 1974]. Перерезание пуповины было характерно для тубаларов и челканцев [Бельгибаев Е.А., 2004; МАЭ АлтГУ ф.1 п.11 оп.1 к.21 л.1-2].

После родов у челканцев повивальная бабка разводила огонь в очаге с целью отогнать злых духов от беззащитных в тот момент ребенка и роженицы [МАЭ АлтГУ ф.1 п.11 оп.1 к.26 л.4]. Подобным образом поступали многие народы Сибири. Например, хакасы и якуты кормили

дух огня, чтобы примирить его с новым членом семьи, а также благодарили дух-хранитель за помощь при родах [Алексеев Н.А., 1969; Кустова Ю.Г., 2000]. Видимо, схожие цели преследовали в прошлом и население северных предгорий Алтая.

Северные алтайцы очень бережно относились к детскому месту (*убайа*) и пуповине (*ич* – букв.: внутренняя часть, нутро) младенца. Считалось, что их сохранность будет благоприятствовать новорожденному. Исследователи отмечают несколько вариантов действий по отношению к отводу и последу: погребение и хранение.

Право на захоронение последа имела только бабка-повитуха. Кумандинцы его закапывали в землю (предварительно положив в сосуд, туес или обернув в чистую тряпку) у окна дома со стороны восхода солнца, а тубалары и челканцы в лесу, в яме глубиной до полуметра [Кандаракова Е.П., 1999; МАЭ АлтГУ ф.1 п.3; 6 оп.3; 2 к.10; 24 л.13; 2; Сатлаев Ф.А., 1974; Тоцакова Е.М., 1978]. По другой информации у кумандинцев мать закапывала пуповину и послед вместе [МАЭ АлтГУ ф.1 п.11 оп.10 к.23 л.3]. Тубалары также практиковали захоронение отвода [Бельгибаев Е.А., 2004]. Видимо, последний вариант обряда более позднего происхождения и отражает процесс упрощения и забывания традиции.

У кумандинцев и челканцев существовал обычай хранения пуповины и последа в доме: под полом, на внутренней завалинке жилища или на чердаке [Сатлаев Ф.А., 1974; Тоцакова Е.М., 1978]. По другим сведениям отвод, предварительно положив в мешочек, отдавали носить ребенку [Кандаракова Е.П., 1999; МАЭ АлтГУ ф.1 п.3 оп.3 к.10 л.13; Сатлаев Ф.А., 1974]. По тубаларам на этот счет сведения отсутствуют.

После разрешения от беременности женщины кумандинцы и челканцы призывали к ней шамана. Иногда его мог заменить пожилой человек. Гость предсказывал судьбу (*ирq, ульга*) новорожденного, определенную Кудай Ульгеном при зачатии. Сообщался срок его жизни и те моменты, когда ему будет грозить смерть (*бом, ном* – букв.: скала, утес). Их (*бом, ном*) могло быть до девяти, но эти опасности можно было избежать и умереть естественной смертью [Славнин В.Д., 1991; Хильден К., 2000].

На шестой – восьмой день после отпадения пуповины (*киндик тушкен*) кумандинцы и челканцы совершали обряд положения ребенка в колыбель (*лупай, пежик, тос бежик*). Ее, как и одежду, для младенца северные алтайцы изготовляли после родов. В противном случае, согласно народным представлениям, новорожденный мог умереть. В сделанную отцом первенца кроватку затем клали всех детей, родившихся позже [Бельгибаев Е.А., 2004; МАЭ АлтГУ ф.1 п.6 оп.3 к.10 л.13; Тоцакова Е.М., 1978]. Кроме того, челканцы изготовляли ванночку (*тозьяк*). В нее запрещалось класть какие-либо вещи, в противном случае ребенок мог заболеть. Воду после купания младенца выливали за ограду [МАЭ АлтГУ ф.1 п.11 оп.1 к.21 л.1-2].

В день положения ребенка в колыбель кумандинцы и тубаларам давали ребенку имя. У челканцев совмещение двух обрядов было не обязательным. Выбор имени доверяли кому-либо из родственников, почитаемому всеми человеку, незнакомцу, зашедшему первым в дом, или бабке-повитухе. При этом последняя приносила подарок: мальчику – монеты, а девочке – бусы, серьги, а в ответ также одаривалась. Если имя не давали, то это делал злой дух (*кормос*) [Бельгибаев Е.А., 2004; Вербицкий В.И., 1993; Кандаракова Е.П., 1999; Сатлаев Ф.А., 1974; Тоцакова Е.М., 1978]. В.Д. Славнин [1991] считает, что обряд имянаречения происходил тогда, когда молодой месяц прибывал и считался “чистым”.

Кроме того, у челканцев имя мог дать шаман [МАЭ АлтГУ ф.1 п.11 оп.1 к.21 л.1-2]. Возможно, в прошлом именно кам говорил имя новорожденного во время определения его судьбы, описанном выше, в честь умершего родственника, возродившегося в данном ребенке через пять-шесть поколений. В некоторой степени на это также указывает обычай кумандинцев называть младенца в честь умершего родственника, чтобы сохранить о нем память, а также, чтобы ему передались лучшие качества предка. В честь самоубийц и несчастливых людей именами не нарекали [МАЭ АлтГУ ф.1 п.3; 6 оп.3; 6 к.9; 30 л.2; 6-7].

В связи с большой детской смертностью часто давали имена-обереги, так как считали, что злой дух тогда не заберет душу ребенка. Уже во второй половине XIX в. стали нарекать детей русскими именами [Вербицкий В.И., 1993; Кандаракова Е.П., 1999; МАЭ АлтГУ ф.1 п.6 оп.1, 4 к.7 л.7-9]. Для защиты от злых духов тубалары и челканцы использовали также вещи-обереги: пуговицы, когти, бусы и т.д. [Кандаракова Е.П., 1999].

Как до родов, так и после них существовали различные ограничения. Для защиты роженицы и новорожденного запрещалось выносить из дома огонь в течение сорока дней после родов [МАЭ АлтГУ ф.1 п.6 оп.1, 4 к.7 л.7-9]. Видимо, данный обычай является отголоском существовавшего в прошлом периода сорокодневья, широко известный у тюркских народов Сибири.

Когда ребенку исполнялся год, родители в первый раз стригли ему волосы и ногти. Волосы хранили на дне сундука. Несколько позднее, в соответствии с представлениями о рождении младенца “спутанным”, ребенку связывали ноги нитками и затем разрезали [МАЭ АлтГУ ф.1 п.6 оп.3 к.9 л.2; Сатлаев Ф.А., 1974].

Таким образом, традиционную родильную обрядность кумандинцев, тубаларов и челканцев, направленную на сохранение жизни новорожденного и роженицы, а также введение ребенка в социум, в настоящее время можно реконструировать лишь в общих чертах. Данный блок обрядов и обычаев под влиянием пришлых групп населения, в том числе русских, и православия в течение XX вв. претерпел трансформацию. Многие элементы были забыты и утрачены.

Примечания

Алексеев Н.А. Культа “айыы” – племенных божеств, покровителей якутов // Этнографический сборник. – Улан-Удэ, 1969. – Вып.5. – С. 145-170.

Бельгибаев Е.А., Буриаков В.А. Проблемы реконструкции традиционного мировоззрения коренного населения таежного Алтая (по материалам этнографии челканцев и туба) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2003. – Т.IX. – Ч.II. – С. 21-24.

Бельгибаев Е.А. Традиционные обряды жизненного цикла туба (по итогам полевых этнографических исследований 2004 г.) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2004. – Т.X. – Ч.II. – С. 13-17.

Вербицкий В.И. Алтайские инородцы. – Горно-Алтайск: Ак-Чечек, 1993.

Кандаракова Е.П. Обычаи и традиции чалканцев. – Горно-Алтайск, 1999.

Кустова Ю.Г. Ребенок и детство в традиционной культуре хакасов. – СПб.: Петерб. Востоковедение, 2000.

Сатлаев Ф.А. Кумандинцы (Историко-этнографический очерк XIX – первой четверти XX в.). – Горно-Алтайск, 1974.

Славнин В.Д. Архаика в духовной культуре кумандинцев: вселенная и человек, время и календарь // Методы реконструкции в археологии. – Новосибирск, 1991. – С. 179-218.

Сыченко Г.Б. Ульгень, Тьажин, Кыргыз и другие... (заметки о чалканском шаманстве) // Челканцы в исследованиях и материалах XX века (Алтаистические исследования). – М.: Изд-во ИЭА РАН, 2000. – Т.3. – С. 114-127.

Тошакова Е.М. Традиционные черты народной культуры алтайцев (XIX – XX вв.). – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1978.

Хильден К. О шаманизме на Алтае, в частности среди татар-лебединцев // Челканцы в исследованиях и материалах XX века (Алтаистические исследования). – М.: Изд-во ИЭА РАН, 2000. – Т.3. – С. 74-113.

КИТАЙСКАЯ МИГРАЦИЯ. ВЗГЛЯД ИЗ КНР И ИЗ РОССИИ.

В конце двадцатого века Центральная Азия оказалась вовлечена в стремительные процессы геополитические изменения. Возникновение ряда новых государств породили немало вопросов по поводу будущего взаимоотношений в макрорегионе.

В условиях нарастающей глобализации российско-китайская граница стала не только геополитическим рубежом, но и линией раздела разных цивилизационных, демографических и политических систем. Однако большие культурные различия не являются барьером для экономической и прогнозируемой демографической экспансии Китая. Экономические функции российско-китайской границы связаны с общей динамикой хозяйственных отношений (их продолжающейся либерализацией). Китайский бизнес успешно теснит российский в торговле, строительстве, производстве продуктов питания, усиливает сырьевую направленность экономики приграничных регионов. Вступление Китая в ВТО и последующее вступление России в эту организацию означает не только переход к нормам цивилизованной торговли, но и к усилению экономической иностранного присутствия в приграничной зоне, так как устав данной организации руководствуется принципом национального режима, т.е. предоставления предпринимателям из стран-членов ВТО таких же условий, что и национальным.

Одной из главных проблем, связанных с безопасностью границ является миграция китайской рабочей силы. По оценкам экспертов, в условиях низкой плотности населения в приграничных с Китаем районах России и роста демографической нагрузки в Китае рост числа китайских мигрантов в России неизбежен [Прозрачные границы, 2002]. Китай – одна из немногих стран, которая проводит сформированную годами политику сохранения контактов с гражданами, эмигрировавшими за пределы страны.

В Китае существует Комитет по делам китайских эмигрантов; при Госсовете создана Канцелярия по делам китайских эмигрантов, которая определяет стратегию взаимоотношений с соотечественниками, вырабатывает механизмы привлечения финансовых и материально-технических средств зарубежных китайцев в процессы модернизации экономики КНР. Практическая деятельность осуществляется Всекитайской ассоциацией Репатриантов, которая действует под непосредственным руководством

Канцелярии и защищает права и интересы зарубежных китайцев, анализирует их положение и разрабатывает предложения по совершенствованию законодательства. Эта ассоциация выступает как связующее звено между зарубежными китайцами и центральным правительством, а также местными органами власти КНР (через местные отделения ассоциации). Председатель Всекитайской федерации репатриантов видный общественный деятель Линь Чжаошу. В 1988 году образована Комиссия по делам китайских эмигрантов при Всекитайском Комитете Народного Консультативного совета Китая (“народного фронта”, объединяющего представителей различных партий и организаций). В 1991 году принят «Закон о защите прав и интересов реэмигрантов и родственников эмигрантов», который обеспечивает финансовые и налоговые льготы и возможности по переводу и инвестиции капиталов.

Несмотря на то, что важной особенностью законодательства КНР о гражданстве является последовательное проведение принципа непризнания двойного гражданства (при этом в законодательстве сам термин “двойное гражданство” даже не используется). Согласно ст.8 Закона КНР о гражданстве “за лицами, которые приобрели китайское гражданство, не сохраняется иностранное гражданство”, а ст.9 устанавливает: “Китайские граждане, постоянно проживающие на территории другой страны, в случае если они добровольно приобрели иностранное гражданство, утрачивают китайское гражданство”, законом о гражданстве предусмотрена возможность восстановления в китайском гражданстве. Согласно ст.13 “иностранцы, состоявшие ранее в китайском гражданстве, могут ходатайствовать с указанием уважительных причин о восстановлении китайского гражданства. За лицами, восстановленными в китайском гражданстве, не сохраняется иностранное гражданство” [Закон о гражданстве, 1980].

В это же время следует отметить, что иностранцы и апатриды даже формально (как это сделано в некоторых конституциях) не приравнены к гражданам в целом в отношении какой-либо части прав и свобод: их статус рассматривается как особый. Ч.1 ст. 32 Конституции КНР 1982 года гласит: “Китайская Народная Республика охраняет законные права и интересы иностранцев, находящихся в Китае; находящиеся в Китае иностранцы должны соблюдать законы КНР”. На уровне текущего законодательства применяется смешанный подход: для регулирования прав и свобод в экономической сфере иностранцев издаются отдельные акты, в экономической сфере издаются как отдельные акты, так и осуществляется общее для китайских граждан и иностранцев регулирование.

Однако по ряду параметров иностранные граждане имеют права, не предоставленные гражданам КНР. Это легко увидеть в актах, относящихся к экономической сфере. Так, согласно ст.14 Положения КНР о валютном регулировании от 29 января 1996 г. китайские граждане, проживающие в КНР и имеющие в своей собственности валюту не могут без соответствующего разрешения органов валютного контроля вывезти ее за границу. Ст.16

того же Положения разрешает иностранным гражданам, получающим заработную плату во внутренних организациях КНР, после уплаты налогов переводить ее за границу [Андреева, Титова, 2001].

В своих взаимоотношениях с диаспорой Пекин придерживается прагматических интересов привлечения капиталов этнических китайцев из-за рубежа для нужд развития народного хозяйства страны и лоббирования интересов Китая в соответствующих странах, взамен предоставляя гарантии правовой защиты. Однако в рамках жестких стратегий государственного строительства, правительство исключает любую возможность идеологического или политического влияния диаспоры на ситуацию в Китае.

По данным Центрального Разведывательного Управления США на июль 2006 года население Китая составляет 1313973713 человек, из которых 91,9% являются этническими китайцами (ханьцами) [CIA World Factbook, 2006]. По данным ООН китайская диаспора самая крупная в мире и насчитывает более 50 млн. человек. Самые большие диаспоры в США и Канаде. К середине 80-х годов в США 200 китайцев занимали высокие выборные посты на уровне штата, округа, муниципалитета. Китайская община превратилась в очень влиятельный электорат. В последние годы происходит усиление китайской диаспоры во многих странах мира.

Официальных данных о численности китайцев в России и странах СНГ нет. Гипотетически численность китайцев, находящихся на территории России и стран СНГ с различными целями, определяется в миллионах [Информационный бюллетень, 1999]. В 2002 г. экспертами Совета Федерации был подготовлен документ под названием “Проблема нелегальной миграции из Китая в контексте задач миграционной политики РФ”, основной вывод которого сводится к тому, что к середине XXI в. китайцы станут значительной по численности этнической общиной России. В этой аналитической записке говорится, что ситуация в приграничных с Китаем регионах уже сегодня складывается не лучшим для россиян образом. Причем первопричиной этого является огромная разница в демографических потенциалах Китая и России. Плотность населения на китайской стороне границы, как следует из записки, в 15-30 раз выше, чем на российской. В частности, “в Приморском крае плотность населения составляет 13,5 человека на 1 кв. км, а в прилегающем северо-восточном Китае – 130 человек”. К этому фактору следует добавить еще и высокую мобильность китайцев – их готовность перемещаться в другие места в поисках заработка и лучших условий жизни [Орлов, 2004].

По оценкам экспертов к критериям оценки страны в качестве дружественной или недружественной в массовое сознание россиян относятся:

- социально-экономический успех, делающий ее объектом для подражания на фоне разрушенной российской экономики;
- отсутствие угрозы, «безопасность», что подразумевает отсутствие территориальных претензий, «позитивный» опыт прошлых отношений, желательно – удаленность от российских границ;

- устойчивые советские стереотипы, пропагандистские клише, укоренившиеся в массовом сознании [Мир глазами россиян, 2003].

В рамках данных критериев Китай представляется страной вполне дружественной в отличие от Ирана или Ирака, которые для многих олицетворяют непонятный и просто опасный мир. В представлениях россиян преобладает общий позитивный настрой. Экономические успехи Китая произвели огромное впечатление на российское общество. Причем «дальневосточные» антикитайские фобии не распространяются на основную часть российского населения. Разворот России лицом к Китаю оказался востребован на уровнях «низкой» и «высокой» геополитики. Треугольник Москва-Пекин-Дели, о котором в свое время говорил Е.Примаков, очень хорошо вписывается в ожидания россиян. По данным опроса ФОМ в октябре 2004 года, 67 % россиян оценивает Китай как дружественное государство, причем имеется прирост показателей по сравнению с 2001 годом (55%) [ФОМ, 2004].

Примечания

Андреева Г., Титова Т. КНР и китайская диаспора: правовой аспект взаимоотношений // Институт Стран СНГ. Институт Диаспоры и Интеграции. Информационно-аналитический бюллетень. 2001. – № 42.

Закон о гражданстве КНР 1980 г.

Информационный бюллетень центра демографии и экологии человека Института народнохозяйственного прогнозирования РАН «Население и общество». – 1999. – № 41.

Мир глазами россиян: мифы и внешняя политика. – М.: Фонд «Общественное мнение», 2003.

Опрос Фонда «Общественное Мнение»: Россия и Китай. – 22.11.2006. – <<http://bd.fom.ru/report/map/d044309>>.

Орлов Н. Великая китайская экспансия. //”Россия”. – 11 марта 2004.

Прозрачные границы. Безопасность и трансграничное сотрудничество в зоне новых пограничных территорий России. – М.: Научно-образовательный Форум по международным отношениям, 2002.

**ОБРАЗ ЭТНИЧЕСКОГО ТРУДОВОГО МИГРАНТА
НА СТРАНИЦАХ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРЕССЫ
(НА ПРИМЕРЕ НОВОСИБИРСКА)***

Трудовая миграция является важнейшим фактором социокультурной динамики современного мегаполиса, и случай Новосибирска – «СибЧикаго» – один из наиболее репрезентативных для мировой урбанистики. Весьма важным в современных российских условиях представляется то обстоятельство, что на протяжении вековой истории Новосибирска принятие больших масс мигрантов было залогом успешного существования и развития города, а не фактором риска.

Помимо анализа непосредственного присутствия трудового мигранта в экономическом пространстве современного сибирского города, весьма значимым для полной социокультурной характеристики является его образ на страницах региональной прессы. Важность социолингвистического анализа текста состоит и в том, что пресса не только отражает, но и создает информационное поле, влияющее на характер общественного и индивидуального мнения. [Федотова Л.В., 2003]

«Вечерний Новосибирск» – 8-полосная ежедневная городская газета, выходит 5 дней в неделю. Ее лексика тяготеет к общепотребительной, конкретной, книжной, нейтральной. В речевой структуре преобладает повествование, оценочные элементы преобладают над дескриптивными. «Вечерний Новосибирск» отличается оперативностью и полнотой информации о жизни мегаполиса; доступностью и минимальным присутствием рекламных и «заказных» материалов (издание дотировалось мэрией г. Новосибирска); традиционно высоким качеством журналистики. Скромный тираж (5700 экз. на полуторамиллионный город), повышенное внимание к «властным» источникам информации, апелляция к образованному читателю, выраженное восприятие Новосибирска как собственного социокультурного поля – всё это позволяет считать «Вечерку» газетой правящей городской элиты. Что же думают «отцы города» о миграционных проблемах?

Всего прямо или косвенно миграционная тематика была представлена в 81 публикации за 2 года 9 месяцев. Наличие электронной версии «Вечер-

* Исследование подготовлено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 04-03-00520 «А» «Этнические мигранты в политико-правовом пространстве Сибирского федерального округа»

него Новосибирска» позволило провести сплошной анализ массива, отби-
рались для дальнейшего изучения материалы, в которых миграционным
проблемам был посвящен абзац и более.

Лишь 10 из 81 публикации по миграционной тематике, вышедших
на страницах «Вечернего Новосибирска» (далее «ВН») с января 2004 по
сентябрь 2006 года имели характер этнического просвещения. Интервью
с новосибирским муфтием лишь косвенно затрагивает проблемы сезон-
ных мигрантов – мусульман. В результате мы располагаем лишь четырьмя
публикациями за 2,5 года, в которых авторы целенаправленно попытались
освоить социокультурную реальность города совместно с сезонными тру-
довыми мигрантами. Для авторов «Вечернего Новосибирска» «гастарбай-
тер» остаётся «внешним фактором», сомнительным, плохо одетым чужа-
ком, создающим городу проблемы, а не блага.

Авторы «ВН» находят чужую этничность странной, чаще курьёзной,
чем угрожающей. Можно было бы предположить вслед за томским пра-
возащитником Б. Крейнделем, что авторы «исходили из посылки о не-
значимости этнического фактора для современной общественной жизни,
в которой социальный статус человека определяется иными факторами»
[Крейндель Б.М. 2006]. Однако редакционные колонки «ВН» убеждают
в обратном: свои этнические стереотипы авторы культивируют совершен-
но серьёзно.

Среди публикаций на тему миграции заметки о происшествиях име-
ют наибольший вес в массиве. Рост числа сообщений о происшествиях
с участием трудовых мигрантов объясняется как ростом их общего чис-
ленности, так и улучшением форм работы правоохранительных органов
с этим контингентом населения, в т.ч. и в отношении защиты иностранных
рабочих от правонарушителей. Среди позитивных изменений, происшед-
ших за исследуемый период -появление материалов с позитивной окраской
о кавказских диаспорах – нередко их размещают сами НКО.

В целом «ВН» весьма корректно освещает миграционную тематику.
Негативизм и ирония, присутствующие в публикациях «Вечёрки» адресо-
ваны правонарушителям, чьи проступки описаны в рубрике «Происшеств-
вия». Заголовок «Гастарбайтер стал убийцей» («Вечерний Новосибирск»,
13.07.2006), конечно, не лучшая идея ведущего рубрики Ильи Инзова.
Алармизм в материалах «Вечернего Новосибирска» вызван прежде всего
несовершенством социальных систем современной России, в силу чего го-
род вынужден принимать массы чужаков. Возмущение авторов публикаций
адресовано алчным и жестоким работодателям; журналисты сочувствуют
гастарбайтеру, вынужденному жить и работать в ужасающих условиях.

Интенсивность сообщений о «гастарбайтерах» возрастает к июлю, спа-
дает к октябрю: большая часть трудовых мигрантов – сезонные рабочие.
Возросший за последнее время интерес журналистов к теме объясняется
увеличением числа мигрантов; оптимизацией контроля государственных
структур за миграционными потоками, приобретением личного опыта

«эксплуатации» «гастарбайтера». Современный экономический статус сибирского среднего класса позволяет рассматривать трудового мигранта не как конкурента, а как доступную рабочую силу при уборке территории и строительных работах на дачном участке. Социокультурные новации, связанные с пребыванием трудовых мигрантов в Новосибирске лучше отражены в материале рекламного характера.

Проблемы, которые возникают у журналистов «Вечернего Новосибирска» в освещении миграционных процессов, происходят в силу следующих причин:

1) «Законы жанра». Заголовки даже нейтральных статей в соответствие с требованиями продаж имеют часто провоцирующий характер, пренебрегая интересами мигранта с точки зрения соблюдения корректности изложения материала.

2) Невыдержанность редакционной политики. Вполне корректные и толерантные материалы перемежаются с алармистскими, транслирующими миграционные и этнофобии публикации.

3) Низкий уровень аналитики журналистов «Вечернего Новосибирска». Прекрасно ориентирующиеся в новосибирском городском социокультурном пространстве, авторы «Вечерки» слабы в сопоставлении фактов из иных социокультурных реальностей.

4) Постколониальная ментальность. Конфликтогенную нагрузку имеют фрагменты публикаций, касающиеся «демографической конкуренции» между местными и «пришлыми»: «... Что же говорят сейчас в нашей стране нам? Русская нация вырождается, в армии некому служить, пустые социальные ниши занимают мигранты с Кавказа и из Средней Азии, у которых проблем с *размножением* нет.» («Не хочу детей»// «Вечерний Новосибирск». – 30.08.2005)

В течение последних двух лет в газете «Вечерний Новосибирск» происходит снижение числа публикаций, прямо посвященных вопросам миграции. В то же время этнические мигранты косвенным образом «проникают» на страницы газеты – их присутствие стало социокультурной реальностью жизни сибирского города.

Основная причина потери интереса к миграционной тематике со стороны региональной прессы – подъем экономики и возросшая результативность местной политики. Издания в течение последних двух лет нашли точки консенсуса между заказчиками-рекламодателями и читателями: в региональной прессе образовался круг «спонсируемых» тем, в число которых освещение миграционных процессов уже не входит. (Рост интереса к миграционной тематике в 3 квартале 2006 г. произошёл за счёт сентябрьских материалов – местный «отклик» на события в Кондопоге).

Вышеперечисленные факторы работают на рост толерантных настроений «снизу», со стороны читателей региональной прессы. Размещение рекламных, в т.ч. предвыборных материалов, касающихся миграционной тематики – весьма обнадёживающий симптом, указывающий как на

возросшее качество «заказной» журналистики, так и на оформившиеся и легализованные интересы этнических диаспор. Стоит указать также и на рост традиционных форм толерантности, транслируемых через местную прессу.

Население Новосибирска формировалось прежде всего за счет мощных миграционных потоков, недавние предки большинства новосибирцев тоже были «пришлыми». Поэтому и оперативники, освободившие рабов в «высокотехнологичном» Академгородке, и журналист – автор приведенной выше цитаты, соответствуют своему городу в самом главном.

Однако эпизодические публикации, корректно и толерантно информирующие читателя о миграционных процессах, равно как и нерегулярные обращения к традициям сибирского гостеприимства вряд ли способны конкурировать с массивом «кричащих» фактов о правонарушениях мигрантов и «демографической несостоятельности» местных жителей. Отсутствие данных о непосредственной причинно-следственной связи интолерантных публикаций с конфликтами на почве этно/мигрантофобии, равно как и незначительное количество происшествий на почве ксенофобии не должно успокаивать – ведь однажды экономический рост кончится и с ним благодущие обывателя. В этом случае высок риск возвращения на страницы периодики алармистских публикаций о «жёлтой угрозе» и среднеазиатских мигрантах, что украли благополучие.

В этой связи необходимой мерой представляется жесткая редакторская политика, ограничивающая доступ в издание интолерантных и некорректных публикаций; и наоборот, поддержка персоналистских, содержащих большое количество достоверной и актуальной этнокультурной информации материалов, способствующих принятию «разных» людей в локальный социум.

Примечания

Крейндель Б.М. Томская область: националистические и ксенофобские настроения. / Электронный ресурс/ www.mhg.ru/publications/30.09.2006

Федотова Л.В. Социология массовой коммуникации. – Спб.: Питер, 2003. – с. 268.

**НАРОДНЫЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОМЫСЛЫ В СИСТЕМЕ
АДМИНИСТРАТИВНОЙ ПОЛИТИКИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ
И МЕСТНОЙ ВЛАСТИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА
(НА ПРИМЕРЕ АЛТАЯ И ХАКАСИИ)**

Интерес к кустарным промыслам и народному декоративно-прикладному искусству возникает в середине XIX в. Развитие городской культуры и фабричной промышленности ставит вопрос о судьбе, значении крестьянского искусства и мелкой кустарной промышленности, ее роли в истории российской экономики и культуры [Колкотин, 1905].

При Министерстве государственных имуществ был создан Кустарный комитет, направляющий деятельность земских управ по распространению кустарных промыслов. Центром пропаганды художественного ремесла стал открывшийся в 1885 г. в Москве Торгово-промышленный музей кустарных изделий [Шереметьев, 1913].

На Всероссийской художественно-промышленной выставке в Москве в 1882 г. и на Нижегородской всероссийской художественно-промышленной выставке 1896 г. был отмечен успех художественной промышленности. Огромный интерес вызвали российские изделия народного декоративно-прикладного искусства на Всемирной выставке в Париже в 1900.

Рассмотрение кустарных промыслов как части многоукладной экономики России сопровождалось реформационными процессами в художественной жизни. Реакция на противоречия формирующегося технократического общества породила ностальгию по идеализированному единству природы, человека, культуры. Сложилась ситуация, особенностью которой стало внимание к традиционному искусству народов России.

В этот период закладываются основы понимания народного крестьянского искусства, его законов. Утилитарность, сакральность, декоративность, вариативность – эти свойства делали народное искусство чрезвычайно привлекательным для поиска новых форм и смыслов.

Это было особенно актуально для России на рубеже XIX-XX вв.; художественная интеллигенция активно вела поиски национального стиля. В стране стали активно развиваться народные промыслы – Жостово, Палех, Федоскино.

Во время Октябрьской революции и в период гражданской войны положение кустарей, лишенных сырья и заказов, представляло мрачную картину. Но уже в 1919 г. появилось Постановление ВЦИК от 26 апреля 1919 г. «О мерах содействия кустарной промышленности». Промыслы рассматривались составной и важной частью экономики страны. В целом в 1920-х –

начале 1930-х гг. был издан комплекс законодательных и нормативных документов (более 1200), обеспечивающих развитие сферы мелкого производства [Гребениченко, 2000].

Выставка «Русское крестьянское искусство» в Московском Историческом музее в 1921 г. и грандиозный успех советского павильона на Международной выставке декоративного искусства и современной художественной промышленности в Париже в 1925 г. имел не только политическое и художественное значение, но и значительно повысил спрос на изделия кустарей, способствовал развитию производства [Оршанский, 1927].

Методическим центром по работе с мастерами стал Центральный Кустарный музей в Москве. В 1930-е гг. на базе существовавшего Кустарного музея был создан Институт художественной промышленности, в задачи которого входило осуществлять художественное руководство народным рукотворным искусством.

В Сибири в то время поиски местного колорита, создание самобытной художественной культуры стали частью движения за преобразование некогда “дикой и невежественной” окраины России. Идея региональной специфики, в том числе и в области искусства, возникла в конце XIX в. и продолжала волновать сибиряков вплоть до 1930-х гг. XX в.

Созданный в 1930-е гг. Институт народов Севера стал центром изучения и пропаганды культуры и искусства малых народов Севера. Особое внимание советское руководство уделяло отдельным видам искусства Сибири. Так, под опеку Института художественной промышленности в Сибири попали центры художественной обработки кости: Тобольская косторезная мастерская, косторезные промыслы Якутии и Чукотки.

С началом 1930-х гг. и победой советской индустриализации власть изменила свое отношение к мелкому производству; оно пришло в упадок. Усиленная унификация культурной жизни, вмешательство государства в художественную культуру, идеологический прессинг сводили на нет творческие поиски национального художественного своеобразия.

Начало нового этапа в развитии промыслов и ремесел народов России относится к 1960-м гг. К этому времени во всем мире возрос интерес к национально-художественным ценностям, к народному рукотворному искусству. В 1960-е гг. мастера художественных промыслов обращаются к созданию вещей для современного интерьера и костюма. Начинается активное изучение традиционного искусства.

В 1960-1970-е гг. вышло несколько специальных правительственных постановлений: Постановление от 14 августа 1968 г. «О мерах по дальнейшему развитию народных художественных промыслов»; Постановление от 27 февраля 1975 г. «О народных художественных промыслах».

Сотрудники НИИ художественной промышленности с середины 1960-х гг. начали интенсивную работу по выявлению живых очагов народных промыслов в регионах, в том числе и в Сибири. Стали создаваться экспериментальные предприятия по производству художественных наци-

ональных изделий и сувениров. Они были открыты в Красноярске, Иркутске, Магадане, Якутске, Чите, Хабаровске и др. Эти новые предприятия разрабатывали и выпускали изделия на основе местных художественных традиций.

В регионах и республиках центрами координации работы мастеров были Дома творчества, отделы культуры, научно-методические центры народного творчества и культурно-просветительной работы.

В это время выставки народного изобразительного и декоративно-прикладного искусства получили большой общественный резонанс и по количеству зрителей не уступали выставкам профессионального искусства. – время наибольшего внимания республиканской прессы к проблеме восстановления и развития художественного творчества. В изданиях газет 1960 – 1970-х гг. газет «Тувинская правда», «Звезда Алтая», «Хакасия» появляются статьи, пропагандирующие искусство мастеров народных художественных промыслов.

В республиках возникают местные отделения Союза Художников, которые поддерживают престиж отдельных видов народного искусства. Народных умельцев (резчиков по кости и камню, граверов) принимали в Союз художников.

С началом преобразований 1990-х гг. на волне подъема этнического самосознания, возрождения национальной культуры, создались условия для оживления промыслов, ремесел.

Проблеме сохранения, возрождения и развития народных художественных промыслов оказывается все больше внимания правительством России: 7 октября 1994 г. был опубликован «Указ о мерах государственной поддержки народных художественных промыслов», в котором отмечалась их значимость в духовном и нравственном развитии народов страны; 15 января 1999 г. вступил в силу закон «О народных художественных промыслах».

С учетом местных социо-экономических и культурных особенностей разрабатываются региональные программы развития народных художественных промыслов.

В Республике Хакасия одним из первых инициаторов деятельности по возрождению национальных традиций в 1990-е гг. стало Хакасское отделение Российского фонда культуры. В рамках работы республиканского отделения фонда была разработана программа «Сохранения, развития и возрождения хакасских традиционных художественных промыслов и ремесел». Программа включала следующие задачи: ускорение процесса восстановления исчезнувших и развития современных художественных промыслов; усиление роли художественных промыслов и ремесел в социально-экономической и культурной жизни народа: создание системы подготовки мастеров прикладного художественного творчества в профессионально-технических училищах города и образования курсов. Народные промыслы и ремесла признаются национальным достоянием каждого народа, а их произведения – богатством, создаваемым как для современников, так и для будущих поколений.

В 1992 г. постановлением Хакасского отделения Российского фонда культуры совместно с абаканским городским центром по труду и занятости населения создается акционерное общество «Абахай». С 1993 г. предприятие занимается производством изделий народно-прикладного искусства.

На волне активизации интереса к художественным промыслам в середине 1990-х гг. в республике создан Художественно-экспертный совет при Министерстве Культуры и издано Положение о почетном звании «Народный мастер (Чон узы) Республики Хакасия». Программа Развития культуры Республики Хакасия на 1996-2000 гг. одним из приоритетных направлений культурной политики называет сохранение и развитие национальных ремесел.

В настоящее время деятельность по сохранению, развитию и поддержке национальных культур сосредоточена в Центре Культуры и народного творчества им. С.П. Кадышева. В структуре Центра существует отдел декоративно-прикладного и изобразительного искусства. Ежегодно проводятся Республиканские выставки работ самодельных художников и мастеров декоративно-прикладного искусства «Моя Хакасия». Выставки-продажи включены в план организации национальных праздников, фестиваля «Саянское кольцо», «Чир-Чайаан».

Аналогичные процессы происходят в Республике Алтай. Одним из первых законодательных актов Республики Алтай стал закон «Об историко-культурном наследии Республики Алтай», принятый Государственным Собранием – Эл Курултай 26 июня 1994 г. В формулировке закона оговаривается понятие историко-культурного наследия, которое включает помимо природных объектов, памятников археологии, истории, памятники декоративно-прикладного искусства, народных промыслов. Этот закон имеет целью создание правовой базы для регулирования отношений в области выявления, сохранения, реставрации, научного изучения, популяризации и использования объектов, представляющих культурную и духовную ценность.

На основании этого закона в Республике Алтай была предпринята попытка разработать программу возрождения и развития народных промыслов – «Сартакпай», которую не удалось реализовать в полном объеме.

В 2005 г. в Республике Алтай утверждается республиканская целевая программа «Возрождение, сохранение и развитие народных художественных промыслов, традиционных народных ремесел и декоративно-прикладного творчества в Республике Алтай (2005-2010 гг.)». На сегодняшний день состояние народных художественных промыслов и декоративно-прикладного искусства в республике оценивается как критическое, отмечается, что большинство старинных видов народного искусства на грани исчезновения.

При этом подчеркивается, что художественное творчество – это не только прошлое, но и наше будущее, и настоящее, так как изделия народных промыслов – часть общенациональной культуры, воплощающие в себе и древние традиции, и современность.

Ответственность за исполнение программы взяло на себя Государственное учреждение Торгово-выставочный центр народных художественных промыслов Республики Алтай «Энчи». Центр «Энчи» был создан в Республике Алтай еще в 2001 г. Но только с мая 2003 он вошел в структуру республиканской администрации и стал финансироваться Комитетом по туризму. Результатами работы Центра за 3 года стало создание банка данных по традиционным и современным художественным ремеслам; организация мастер-классов, школ, семинаров; рекламно-издательская деятельность; изготовление и продажа сувениров, изделий декоративно-прикладного искусства. Центр «Энчи» активно участвует в культурной жизни Республики Алтай. Выставки-конкурсы декоративно-прикладного искусства включены в программы праздников «Эл-Ойын», «Тюрук-Байрам» и др.

Средства искусства становятся в руках административных органов и общественных организаций инструментом формирования и трансляции национальных смыслов, эстетическим фактором конструирования особенности и уникальности образа этнической группы.

Примечания

Гребениченко С.Ф. Диктатура и промысловая Россия в 1920-е гг. – М.: «Экон», 2000.

Колкотин А. Кустарный вопрос в России. Опыт объективного исследования. – СПб, 1905 г.

Оршанский Л.Г. Художественная и кустарная промышленность СССР. 1917-1927 гг. – Л.: Издание Академии художеств, 1927.

Шереметьев П.С. О русских художественных промыслах. Доклад члена Кустарного Совета Московского губернского земства. М.. 1913.

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В МОДЕРНИЗАЦИИ ПРАЗДНИЧНОЙ КУЛЬТУРЫ МУСУЛЬМАН СИБИРИ

Краеугольным камнем отношений между советской властью и церковью в начале 1920-х гг. была несовместимость большевизма с любой другой, прежде всего религиозной, идеологией. Причина нивелировки религии в жизни общества заключалась в самом принципе диктатуры, исключавшем плюрализм в духовной сфере. [Соскин, 2004. С. 143].

Помимо прочего, изживание религии происходило через трансформацию традиционных этнических праздничных систем. Праздник, будучи сложным культурный социально-психологический механизм, во все времена использовался как один из наиболее эффективных общественных регуляторов, с помощью которого власть осуществляла управление жизнью коллектива или коллективов.

Отказ от старых праздников и введение новых определили основные тенденции в развитии советской нормативной культуры. К разработке новых обрядов в Советском государстве приступили с момента провозглашения нового строя; 24 января (6 февраля) 1918 г. Совнарком принял и опубликовал декрет «О введении в Российской Республике западноевропейского календаря». Этим декретом отменялись те религиозные и старорежимные праздники, которые посвящались православным святым, датам церковного календаря и царствующим особам и вводились новые праздники – памятные дни великих событий революционной борьбы трудящихся России и всего мира. Так было положено начало государственному узаконению празднеств «Красного календаря».

Социалистическая революция провозгласила решительный разрыв с прошлым: «Революция может черпать свою поэзию только из будущего, а не из прошлого. Она не может начать осуществлять свою собственную задачу прежде, чем она не покончит со всяким суеверным почитанием старины» [Мазаев 1978, с 213].

Началось становление совершенно нового типа празднества – массового светского праздника, ориентированного на достижение социального идеала в будущем: «Чтобы выдержать все испытания революционной борьбы, массам необходимы были исключительные духовные стимулы. Традиционные верования и психологические опоры, поддерживающие существование масс в прошлом, пошатнулись еще в годы войны. Другая, более возвышенная вера пришла с революцией в Россию на смену прежней веры в бога, царя и Свя-

ту Русь. Это была идея социальной справедливости, равенства и свободы, внесенная партией большевиков в сознание масс» [Мазаев, 1978, с. 246].

Новая власть стимулировала распад единого и целостного феномена традиционной праздничности, соединяющей прошлое и настоящее, личность и общество, религию, игру и социальную акцентированность, на две противоположные области: с одной стороны – полное огосударствление праздника, превращение его в официально-парадное торжество, с другой – «обытовление» праздника, что означало уход этой формы культуры в интимную сферу исключительно домашнего быта.

Из культуры стал исчезать массовый народный (этнически и религиозно значимый) праздник. Советской власти предстояла сложная задача модернизации национальных традиций. Чрезвычайно остро эта проблема стояла в отношении тех тюркских народов, которые формировались под сильным влиянием ислама.

К началу XX в. национальное самосознание ряда сибирских народов – прежде всего татар – приняло этноконфессиональную окраску. Ислам стал восприниматься как едва ли не главный этнический признак, вследствие чего в начале XX в. этноним «татары» стал отождествляться с понятием «мусульманин» [Шерстова, 1999. С. 373-383]. С целью модернизации традиционных нормативных практик партийные органы ЦК РКП (б) инициировали активную агитационную деятельность среди мусульманского населения Сибири.

В начале 1920-х гг. на постоянную работу в Сибирский регион было направлено значительное количество партийных работников, перед которыми была поставлена задача: обратившись к самосознанию тюрков найти в нем идею, способную послужить платформой для их объединения при нивелировке религиозного фактора. Для осуществления поставленных задач при губернских комитетах был создан отдел национальных меньшинств, включивший в себя татаро-киргизскую секцию.

Развернувшаяся пропаганда была направленная на дискредитацию ислама. Она воплощалась в антирелигиозные кампании, которые были приурочены к постам и праздникам мусульманского календаря. Впервые «Комсомольский Байрам» – месячник «ознакомления членов РКСМ татаро-башкир и не союзной молодежи с сущностью и происхождением религии ислам» был проведен в 1923 г. [ЦХАФ АК, Ф. П-2, Оп.1, Д. 298, л.35].

Все вообще советские празднества противопоставлялись тогда еще очень живым традициям культуры, пронизанной религиозным содержанием. Антирелигиозная агитационная функция в создании новых праздничных норм выступала в качестве главной и определяющей. Антитеза старого и нового как противопоставление религиозности и социалистической идеологии нашла свое отражение в программных документах советской власти, политика которой была направлена на искоренение ислама в среде тюркского населения Сибири.

Так, в «Примерном плане работ по проведению антирелигиозного праздника Комсомол-Гайт», направленном ЦК РКСМ в виде циркуляра

(18/VI 1924г.) в Барнаул Алтайскому Губкому говорилось: «Лозунгами праздника являются в городах и рабочих районах: «Против религиозного дурмана, против суеверий, против духовной школы, за знание, за овладение молодежью наукой, за поднятие ее квалификации, за новый быт». В деревнях: «Против слепой веры, суеверий, за знание, за ликвидацию сельскохозяйственной безграмотности, за грамоту и школу». [ЦХАФ АК, Ф. 9, Оп. 5, Д.50, л.9].

В тезисах к докладу «Антирелигиозная пропаганда» (автор- тов. Батыров), представленных во время Томского губсовещания татработников РКП и РКСМ 1923 г., отмечалось, что «РКП... неуклонно стремится к освобождению трудящихся масс от духовного порабощения – от влияния религий и верований», а также подчеркивалось, что «наши пропагандисты безбожества знанием самой религии должны доказать татаро-башкирским массам бессмысленность, бессодержательность, бесполезность использования в жизни религии». Кроме того, «распространение естествознания среди крестьянства является основной задачей татчленов РКП и РКСМ в деревне», т.к. «ссылка крестьянских масс на божественность («кару за грехи людей») при стихийных бедствиях (засуха, неурожай, градобитие хлеба, появление вредителей и др.) объясняется невежеством и непониманием природных явлений». В общем, «антирелигиозная пропаганда должна вестись под углом распространения естественнонаучных знаний и побуждения к материалистическому взгляду на жизнь и явлений окружающей нас природы». [ЦДНИ ТО, Ф.1, Оп.1, д.1523, л.38].

В 1928г. АПО ЦК ВЛКСМ по регионам России и Сибири была разослана копия директивы ЦК ЛКСМ Узбекистана «Как провести борьбу с религией во время Рузы «Байрама» как пример того, как следует подходить к антирелигиозной работе, исходя из хозяйственных и культурно-бытовых особенностей отдельных народов: «Основными лозунгами для этого периода должны явиться: «На борьбу против религии и духовенства»; «Против религиозных обрядов, против Рузы Байрама»; «Комсомолец не поститься, не носит фитри Рузы, не молиться и призывает к этому своих товарищей»; «За науку, за знания, за радио, электричество, трактор, за книгу, против суеверия, темноты и невежества». [ЦДНИ ТО, Ф. 78, Оп.1, Д. 371, л.16].

В одном из пунктов подготовительной работы по проведению антирелигиозного праздника «Курбан-Байрам» в Барнауле (18/VI 1924г.) рекомендовалось «При возможности, изготовить карикатуры следующего содержания: а) старая школа, рядом с ней мечеть. Из школы выходят к жизни неспособные люди-фанатики. б) Новая школа, рядом с ней клуб, библиотека. Из них выходят жизнеспособные: инженеры, агрономы, педагоги, врачи». [ЦХАФ АК, Ф. 9, Оп. 5, Д.50, л. 10].

Шел процесс построения системы советских праздников, костяк которой составляли революционные праздники: 1 Мая, годовщина Октябрьской социалистической революции, День Красной армии. В 1924г. всем организациям РКСМ и секциям национальных меньшинств было разослано указание по

проведению Первомайского праздника следующего содержания: «1. Праздник мирового пролетариата, праздник борьбы рабочего класса с капитализмом – 1 мая в Сибири, как части СССР, где трудящиеся национальные меньшинства, освободившиеся от национального гнета, проходит под лозунгами, связанными с заветами В.И. Ленина: «Долой национально-религиозные праздники», «Да здравствует интернационал и революционные праздники» и «Объединение трудящихся всего мира под знаменем III Коминтерна»... Классовый принцип объединения трудящихся масс всех народов должен быть противопоставлен национально-клерикальному объединению, сбрасывая маски националистов, стремящихся заглушать классовые противоречивые интересы великих и малых национальностей. 3. Первое мая в этом году совпадает с мусульманским религиозным праздником «Кадер-Кичаси» и накануне Байрама «Рамазан Гайди». Поэтому наряду с освещением возникновения и истории интернационального праздника Первое мая среди таг-киргиз молодежи и вообще трудящихся таг-киргиз, необходимо дать научное объяснение происхождения религиозных праздников и о преследуемых целях всевозможных «священных дней, праздников». Кроме того, было необходимо «вовлечь всю молодежь национальных меньшинств в проведение партий первомайских мероприятий. Национальные группы демонстрантов должны участвовать отдельными колоннами со специально подготовленными плакатами-лозунгами на национальных языках»... такими как: «Трудящаяся молодежь Советского союза надежный отряд Коминтерна и Советской Республики; Трудящаяся молодежь национальных меньшинств идет под знаменем братского единения пролетариев всего мира; В первомайский праздник шлем привет угнетенным братьям Востока; Наше знамя – III Коммунистический Интернационал; Красная молодежь Востока борется за освобождение угнетенных капитализмом трудящихся всех стран за мировой Союз Советских Республик; Красная молодежь Востока борется под знаменем Коминтерна молодежи». [ГАНУ, Фонд п-2, опись 1, дело №357, лл. 117-119].

В первые десятилетия Советской власти изменилась культурная парадигма. В соответствии с задачами построения нового социалистического общества конструировалась праздничная система, в которой отсутствовал элемент национальной традиции. Основным принципом построения новой культуры был объявлен интернационализм. Ставка была сделана на «нового» человека, не связанного с прошлым, устремленного в будущее, лишеного религиозных предрассудков и, по сути, этнических корней.

Примечания

Мазаев А. И. Праздник как социально-художественное явление. М., 1978, с. 246

Соскин В.Л. Российская советская культура (1917-1927 гг.): очерки социальной истории. Новосибирск, 2004.

Шерстова Л.И. Этнополитическая история тюрков Южной Сибири в XVII – XIX веках. Томск, 1999.

ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ВЫБОР ПОВЕДЕНЧЕСКИХ СТРАТЕГИЙ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЙ В НОВОСИБИРСКЕ)

Феномен этнической идентичности чрезвычайно важен в самоопределении личности. Современные процессы миграции и смешения населения превращают процедуру этнической идентификации в сложный личностный выбор, основанный на влиянии целого ряда факторов.

Среди самых существенных факторов, влияющих на формирование этнической идентичности молодого поколения, исследователи выделяют: 1) особенности этнической социализации в семье, школе, ближайшем окружении; 2) особенности этноконтактной среды, прежде всего ее гетерогенность или гомогенность, 3) статусные отношения между этническими группами.

Кроме того, многие отмечают, что этническая идентичность быстрее формируется и четче осознается, если социализация ребенка проходит в полиэтничной среде. Как утверждает М.А. Козлова: «в случае несформированности или недостаточно зрелой психосоциальной идентичности молодых людей их личная и этническая идентичности вступают в своего рода конфликт. Этот конфликт порождается конкуренцией индивидуальных норм, ценностей и установок и тех, что предлагаются этнической группой. Подобный конфликт проявляется в снижении адаптационных способностей личности: повышенной ситуативной и личностной тревожности, негативном самоотношении, низкой самооценке своего социального статуса и неудовлетворенности своим местом в жизни» [Козлова М.А., 2004, с. 172].

Все вышесказанное делает актуальным изучение всех аспектов, связанных с формированием и развитием этнической идентичности городской молодежи, в том числе молодежи г. Новосибирска. Новосибирск представляет собой один из поликультурных центров исторически сложившихся на территории современной России. Согласно результатам последней переписи населения, здесь проживают представители более ста национальностей [Национальный состав..., 2005, с. 4]. В связи с этим нами было проведено исследование с целью типирования этнической идентичности и выбором поведенческих стратегий молодыми людьми в процессе межэтнического взаимодействия в условиях поликультурного пространства сибирского города.

Всего в ходе опроса нами было охвачено 862 человека: из них более 80% считают себя русскими, 1,2% опрошенных отнесли себя к татарам, по 0,6% указали свою этническую принадлежность как казахи, немцы и ук-

раинцы, по 0,5% набрали армяне и тувинцы. При этом 2,4% ответили, что являются метисами. Важно отметить, что достаточно высокими оказались показатели, свидетельствующие о несформированности этнической идентичности: 6,2% респондентов ответили – «не знаю», или поставили прочерк, 3,5% затрудняются определить свою этническую принадлежность и 1,6% назвали себя «космополиты». Хотелось бы отметить, что в реальности человек имеет больше вариантов выбора, чем полная идентификация с одной из этнических общностей. Индивид может идентифицировать себя с двумя (а иногда и более) релевантными группами. Такую идентичность могут иметь не только выходцы из смешанных браков, но и люди, живущие в полиэтничном обществе [Стефаненко Т.Г., 1999, с. 229].

Характер чувств испытываемых по отношению к собственной группе и их изменение отражают динамику образа группы с точки зрения привлекательности – непривлекательности и влияют на их взаимоотношения с другими группами. Используя методические разработки «Этническая аффилиация» и тест Г.У. Солдатовой «Типы этнической идентичности», учитывая уровень потребности и выраженности этноаффилиативных тенденций у представителей обследуемых этнических групп мы фиксировали, насколько у них выражена позитивность этнической идентичности. У 39,2% опрошенных зафиксирована высокая потребность в этнической принадлежности, у 51,6% – низкая потребность и 9,2% составляют те, кто на данный момент затрудняются и не могут определить насколько значима для них идентификация со своей этнической группой. Полученные данные позволили выявить наличие определенного этноцентризма и чувства гордости за свой народ, чаще всего позитивные эмоции отмечали буряты – 50%, русские – 39,3%, татары – 37,5%, алтайцы – 33,3%. В то же время у определенной части представителей русского этноса – 9,9% просматриваются процессы этнической дезинтеграции и формирования у отдельных его представителей чувства стыда за свой народ. Последнее, подтверждают и результаты второй методики, направленной на выявление типов этнической идентичности молодых горожан.

Предложенные исследователями классификации позволяют определить основные тенденции взаимодействия и поведенческие стратегии современной молодежи в полиэтничной среде, формирующиеся в зависимости типа этнической идентичности [Солдатова Г.У., 1995; Дробижина Л.М., 1994; Науменко Л.И., 1994; Рыжова С.В., 1995]. В рамках этих моделей рассматриваются семь типов этнической идентичности: нормальная идентичность (М.А. Козлова) или позитивная этническая идентичность (Г.У.Солдатова); этноцентрическая идентичность; этнодоминирующая идентичность; этнический фанатизм; этническая индифферентность; этнонигилизм; амбивалентная идентичность.

Согласно полученным нами результатам, для 9,9% респондентов характерен амбивалентный или невыраженный тип, проявляющийся в отсутствии четкой выраженности черт, присущих какому-либо типу этнической

идентичности. Такая идентичность иногда может проявляться как «сдвоенная» или даже «строенная» и наиболее распространена в смешанной среде. У подавляющего большинства наших респондентов выражена позитивность этнической идентичности – 69,3%, при чем эта тенденция наблюдается у представителей практически всех опрашиваемых нами этнических групп, что свидетельствует о формировании у них положительных автостереотипов, об их миграционной мобильности, коммунибельности, адаптивности к жизни в полиэтничной среде и высоком уровне толерантности.

Для изучения этноситуации существующей в городе немаловажное значение имеют показатели силы этничности, отклоняющиеся от нормы со знаком «плюс» и «минус». Так, этноцентризм, акцентуированный на значимости этничности, как проявление идентичности присущ 7,0% молодежи всего массива. При таком типе идентичности присутствуют элементы направленного (на тот или иной вид контактов), но не агрессивно-го этноизоляционизма, замкнутости.

В эмоциональной сфере формирование этноцентрической идентичности сопровождается формированием чувства страха, беспокойства, напряженности. Этнофанатизм, представляющий крайнюю форму этноцентризма агрессивной идентичности, при которой абсолютное доминирование этнических интересов и целей, часто ложно, иррационально понимаемых, сопровождается готовностью идти во имя них на любые жертвы и действия наблюдается у 2,8% респондентов, при этом следует отметить, что наиболее высок этот показатель у тувинцев – 25% и татар – 6,3% для сравнения у русских данный показатель составляет лишь 2,8%, т.е. совпадает с общим показателем. Интересными для понимания процессов являются сведения о стремлении этносов к самоизоляции. Анализ полученных нами результатов показывает, что данный процесс просматривается лишь у 6,3% татар и 3,9% русских, общий показатель достигает – 2,9% от числа опрошенных.

Показатель равнодушие и негативного отношения продемонстрировали, соответственно 6,7% и 1,5% молодежи, проживающей в Новосибирске. В свою очередь, необходимо отметить, что если для первых характерна тенденция предполагающая равнодушное отношение к проблемам этничности, этнических ценностей, интересов и этнических отношений. На их поведение никак не влияют не их собственная этническая принадлежность, ни этничность других, то у вторых наблюдается отрицание этничности и этнокультурных ценностей, в декларировании свободы от всего, связанного с этническим феноменом, в демонстрации себя как «человека мира». При этом важно подчеркнуть, что, такое поведение может являться следствием «этноущемленной идентичности». Обычно она возникает в связи с осознанием низкого статуса своей этнической группы, признанием ее ущербности в сравнении с другими или полную утрату таковой, что в последнее десятилетие связано с общей этнополитической ситуацией в стране.

Утрата или вытеснение такого важного для личности аспекта психо-социальной идентичности как этническая идентичность приводит к весьма печальным для личности итогам. С одной стороны, «Я – концепция» становится фрагментарной, теряет свою целостность, с другой – потеря связей с древней и устойчивой социальной группой – этнической – лишает человека поддержки, оставляя чувство покинутости, неприкаянности, одиночества [Высочил А.А., 2005, с. 105.]. Отсюда – избегание демонстрации своей этнической принадлежности и вообще отрицание всякой этничности. Чаще всего негативные эмоции отмечали и демонстрировали представители молодежи, которые затруднялись в определении или не указали своей этнической принадлежности – 7,6%.

Исходя из вышеперечисленных позиций и полученных результатов, можно прийти к выводам о том, что этническая идентичность современной молодежи имеет крайне противоречивый и незавершенный характер. Исследователи отмечают возможность относительно независимого существования идентификации со своей и чужой этническим группами. Сильная идентификация со своей группой в сочетании с неприятием иных этнических культур связана с тенденцией к сепаратизму; идентификация только с чужой группой ведет к ассимиляции, вплоть до полного растворения в чужой группе; отсутствие четко выраженной идентификации с обеими группами приводит к маргинализации личности; а сильная идентификация с обеими группами свидетельствует о тенденции к интеграции и бикультурализму [Высочил А.А., 2005, с. 100]. В полиэтничном обществе, по мнению большинства, наиболее благоприятна для человека биэтническая идентичность, так как она «позволяет органично сочетать разные ракурсы восприятия мира, овладевать богатствами еще одной культуры без ущерба для ценностей собственной» [Стефаненко Т.Г., 1999, с. 232]. Во всех обследованных нами этнических группах преобладает позитивная этническая идентичность, не отклоняющаяся от пределов нормы. Это может свидетельствовать об отсутствии гипертрофированной этнической идентичности, а вместе с ней и о благоприятном фоне межэтнического взаимодействия в данном городе.

Примечания

Высочил А.А. Этническая идентичность и межэтническое взаимодействие в Северной Башкирии: Дис. канд. ист. наук. – М., 2005.

Дробижева Л.М. Национализм, этническое самосознание и конфликты в трансформирующемся обществе // Национальное самосознание и национализм в Российской Федерации начала 1990-х годов, М., 1994. С. 16-47.

Козлова М.А. Взаимосвязь этнической идентичности, толерантности и личностной зрелости: Дис. канд. ист. наук. – М., 2004.

Науменко Л.И. Исследование представлений об этнической идентификации белорусов, русских и представителей других национальностей в Беларуси // Вос-

точная Европа: политический и социокультурный выбор. Мат-лы междунар. научно-практ. конф. Минск, 1994. С.119-121.

Национальный состав населения Новосибирской области (по данным Всероссийской переписи населения 2002 года) Стат. сб. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Новосибирской области. – Новосибирск, 2005.

Рыжова С.В. Некоторые аспекты национального самосознания русских в республиках Российской Федерации (по материалам эмпирического исследования) // Суверенитет и этническое самосознание: идеология практик. М., 1995. С. 267-281.

Солдатова Г.У. Психологический потенциал сдерживания межэтнической напряженности в республиках России // Суверенитет и этническое самосознание: идеология практик. М., 1995. С. 282-299.

Стефаненко Т.Г. Социальная психология этнической идентичности. Автореф. дис. док. псих. наук. М., 1999.

СИМВОЛИЗАЦИЯ РОДОВОГО ДВИЖЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ (КОНЕЦ XX–НАЧАЛО XXI ВЕКА)

Третьего июля 1991 г. Горно-Алтайская автономная область была преобразована в Горно-Алтайскую Республику в составе Российской Федерации, а в мае 1992 г. переименована в Республику Алтай. Республика Алтай, как субъект Российской Федерации имеет свою Конституцию, принятую 7 июня 1997 г., государственные символы – флаг и герб.

Население Республики Алтай по переписи 2002 г. составило 202947 человек; численность алтайцев – 30,6 % от общего числа проживающих в республике [Национальный состав населения, 2005. С. 16-17]. Утверждение этнических ценностей, прежде всего титульного населения республики, в государственной символике, в административных структурах, в системе образования, в культуре и идеологии определило особенности этнополитического и этнокультурного развития региона.

В Республике Алтай с начала 1990-х гг. наблюдается рост этнического самосознания коренного населения. Одним из свидетельств этого процесса стало появление на политической арене национальных общественных движений. Среди национальных объединений можно выделить три главных направления.

Первая группа организаций представляет интересы коренного тюркоязычного сообщества региона. Крупнейшей организацией среди них является общество «Эне Тил», чьи интересы связаны с развитием алтайского языка и культуры, совершенствованием форм межнационального общения. Поиск моделей будущего был ориентирован на актуализацию прошлого, на ценности традиционного образа жизни. Эти положения были зафиксированы в «Концепции национальных школ Республики Алтай» (1993 г.) и в Законе «Об историко-культурном наследии народов Республики Алтай» (1994 г.).

Развитием идей национального возрождения в дальнейшем стала общественная организация «Курултай алтайского народа», учредительный съезд которого состоялся 7 октября 1997 г. в с. Онгудай и проходил под девизом: «Один помысел – одна судьба». По замыслу организаторов, предполагалось придать «Курултаю» – характер организации, представляющей весь алтайский этнос. Организация имеет своё правление – Тцс Торго, члены которого избираются из числа Зайсанов. Последние являются избранными главами родов алтайцев. Во главе Тцс Торго находится Эл Башчы (Глава народа).

Наряду с организациями, представляющими интересы титульного этноса в общественно-политическом движении РА, входят структуры, отстаивающими интересы алтайских субэтносов. Вопреки стремлению символической элиты представить алтайцев как единый народ с единым языком, культурой и верой, в конце XX в. в его составе выделялись субэтносы, разделенные на две основные группы: северную и южную.

Актуализация этничности на постсоветском пространстве повлекла за собой центробежные процессы в Горном Алтае. В 1990 г. была создана Ассоциация малочисленных коренных народов Горного Алтая, куда вошли представители кумандинцев, чалканцев, тубаларов, телеутов и теленгитов. Основные положения программы Ассоциации – возрождение культурно-экологического климата этносов через создание национальных школ, прекращение уничтожения природных ресурсов в районах расселения малых народов. [Панорама культурной жизни регионов России в сети Интернет. Республика Алтай. 2002. С. 14]

Третьим идейным направлением, представленным на этнополитической арене Республики Алтай, являются родовые организации. В контексте современных этнополитических процессов на Алтае, в иерархии этнического самосознания титульного этноса вновь акцентируется знание родовой принадлежности. Возвращение к героическому прошлому и традиционным социальным институтам является, в оценках научных и творческих кругов республики, гарантией успешного развития алтайского народа и данного региона. В постперестроечное время на Алтае идет активное возрождение родовых структур.

Легитимизация традиционных потестарных структур начинается одновременно с распадом унитарной системы. Летом 1989 г. впервые на Алтае в одном из урочищ Онгудайского района по инициативе старейшин проводится праздник рода (сеока) майман. На родовом сборе майманы выработали также программу Совета сеока, в которой значились такие направления как, помощь престарелым и немощным, воспитание молодежи в народных традициях нравственности, помощь правоохранительным органам, защита природы [Кузьмин Ю. 1990. С. 4]

Вслед за ним собирают свои съезды сеоки мундус, кыпчак, толос, ирkit, тодош, сагал. В рамках движения, ставшего формой восстановления генеалогической и исторической памяти этноса и его самоорганизации в духе неотрадиционализма, возникли и были официально зарегистрированы ассоциации «Толостар» и «Мундустар» и «Отток сеока майман». Наряду с этим, уже в 1990-е гг. некоторые сеоки даже реорганизовались в общественные объединения или «партии рода». В числе подобных можно назвать «Керил-Берлик» и «Тодош». [Октябрьская И.В. 1997. С. 52]

Общественная «реабилитация» сохранивших свое значение в жизни алтайцев родовых структур в 1990-е гг. стала попыткой преодоления социального кризиса. С точки зрения символической элиты родовые структуры

выступали фактором стабильности, способным противостоять деструктивным тенденциям общества. Институт рода стал рассматриваться как возможная альтернативная форма центральной власти.

В рамках процесса политизации родовых структур произошло восстановление зайсаната. Титул зайсана, объединяющий престиж родового патрона и административно-фискальные функции восходит на Алтае к эпохе Джунгарского владычества. В 1991 г. общественной организацией «Эне Тил» высказывалось мнение о необходимости законодательного укрепления прав зайсанов в обсуждаемом проекте Конституции Горно-Алтайской Республики. На страницах республиканской газеты «Алтандын Чолмоны» бурно дискутировалась роль зайсанов в общественно-политической жизни республики, ставился вопрос об их количестве и о характере представительства.

С 1992 г. зайсаны начинают действовать организованно. В 1992 г. состоялось собрание зайсанов и представителей общественных объединений, на котором наряду с вопросом о координации деятельности зайсанов, они высказывались и по вопросам проведения земельной реформы в регионе, об иммигрантах, движении казачества в республике [Кыдыева В.Я. 2006. С. 115.]

Количество зайсанов с каждым годом увеличивалось, некоторые зайсаны избирались на второй срок, на смену одним приходили другие. В 1993 г. была создана общественная организация «Торгоо зайсанов Алтая», целью которой является единение родов Алтая и воссоздание института родовых общин. Активизация родового движения и рост авторитета зайсанов нового поколения привел к тому, что повсюду на Алтае стали создаваться локальные советы родовых старшин.

Во главе современного родового движения Республики Алтай стоит ага-зайсан (Верховный зайсан) алтайского народа А.К. Бардин. По идее А.К. Бардина задачей зайсанов является просвещение народа, возрождение его культуры, быта, верований, для чего необходимо «поднять нравственность алтайского народа, приобщая будущее поколение к истории». В русле своей политики ага-зайсан активно участвует в культурной жизни Республики Алтай.

Тема древности, глубоких исторических корней активно разрабатывается ага-зайсаном и зайсанами республики. Апеллируя к прошлому алтайского народа, этническая элита Республики Алтай определила число мест в Тос Торгоо зайсанов Алтая. В периодической печати постоянно проводятся параллели между двенадцатью зайсанами современности и двенадцатью зайсанами, подписавшими с Елизаветой договор о вхождении алтайского народа в состав Российского государства.

Так, на Эл Ойыне, посвященном 250-летию вхождения Алтая в состав России, проходившем летом 2006 г. в с. Ело, тема великого героического прошлого времен первых зайсанов была ведущей. Торжественная церемония открытия начиналась с театрализованного представления на тему доб-

ровольного присоединения. Главными героями постановки были 12 зайсанов, которых, в том числе, представляли зайсаны современных алтайских родов. Зайсаны также участвовали в параде районов, юрты с коновязями ага-зайсана и зайсанов родов составляли центральную архитектурную композицию праздника. Таким образом, символически обозначенная предметность современной и исторической родовой элиты Алтая призвана легитимизировать институт зайсанства в глазах населения и повысить его общественно-политический статус.

Наряду с актуализацией института рода и зайсаната, идет их символическое оформление. Во второй половине 1990-х гг. лидерами «национального возрождения» Республики Алтай предлагается целая система маркеров, представляющая род (сеок): тамга, священное животное, птица рода. Специально для Эл Ойына – государственного праздника Республики Алтай – были разработаны вымпелы, наглядно представляющие систему родовых символов. На одной стороне вымпелов была представлена мифическая птица Кан–Кереде (пазырыкский грифон), а также символы 16 алтайских родов. Мифическая птица, в интерпретации творческих кругов Республики Алтай, ныне выступает символом ага-зайсана.

Почетный статус Верховного зайсана обозначает образ орлиноголового грифа, найденного в 1930-е гг. известным российским археологом С.И. Руденко во II Башадарском кургане (V в. до н.э.), и принадлежащего пазырыкской культуре. Фигура мифического существа представляет собой изображение орла с расправленными и опущенными крыльями и головой повернутой в сторону.

Знак ага-зайсана обрамлен тамгами и священными животными алтайских родов. Согласно легенде, предлагаемой на каждом родовом вымпеле: тамга – это знак родовой собственности, который использовался для клеймения скота, а также являлся оберегом рода, защитой от порчи, сглаза, несчастья; священное животное, птица – это покровители рода, мифические предки, защитники, символические обереги род, тотемы.

На другой стороне вымпела приводится набор символов каждого конкретного рода – дается его название, тамга и называется священное животное на алтайском и русском языках. Изображение тамги и животного сопровождается преданием, отсылающим читателей во времена мифических предков, или к древней истории алтайцев. Все символы, представляющие родовую структуру выполнены в скифском зверином стиле. Эти современные символы органично вписываются в построения на тему древности происхождения аборигенных этносов Южной Сибири, а также особенного вклада их предков в общемировую культуру. Авторы данных разработок пытаются апеллировать к архаике, но в действительности их творчество является полной новацией.

Эмблемы, символически оформившие родовое движение, получили свое дальнейшее развитие на юбилейном празднике Эл Ойыне 2006 г. Символы родов – тамги – использовались активистами национального

движения для представления делегации своего района на торжественном открытии церемонии; во время театрального действия знамена алтайских родов были водружены рядом с Государственным Флагом Российской Федерации и Государственным Флагом Республики Алтай.

Актуализация рода и его маркеров может рассматриваться как форма самоорганизации алтайского этноса. В настоящее время родовые институты для коренного тюркоязычного населения республики являются первичным уровнем идентификации и сохраняют свою актуальность в организации семейно-родственных отношений. При этом, популяризация родовых институтов, выведение их в сферу общественной жизни коренного титульного населения Республики Алтай, постоянное тиражирование символического оформления рода, одновременно рассматривается символической элитой как способ консолидации населения и нейтрализации субэтнических различий.

При этом в своих идеологических построениях творческие и научные круги Алтая ориентируются на традиционализм, институт рода и архаичную пантеистическое мировоззрение. Популярным становится обращение к мифологизированному прошлому, в котором современная Республика Алтай пытается найти ответы на вопросы настоящего. Транслируемые в массовое сознание подобные концепции оказывают мощное мобилизующее воздействие на этническое сообщество.

Примечания

Кузьмин Ю. И чист, и свят родник. // Звезда Алтая . 20 июля 1990. С. 4.

Кыдыева В.Я. Институт зайсанства у алтайцев. // Алтай-Россия: через века в будущее. Т. I. Материалы всероссийской научно-практической конференции, посвящено 250-летию вхождения алтайского народа в состав Российского государства. Горно-Алтайск, РИО Горно-алтайского госуниверситета. 2006. С. 213-116.

Национальный состав населения. Итоги всероссийской переписи населения 2002 года. Официальное издание: Стат. Сборник Алтайстат Т. 2. г. Горно-Алтайск, 2005. 122 с.

Октябрьская И.В. Тюрки Алтая: проблемы межнационального сообщества. // Народы Сибири: права и возможности. Новосибирск: Издательство ИАЭТ СО РАН. С. 48-60.

Панорама культурной жизни регионов России в сети Интернет. Республика Алтай. М., 2002. 89 с. // <http://orel3.rsl.ru/regions/15.pdf>. 21.08.2006

СВЯЩЕННЫЕ МАНУСКРИПТЫ: К ИЗУЧЕНИЮ КУЛЬТА СВЯТЫХ В СИБИРСКОМ ИСЛАМЕ*

Пожалуй, наиболее интересным и интригующим элементом культа святых в сибирском исламе (прежде всего, в мусульманских общинах тоболо-иртышских татар) является функционирование священных рукописей (*сэцэра* тюркск. от араб. «шэджэрэ» – родословная), излагающих предания об исламизации Сибири. Сэцэра обладали глубоким сакральным статусом, были включены в религиозную обрядность и культовую практику и, чаще всего, хранились у зрителей (*астана-караулче/караулче, астана-курайте*) за *астаной* – культовым памятником, почитаемым как место захоронения святых подвижников, первых исламских миссионеров в Сибири.

Первыми и притом весьма пристрастными критиками таких сочинений выступили деятели Русской православной церкви XVIII в. Научное изучение этих сочинений началось значительно позже: в середине XIX – начале XX вв. Наибольшую известность и значение как для историков, так и для верующих приобрели публикация и перевод двух татарских текстов, выполненные Н.Ф. Катановым в 1903 – 1904 гг. под общим заглавием «О религиозных войнах шейха Багауддина против инородцев Западной Сибири» [Катанов Н.Ф., 1904; Ср.: Белич И.В., 2005а., С. 153 – 171; 2005б. С. 33 – 36]. Согласно опубликованным Н.Ф. Катановым рукописям в 797 году Хиджры (1394 – 1395 г.) на берега Иртыша пришли 366 конных шейхов и выступивший с ними в союзе хан Шейбан с 1700 отборными воинами и учинили там «великое сражение за веру» с жившими по берегам Иртыша «язычниками» – народами Хотан, Кара-Кыпчак, Ногай и народом остяцким. Вероятно прототипом хана Шейбана следует считать основателя Шибанидского государства в Средней Азии (Мавераннахре) (с 1500 г.) Мухаммеда (Абу-л-Фатха, Шайбек-хана) Шейбани. Последний, впрочем, жил и царствовал совершенно в другую эпоху и никогда не был в Сибири. Однако предание в этой своей части содержит зерно исторической истины. Судя по всему, исламизация Сибири действительно наиболее активно протекала в век правления династии Шибанидов (т.е. в 16 в.), олицетворенной в предании в образе ее знаменитого основателя Шейбани-хана.

* Данная работа выполнена при поддержке грантов Фонда содействия отечественной науке и РГНФ № 04-01-00384а.

Прибывшие в Сибирь мусульманские миссионеры считались учениками и последователями Ходжи Баха-ад-дина Накшбанда (1318-1389), заложившего организационные основы суфийского ордена [*тариката*], названного по его прозвищу Накшбандией. Большинство проповедников и воинов пали в этой религиозной войне и были с почетом похоронены своими сторонниками на специальных священных кладбищах. Едва ли не важнейшей частью текстов был перечень 30 мавзолеев с указанием их мест и имен захороненных там подвижников. Полевые исследования уже давно установили соответствие сведений, содержащихся в этих текстах с современным этнографическим материалом, что, фактически, документирует существование живой традиции почитания исламских подвижников верующими Сибири, несмотря на все известные трансформации религиозного сознания, имевшие место в России в XX в.

Проведенный казанскими археографами в 1977 г. просмотр текстов показал, что, во-первых, существуют варианты опубликованных Н.Ф. Катановым материалов, один из которых хранится архиве Санкт-Петербургского филиала Института Востоковедения РАН и носит условное название «Тарих», т.е. «История»; и, во-вторых, что сочинения подобного рода были распространены среди татар Сибири довольно широко [Усманов М.А., Шайхиев Р.А., 1979].

В частности, широкую известность получили предания, записанные в двух разных, но очень близких между собой по содержанию, вариантах. Первый вариант был зафиксирован в XIX в. выдающимся тюркологом В.В. Радловым в деревне Саургачи (ныне – Усть-Ишимский район Омской области), а переведен на русский язык и опубликован Н.Ф. Катановым [Радлов В.В., 1872. С. 212 – 215; Катанов Н.Ф., 1897. С. 51 – 61]. Второй вариант был опубликован в 1905 г. востоковедом Ризой Фахретдином, а затем без изменений воспроизведен в книге Хади Аталаси «История Сибири» [Аталаси h.M., 1992. Б. 75 – 78; Атласов Х.М., 2005. С. 52 – 54]. Название этих документов «Шаджара рисалясе» исследователи предлагают перевести как «Генеалогическое древо саидов Сибирского ханства» или «Родословная сеидов» [Исхаков Д.М., 2005. С. 84 – 85; Яхин Ф.З., 2005. С. 191 – 197]. Согласно этим текстам, в 980 г. Хиджры (1572 г. н.э.) хан Кучум обратился с просьбой оказать содействие в распространении ислама в Сибири непосредственно к бухарскому хану Абдулле (Абд-Ал-Лах/Убайдаллах-хан II), одному из потомков Шейбани-хана. В Искер – ставку Кучум-хана – были посланы два образованных знатока ислама из Ургенча – Ширбати/Шарбати-шейх и Йарым-Саид. Последний по истечении двух лет умер, в то время как Шарбати-шейх вернулся в Ургенч. В ответ на повторное обращение Кучума, этот Шарбати-шейх вместе с братом покойного Йарым-Саида шейхом Дин'али вновь согласились прибыть в Сибирь. Правда предварительно, миссионеры обратились к хану Абдулле с просьбой выделить военное сопровождение ввиду опасностей, которые могут встретиться в пути. Такой военный конвой из сотни воинов был выделен. Командовал этим формированием брат Кучума Ахмед-Гирей.

Что же касается рукописи «Тарих», то труд по ее изучению взял на себя американский историк Эллен Франк. По его данным, в целом текст данного документа совпадает с содержанием катановских рукописей, однако есть одно существенное отличие. В «Тарих» появляется образ легендарного Тайбуги – основателя сибирской династии Тайбугидов. Согласно этому варианту, шейхи не просто вели войну за распространение ислама в Сибири, но и выселили всех неверных за пределы региона. В результате, в течение 9 или 10 лет он был незаселен, пока хан Бухары Мираваль-шах не послал своего сына Тайбугу-Бия заселить Сибирь и установить там ислам [Frank A., 1994. P. 7, 12, 19].

Примечательно, что уже с довольно раннего времени мусульманская историография включает сибирские материалы в общий контекст развития ислама среди татар и башкир Российской Империи. Так в каталоге могил святых подвижников, приложенному к рукописи «*Тарих Нама-йи Булгар*» (Книга Булгарской истории), которая была составлена в 1805 г. муллою Тадж ад-Дином Ялчигуль-оглы (Таджетдином Ялсыгуловым), среди прочих перечислена и святая гробница Ак Ходжи в Тобольске (вероятно имеется в виду Искер). Весьма важно, что в этом же источнике употребляется термин *астана* (*āstāna*) для обозначения священной могилы суфийского шейха [Frank A.J., 1998. P. 2, 117, 118].

Чрезвычайно интересный текст был отпечатан с татарской рукописи «*Кыссэ-и Хубби-ходжа* (повествование о Хубби-ходже)» в типолитографии Казанского университета в 1899 году. В брошюре содержатся мифологические рассказы об известных суфийских персонажах Хубби-ходже, Сулеймане Бақыргани (Хаким-ата), Амбар-ана, Зенги-ата. Кроме прочего, в книжке рассказывается вкратце о старце Ходже Багау'д-дине, жившем в Бухаре во время хана Абу'ль-Лейса, в XIII веке, о 366 человеках, пришедших в Башкирию для проповедования ислама, о 500-х человеках, пришедших с той же целью в столицу Кучума Изгер (Искер, Кашлык), и о местах Азии, где есть какие-либо святые (перечислены лишь деревни). Очевидно, что этот текст содержит приблизительно ту же канву событий, что и разбираемые сибирско-татарские рукописи [Катанов Н.Ф., 2004. С. 147]. Подобные предания широко используются исследователями для изучения истории исламизации Сибири.

Символично, что последнее по времени открытие рукописей было сделано двумя разными группами исследователей в один и тот же 2004 год, т.е. ровно через 100 лет после публикаций Н.Ф. Катанова. Первый из этих документов, выявленный и зафиксированный сотрудником Тюменского областного краеведческого музея Р.Х. Рахимовым и сотрудницей Института гуманитарных исследований Тюменского университета Г.И. Зиннатулиной был переведен на русский язык и опубликован под названием «Грамота хранителя Юрумской Астаны». Список был сделан в 1846 г. и состоит из трех текстов. Особый интерес вызывает текст № 2, излагающий цепь духовной преемственности (*силсила*) суфийских шейхов. Здесь

же приводится краткое описание некоторых суфийских ритуалов почитания памяти шейхов, в частности обряд «зажигание лучинки» [Ислам в истории и культуре... 2004. С. 41 – 43; Рахимов Р.Х., 2005. С. 118 – 120; 2006. С. 12 – 21; Сагидуллин М.А., 2005.С. 123 – 124]. К сожалению, существенно затрудняют работу с текстом слабая атрибуция «Грамоты...» (неясно где, кем и в какой социокультурной среде был создан памятник; квалификация переводчика), а также значительные лакуны, обусловленные, видимо, неполной сохранностью документа.

В том же 2004 году экспедицией Омского филиала ОИИФФ СО РАН (Сейчас Омский филиал института археологии и этнографии СО РАН) в составе А.Г. Селезнева (руководитель экспедиции), И.В. Белича, В.В. Воеводина и других был зафиксирован и отснят новый документ очень хорошей сохранности, представляющий собой рукописный бумажный свиток, намотанный на деревянный цилиндрический стержень. Свиток называется «сээра» (родословная), и принадлежит мулле деревни Большой Карагай Вагайского района Тюменской области Батинову Рахматулле Хасановичу. Большой Карагай – крупный религиозный центр, здесь была старая мечеть, и сюда притягивалась жизнь религиозной общины как с соседних, так и довольно отдаленных деревень.

Текст Карагайской рукописи был изучен и переведен на русский язык профессором Ф.З. Яхиным. Как и все предыдущие рукописи, он был выполнен на татарском языке (сибирско-татарские диалекты) арабской графикой, почерком насх в стиле 18 века. Текст был составлен Гайнутдином муллой Хилкат Йарканди, называвшим себя также «хасса-гайн», т.е. «уважаемым господином» (или «господином смотрителем»). Содержание документа аналогично содержанию рукописей Катанова. В первой части описаны события древней религиозной войны шейхов против язычников на Иртыше, во второй – приводится перечень 30 мавзолеев с именами захороненных подвижников. Разумеется, подобные тексты не представляют собой нечто особенное и широко представлены в различных регионах исламского мира.

В предыдущих публикациях, опираясь на заключения специалистов, мы подчеркивали наличие теснейшей связи содержания рассматриваемых сочинений с народной фольклорно-легендарной традицией [Селезнев А.Г., Селезнева И.А., 2003. С. 42; 2004. С. 14]. Вновь полученные и опубликованные материалы не дают оснований для отказа от этого вывода. Укажем на два момента.

Во-первых, устойчиво повторяющийся и в фольклоре и во всех письменных источниках мотив *количества* прибывших в Сибирь миссионеров ислама – их число составляет 366, иногда 365 человек. Данный мотив широко распространен в исламском мире. Его истоки восходят к суфийской традиции святости, к сформировавшейся в суфизме иерархии святых как ступени благочестивой жизни [Белич И.В., 2005б. С. 35 – 36].

И в рукописных текстах, и в фольклоре присутствуют мифологические персонажи, среди которых особое место принадлежит образу Занги-

ата. Этот образ, выступающий, чаще всего в виде покровителя крупного рогатого скота чрезвычайно широко распространен в верованиях и культе народного ислама. В той же ипостаси Занге-ата / Занге-баба (Санге-баба, Занге-бобо) присутствует в религиозных воззрениях и фольклоре татар Сибири. Хорошо известен исторический прототип данного персонажа. Это суфийский шейх Занги-ата, ученик суфия Сулеймана Бакиргани (Хаким-ата), который в свою очередь был учеником знаменитого Ходжи Ахмеда Ясеви, основателя суфийского ордена Ясевия. [Селезнев А.Г., Селезнева И.А., 2003. С. 45 – 50]. олагаем, что взгляд на рукописи религиозного содержания как на этнографический источник имеет исследовательскую перспективу. Ибо «... оригинальные тексты на восточных языках остаются важным подспорьем в работе этнолога. Они позволяют понять «границы» исламской религиозности, не говоря о том, что многие такие тексты представляют запись проповедей и местных преданий» [Бобровников В.О., 2006. С. 4 – 5].

Примечания

Атласи н.М. Себер тарихы // Атласи н.М. Себер тарихы. Соен-бике. Казан ханлыгы. Казан: Татар. кит. нәшр., 1992.

Атласов Х.М. История Сибири / Пер. с татар. яз. А.И. Бадюгиной.– Казань: Татар. кн. изд-во, 2005.

Белич И.В. О религиозных войнах учеников шейха Багауддина против инородцев Западной Сибири (к 100-летию публикации Н.Ф. Катановым рукописей Тобольского музея) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень, 2005а. № 6.

Белич И.В. О 366 «друзьях Аллаха» // VIII Сулеймановские чтения. Тюмень, 2005б.

Бобровников В.О. Этнография ислама на Кавказе // Этнографич. обозрен. 2006. №2.

Ислам в истории и культуре Тюменского края. Тюмень: ИПЦ «Экспресс», 2004.

Исхаков Д.М. Неисследованные аспекты истории Сибирского ханства конца XV – XVI веков // VIII Сулеймановские чтения. Тюмень, 2005.

Катанов Н.Ф. Предания тобольских татар о прибытии в 1572 г. мухаммеданских проповедников в г. Искер // Ежегодник Тобольского губернского музея. 1897. Вып. 7.

Катанов Н.Ф. О религиозных войнах учеников шейха Багауддина против инородцев Западной Сибири (по рукописям Тобольского губернского музея). – Казань, 1904.

Катанов Н.Ф. Восточная библиография. Казань: Иман, 2004.

Радлов В.В. Образцы народной литературы тюркских племен. Ч. 4. Наречия барабинцев, тарских, тобольских и тюменских татар. СПб., 1872.

Рахимов Р.Х. О начале исламизации Сибири в новом источнике // VIII Сулеймановские чтения. Тюмень, 2005.

Сагидуллин М.А. Этнотопонимия «Грамоты хранителя Юрумской Астаны» // VIII Сулеймановские чтения. Тюмень, 2005.

Селезнев А.Г., Селезнева И.А. Занге-ата и Хазыр-Ильяс: исторические и этнические аспекты распространения ислама в Сибири // Этнографическое обозрение. 2003. № 6.

Селезнев А.Г., Селезнева И.А. Культ святых в сибирском исламе // Народы и культуры Сибири: изучение, музеефикация, преподавание. Омск: ОмГУ, 2005.

Усманов М.А., Шайхиев Р.А. Образцы татарских народно-краеведческих сочинений по истории Западной и Южной Сибири // Сибирская археография и источниковедение. Новосибирск: Наука, 1979.

Яхин Ф.З. Отражение истории древнего Тобольска в «Генеалогическом древе саидов Сибирского ханства» // VIII Сулеймановские чтения. Тюмень, 2005. С. 191 – 197.

Frank A. The Siberian Chronicles and the Taybughid Biys of Sibir'. Bloomington: Univ. Press, 1994.

Frank A.J. Islamic Historiography and 'Bulghar' Identity among the Tatars and Bashkirs of Russia. Leiden, Boston, Koln: Brill, 1998.

ХРИСТИАНСКАЯ СИМВОЛИКА В РУКОДЕЛИИ КРЕСТЬЯНОК ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА)*

Орнамент русской вышивки во множестве ее региональных вариантов привлекает внимание исследователей более столетия. Как известно, множество узоров сводится к сравнительно узкому кругу образов и композиций. Еще в конце XIX в. В.В. Стасов в нескольких строках сумел определить глубинное содержание орнаментальных памятников, в которых «ярко обозначились и художественные вкусы, и религиозные представления, и весь наивный взгляд фантазии, комбинирующих соображений, остроумный расчет, прилаживания и ловкого сплочения разнообразных составных частей» [Стасов, 1894, с. 187]. Подчеркивая мысль о связи орнамента с дохристианскими верованиями славян, земледельческим культом, поклонением женскому божеству, исследователи, практически, не обращали внимание на узоры с христианской символикой. Вместе с тем, этот пласт народного искусства не менее значителен, чем так называемый «языческий», включает массу символических деталей, выявляет строгую закономерность иконографии мотивов. По убедительному мнению М.М. Громыко, религиозное сознание русских крестьян пронизывало всю традиционную культуру [Православие в народной жизни, 2000, с 5].

Одним из направлений работы Приобского восточнославянского этнографического отряда в 2006 г. стали изыскания по теме «Христианская символика в русской традиционной культуре». Символика христианских святынь рассматривается на примере женского традиционного рукоделия, связанных своим бытованием с крестьянской семьей. Вышитые и вытканые полотенца готовились для домашних иконостасов, для исполнения внутрисемейных обрядов, в качестве подарков к главным христианским праздникам. Шкафы, на которых ставили иконы, покрывались узорно вышитыми или узорно вязаными «приколотками» (А.В. Денисюк, д. Верх-Красноярка Северного р-на НСО). Иконы покрывались вышитыми полотенцами, в их числе специально сшитыми (у украинцев «Божьи штанами»). Приведем воспоминания жительницы Барабинской степи М.А. Кривожды: «Полотенца на иконах раньше все время висели. И длинные-длинные такие! Божьи штаны. Холстом вышивали его. Белое оно. Заполочь же был, а теперь же нету, вышивать чем. Заполочь ой-ой-ой был,

* Исследование выполнено при поддержке РГНФ, грант № 04 – 01 – 00337.

наберешь, наберешь, а сейчас никакого черта. Набирали и красным, и синим, и зеленым и всяким. Полотенца вешали на родительский день. После Пасхи, на Родительской, на могилки ходили, вот и все. Это в понэдилик» (д. Кукарка Карасукского р-на НСО). Большинство наших информаторов утверждали, что иконы «голыми никогда не висели», все время покрывались полотенцами (Е.И. Школрупина, пос. Маслянино НСО). Однако среди старообрядчества встречались высказывания о помещении полотенец только в поминальные, так называемые Родительские, дни, в другое время полотенца отсутствовали.

Вышитые изделия воспринимались как святыни, передаваемые из поколения в поколение, благодаря чему их еще сегодня можно увидеть в сибирских семьях. В домах обычно устанавливается один святой «красный угол», в некоторых помещениях их два и более, то есть в каждой из комнат. Например, в доме (хате) белоруски Л.И. Дребянцева установлено два «иконных угла» (д. Надеждинка Северного р-на НСО).

Основными орнаментальными мотивами на типологически ранних полотенцах можно назвать геометризированные изображения крестов, храмов, птиц, растений, нередко представляющих синкретические композиции. Согласно правилу VII Вселенского Собора, изображение креста «полагати на всех Божиих церквах, на освященных сосудах и одеждах, на стенах и на досках, в домах и на путях...» [Крест – хранитель всея вселенныя..., с. 3]. Изображения крестов разных форм можно наблюдать на орнаментах рукоделий сибиряков-старожилов, старообрядцев, российских переселенцев конца XIX – начала XX в., по большей части, выходцев с Украины.

Для чего вышивали кресты на полотенцах и приколотках? Возможно, что подобные образы выполняли функцию оберега. На вышитых изделиях всех этнокультурных групп Западной Сибири изображался четырехконечный крест, который, по преданию, чудесным образом был явлен Св. царю Константину и его войску. Эта форма креста считается архаичной: в катакомбах и на многих древних памятниках она встречается несравненно чаще, чем какие-либо другие [Крест – хранитель всея вселенныя..., 2005, с. 3; Хрушкова, 2002, с. 199].

Среди многообразия вышивок популярны изображения крестов-«трилистников», которые обычно используются в церковной практике в качестве напрестольных. Концы в данном случае состоят из трех полукруглых листочков, иногда с шишечкой на каждом из них. Возможно, что образ такого креста, исходящего из вазона или какого-то растения был в прошлом связан с символикой плодородия, но в изучаемый период христианская основа стала очевидной (рис. 1). Иконография вышивки трилистника возможно была взята из сферы российской геральдики: такие кресты входили в гербы Тифлисской губернии, г. Чернигова и т.д. [Как выбрать нательный крест, с. 18]. В сибирских полотенцах эта форма креста выполнялась в технике белой перевити, крестика, у украинских переселенцев – крестика и счетной глади.

Рис. 1. Полотенце в технике белой перевити с вышитыми христианскими символами. Северная Бараба, здесь и далее фото автора.

В среде старообрядчества кресты вышивались в технике цветной перевити, выполнялись техникой браного ткачества. Здесь чаще прочих встречается крест «гамматический» (свастика), состоящий из греческой буквы гаммы. Известно, что эту форму креста изображали первые христиане в катакомбах. На Руси такой крест был известен издавна: на церковных предметах домонгольского периода, на мозаиках собора Святой Софии киевской и пр. Своеобразная форма гамматических крестов встречалась и у сибирских украинцев. Так, у информатора А.В. Денисюк на иконе Св. Георгия висит полотенце с вышитой «посолонь» свастикой, концы которой «проросли» цветами и елочками [Фурсова, Васеха, 2005, с. 33].

Как показывают материалы, украинские полотенца выделялись тем, что здесь чаще встречались вышивки крестов и святых. Так на полотенце из с. Язово Тальменского р-на Алтайского кр., приготовленного, видимо, в конце XIX в., на иконы переселенкой из Украины Маримьяной Николаевной Тагильцевой (1905 г.р.), в орнаментальную композицию были включены изображения трех храмов с крестами на куполах, вышитых красными нитками, между которыми помещены два дерева.

Тканое полотенце из Северной Барабы изготовлено в смешенной украинско-белорусской среде и включает композицию из двух птиц с воздетыми вверх крыльями и тремя крестами (головами?) в центре. Между этими фигурами помещен рисунок, напоминающий дерево. Над птицами и деревом помещены квадраты, от которых исходят вверх лучи, что показывает связь изображений с солярной символикой; сверху и внизу располагаются геометрические фигуры – квадраты, треугольники, ромбы. Полотенце включает, несомненно, архаичный орнамент, соединяющий в себе храм-птицу с многообразной солярной символической [Фурсова, Васеха, 2005, илл. 9].

В Маслянинском краеведческом музее хранится сходное полотенце, в котором в верхнем ярусе изображена птица с крыльями и двумя головами-крестами. В срединной части композиции – растение по общим очертаниям напоминающим трехглавый храм. Еще ниже ярусом – две птицы, повторяющие известных двуглавых орлов с герба Российской империи. Верхняя и нижняя части заполнены геометрическими фигурами.

Украинские мастерицы издавна создавали орнитоморфные композиции – в виде сросшихся головами птиц, двуглавых орлов. Вопросы генезиса и символики образа двуглавого орла в славяно-русской народной вышивке представляются спорными: по мнению одних исследователей, этот мотив имеет древние корни, связанные с образом «огня небесного» [Дурасов, 1980, с. 98], по мнению других, изображение двуглавого орла пришло в вышивку сравнительно поздно, в XVII – XVIII вв., а особенно широко распространилось в конце XVIII – начале XIX вв. [Амброз, 1966, с. 61-76; Маслова, 1978, с. 70]. Для нашего исследования важен процесс замены в свадебных и иконных полотенцах орнитоморфных архаичных изображений – двуглавыми рисунками с герба Российской империи; в Сибирь этот сюжет был принесен российскими переселенцами, а более всего, украинцами.

Рис. 2. Полотенце с вышитым образом Св. Георгия.

Следующий тип вышивок с христианской тематикой – это изображения святых, прежде всего, «Св. Георгия Победоносца». На полотенце из Карасукского р-а изображен именно этот святой, о чем свидетельствует подпись – «Григорий Победоносец» (рис. 2). Над головой святого изображен храм, а под копытами вздыбленного коня повергнутый «змей» с весьма добродушным лицом.

По отношению к иконам и иконным полотенцам выполнялись разного рода обеты. В доме жительницы М.В. Нечипиренко из д. Останинка Северного р-на хранится икона с изображением Егория Победоносца, которую во время Великой Отечественной войны взял обет (по местному выражению «обрекся») выписать ее отец при возвращении домой живым. По возвращению Василий

Аникеевич Нечипоренко выполнил данный обет как по письму, так и по вышивке образа Св. Георгия (М.В. Ничипоренко, д. Останинка Северного р-на НСО).

Еще один тип вышивок – композиции растительного, орнитоморфного характера с вышитыми подписями – отрывками молитв, поздравлений с праздниками и пр. В Чистоозерном р-не нам встретилось полотенце, по всей видимости, вышитое ко дню Святой Пасхи, о чем свидетельствует сделанная крестом надпись «Христос Воскресе». Ниже этого приветствия изображена «божественная лоза» – рисунок винограда с листьями. Выше надписи вышиты буквы «Н», «С», «А», которые вписаны в цветочные венки с трезубыми коронами над ними. Вероятно, полотенце было приготовлено кому-либо из родственников в качестве подарка ко дню Великого праздника, или на семейный иконостас.

В Новокузнецком краеведческом музее хранится полотенце с изображением лебедей и надписью: «ХВАЛИТЕ ИМЯ» («Хвалите имя Господне»). На полотенце из Новосибирского государственного художественного музея композицию из коней, пав и вазонов с цветами заканчивает подпись «РАДУЙСЯ НЕВЕСТА НИНЕВ ИОБРАДОВАНАЯ ГОСПОДС» (рис. 3). Эти слова скопированы из псалма Богородице, которые звучат как «Радуйся Невесто Невестная, обрадованная Мария, Господь с тобою».

Рис. 3. Полотенце, вышитое крестом, Новокузнецкий краеведческий музей.

Исследование христианской символики в вышивке показало ее разное значение у восточных славян Сибири. Христианские воззрения по-разному претворялись в иконографии вышивок русских и украинских крестьянок. Храмы, разные формы крестов у первых соединялись с изображениями деревьев, дев, коней и т.д., у вторых – с венками и букетами. Наличие христианской символики в семейных святынях, и ритуальном женском рукоделии свидетельствует о глубоком проникновении религии в традиционную культуру.

Примечания

Амброз А.К. О символике русской крестьянской вышивке архаического типа. – СА. – 1966. – № 1. – С. 61 – 75.

Дурасов Г.П. Попытка интерпретации значения некоторых образов русской народной вышивки архаического типа//Советская этнография. – 1980. – № 6. – С. 87 – 98.

Как выбрать нательный крест. – М.: Ковчег, 2003. – 48 с.

Крест – хранитель всея вселенная... Памятники христианского искусства X – XX веков в России. – М.: Penates – Пенаты, 2005. – 20 с.

Маслова Г.С. Орнамент русской народной вышивки. – М.: Наука, 1978.

Православие в народной жизни. Программа сбора полевого этнографического материала. – М., 2000.

Стасов В.В. Русский народный орнамент // Стасов В.В. Собр. соч. – СПб., 1894. – Т. 1. – С. 185 – 223.

Фурсова Е.Ф., Васеха Л.И. Очерки традиционной культуры украинских переселенцев Сибири XIX – первой трети XX века (по материалам Новосибирской области). – Новосибирск: Изд-во Агро-Сибирь, 2005.

Хрушкова Л.Г. Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья. (IV – VII века). – М.: Наука, 2002. – 500 с.

СУДЬБА В ТРАДИЦИОННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ АГИНСКИХ БУРЯТ

С древнейших времен тайна судьбы для человека остается непостижимой загадкой. В мифологии различных народов развито представление о судьбе как о непознаваемой силе, действием которой обусловлены как отдельные события, так и вся жизнь человека (в более широком смысле – социального коллектива).

В традиционном миропонимании агинских бурят судьба воспринимается как сверхъестественная сила, предопределяющая все происходящее в жизни человека. По архаичным воззрениям агинских бурят, судьбы людей были подвластны небесному божеству, демиургу – *Заяаша/Заяан*. Он считается покровителем детей (*ури хуугэдэй заяаша*), домашних животных (*малай заяаша*) и огня очага (*галай заяаша*) (ПМА- здесь и далее полевые материалы автора). С именем Заяаша у агинских бурят связано много метафор, в частности, характеризующих неудачу в делах: «*Заяашань буруу хараа*» /«Заяаша от него отвернулся», «*Заяаниин доройтоо*»/«судьба отвернулась». К *Заяану* всегда обращались при сильном испуге, страхе, например, и в настоящее время среди агинских стариков бытует выражение: «*Заяан халхалаг*»!/«Да убережет заяан!» (ПМА).

В мировоззрении верующих-буддистов покровителем судьбы считается Бурхан (Бог). Он олицетворяет собой высшую силу, решающую участь всех смертных, – *бурхан бухы мэдэхэ*/ «бог все знает», *бухы юмэн бурханай мэдэлдэ*/ «все в ведении Бога». Люди, отмаливая свои грехи, прося о спасении и защите от несчастий, всегда обращаются к богу, что отражено в выражении: «*Бурхан зайлуул!*»/ «убереги, избавь!» (ПМА). Необходимо заметить, что в народных представлениях, понятие «Бог» идентично понятию «Будда», хотя буддийская философия не признает персонифицированной идеи Бога, как творящей и оказывающей воздействие на жизнь человека силы.

Прямое отношение к судьбе у агинских бурят имеют *сахюусаны* – хранители буддийской веры, покровительствующие различным сферам жизнедеятельности человека. Во многих семьях принято чтить тех хранителей, которым поклонялись их предки. В буддийских дацанах регулярно проводятся молебны (*хуралы*) в честь сахюусанов. Люди, веря в возможность приобретения благополучия в жизни посредством их расположения, «стараясь не пропускать их» (ПМА).

По традиционным воззрениям агинских бурят, каждый человек с рождения наделяется своей долей (*хуби*) свыше, поэтому, известие о появлении нового человека всегда воспринималось с радостью. Он никогда не считался как обуза, о чем гласит поговорка: «*Хуугэд орын хубитаяаа, эдлэхэ зооритэээ дэлхэй дээрэ ерэнэ*» (ребенок всегда приходит на этот свет со своей долей/ притягивает свою долю, удачу). Всё, что полагалось человеку иметь в жизни: имущество, скот, дети – соответствовало доле, данной свыше. Представления о «доле» у агинских бурят связаны с верой в «меру» обладания материальными благами «*эдлэхэ саба*». Она была у всех разной, и влияла на продолжительность жизни человека. Исходя из этого, нужно было бережно пользоваться всем тем, что дано.

В прошлом, по мнению стариков, люди, чтобы прожить дольше, старались вещи часто не обновлять. Как рассказывают информаторы, иногда, в случае внезапной кончины людей в расцвете сил, ламы-астрологи, устанавливая причину смерти, истолковывали их уход тем, что «исчерпав» свою долю, они приблизили свою смерть. Об этом говорится в легенде: «Давным-давно, богатая семья выдавала свою дочь замуж, и для свадебного пира было «забито» большое количество голов скота для угощения гостей. Вследствие чего, невеста, накануне отъезда к жениху умерла. На суде Эрлик-хана, девушке сказали, что ей была отведена долгая жизнь, но из-за того, что было перебито много скота в честь её свадьбы, жизнь её прервалась. В итоге, девушка обратно возвратилась на землю с тем условием, что она будет совершать только благие деяния, не будет наживать богатства, и не будет причинять страдания живым существам (ПМА).

Люди старшего поколения строго запрещали молодым обольщаться чрезмерной удачливостью. Полагали, если сильно везёт в чем-либо, например, на охоте – необходимо вовремя остановиться и взять у природы только необходимое для поддержания жизни. В противном случае, забирая больше, можно было взять раньше срока всё то, что было предназначено целому роду вплоть до последующих поколений. По свидетельству информатора, в одной семье, из-за того, что отец, занимаясь охотой, истребил много животных, неудачно сложилась жизнь детей (ПМА).

Агинские буряты верят в предопределенность рождения человека на белом свете, считая, что все, что должно произойти в жизни человека – предначертано свыше с самого момента зачатия. По мнению информаторов, предопределенность называется *табисуур*, она тождественна буддийскому понятию кармы.* В народе верили, что предначертанность судьбы не смогут изменить даже сами Будды. Как выразился один из информаторов: «*Бурхан багша табисуурай урда би орожо шадахуяйб гэ-һэн юм*» («Будда сказал, что он не властен над предопределенностью»). Неблаговидную участь, возможно, было смягчить совершением благих

* Карма – причинно-следственная связь, вызываемая мыслями и действиями человека.

деяний и поступков, например, состраданием, в том числе путём оказания помощи страдающим и бедным людям (ПМА).

В буддийской традиции, исходя из закона кармы, плоды всех деяний прошлой жизни любого существа программируют его последующую жизнь. Исходя из этой предначертанности, ещё задолго до рождения, душе, находящейся в промежуточном состоянии высшие силы в лице суда Эрлик-хана определяют участь ее будущего перерождения. Возможность перерождения в человеческом облике в благополучной и неблагополучной социальной среде напрямую зависит от совершенных сансарным* существом поступков в прошлой жизни.

В миропонимании агинских бурят встречаются взгляды о необратимости результатов любых действий человека (*уйлын ури*). Существует вера в кару за грехи предков, выпадающей на долю потомков. Успехам в жизни, по народным воззрениям, содействует добродетель родителей, что формирует ответственность прародителей за будущее детей и внуков (ПМА).

Несмотря на убеждение в предопределенность всех событий в жизни человека, буряты сохраняют веру в возможность позитивного воздействия на судьбу с помощью всевозможных магических приемов. Перед началом любого важного события агинские буряты обращаются к ламам или шаманам, чтобы те, путем совершения обрядов и ритуалов предупредили неудачу, и обеспечили успех.

В мировоззрении агинских бурят большое значение отводится благопожеланиям, оказывающим влияние на судьбу человека. Наибольшей силой, по традиционным воззрениям, обладали благопожелания, произнесенные родителями (*эхэ эсэгын урэл*) и людьми старшего поколения, в частности, четырьмя стариками (*дурбэн убгэдэй юроол*). Они защищали от воздействия злых духов, в определенной степени, даже от сил самого Эрлик-хана.

В записанной нами легенде рассказывается о том, что в давнее время Эрлик отправил своих слуг за душой одной девушки. А ей в то время исполнилось всего 16 лет, и её собирались выдать замуж. По обычаю, перед свадьбой, она с подругами объезжала всех своих родственников. Все, кого они посетили, в том числе и старики, произнесли *юроолы*, пожелали ей долгой и счастливой жизни. Из-за силы произнесенных четырьмя стариками благословений, темные силы не смогли забрать душу девушки, и вместо нее взяли душу старого человека, и вернулись с ней к своему хозяину (ПМА).

* Сансара (санскр. бхавачакра – колесо бытия, круг сансары, колесо перерождений) – одна из ведущих концепций буддийской модели мироздания. Любое живое существо с его чувствами, желаниями и продиктованными ими поступками замкнуто внутри «колеса жизни», где его ожидает бесконечная цепь перерождений [Мялль, 1992, С.222]

Вполне возможно, что в этой легенде обнаруживаются реликты культа предков, согласно которому, сила предков выполняет охранительную функцию для потомков. В наши дни, следы культа предков сохранились в форме шаманского обряда «*угаа хундэлэлгэ*» (дань уважения предкам). Считается, что проведение этого обряда помогает многим людям избавиться от проблем со здоровьем, в личной жизни и в профессиональной сфере.

С понятием судьбы тесно связано воззрение о благодати (*хэшиэг*), являющейся основой счастья. Обладание *хэшиэг* в отличие от телесной души (*хунэнэн*) и *сулдэ*, которыми был наделен с момента рождения каждый, приписывалось не всем. Под *хэшиэг* подразумевалось воздействие, оказываемое богами, духами, некоторыми людьми и сакральными объектами. Связь богатства, удачи, здоровья и жизненных сил воспринимается людьми как благодать, данная свыше; как благосклонность Бога, как счастливая судьба.

Благодатыю и удачей (*аза талан*) можно обладать с рождения, или же добиться этого своими силами, о чем говорится в поговорке: «*Эрьехэ наран – мандаха турэ*» – «Повернет солнце и в нашу сторону – настанет пир и у нас» (в русс. «И на нашей улице будет праздник»). В народе бытовала вера в благодать, удачу, пришедшую из ниоткуда – *мухар талаан*. Часто при внезапной удаче говорят: «*Муу юумэнэй мухар талан болобо*» – «Горемыке решила улыбнуться удача».

Воззрения о судьбе у агинских бурят включают в себя как добуддийские, так и буддийские представления о предопределенности жизни человека. Понятия жизнь и судьба взаимосвязаны. Человек наделялся судьбой с момента рождения. Буряты верили в возможность благотворного воздействия на свою жизнь сил божеств, духов предков, а также благопожеланий. Посредством совершения религиозных обрядов и ритуалов, всевозможных способов предугадывания и обеспечивалось благополучие в жизни человека.

МИГРАЦИЯ И МИГРАЦИОННОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО В СИБИРСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ*

В последние десятилетие миграция является одним из важных факторов в развитии этносоциальных процессов в Сибири.

Так как ряд регионов СФО стали каналами нелегальной миграции, источником нелегального трудового использования мигрантов и незаконной коммерческой деятельности, со всеми сопутствующими криминальными издержками, представляется необходимым создание в рамках СФО координирующей структуры по борьбе с незаконной миграцией, с включением в нее представителей ФСБ, МВД, ФПС, ФМС. Задачей подобных «миграционных» отделов станет выявление и ликвидация каналов незаконной миграции, пресечение нелегального трудового использования и незаконной коммерческой и криминальной деятельности мигрантов на территории Сибирского федерального округа, выявление миграционных потоков и разработка мероприятий по управлению ими. На данный момент, Федеральная миграционная служба РФ (ФМС) обладает надзорными, контрольными, но не регулирующими функциями и не способна управлять и координировать развитие миграционной ситуацией.

Следует учитывать необходимость сочетания ограничительных и запретительных механизмов миграционного контроля с методами легализации и адаптации мигрантов в российское социальное и культурное пространство в интересах российского общества и государства.

В любом случае миграция должна иметь легальный характер, иначе будет решена только проблема экономического развития, но не легального и легитимного заселения пустующих территорий России. Это позволяет говорить о необходимости дифференциации этнических миграций на территории РФ. Регионы Севера, Сибири и Дальнего Востока нуждаются в первую очередь в мигрантах, желающих приехать на постоянное место жительства с преимущественным расселением в сельской местности. Регионы Центральной и Южной России вполне способны обойтись временными трудовыми мигрантами. Воплощение данного принципа позволит сочетать различные требования современности, одни из которых обязывают государство заниматься регуляцией миграционных процессов и защи-

* Исследование проведено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 04-03-00520 (а).

той интересов местного населения, а другие – учитывать нормы международного права и демократические принципы по отношению к этническим мигрантам и национальным меньшинствам.

Обзор законодательства в сфере регулирования миграции позволяет назвать наиболее важные проблемы в этой сфере. Во-первых, в настоящее время отсутствует нормативное определение термина «мигрант». Во-вторых, регламентация прав мигрантов страдает фрагментарностью; неэффективный характер имеет концепция миграционной политики в стране. В-третьих, в законодательстве нет системного подхода к регулированию миграционных процессов. Между тем, оно должно быть комплексным и, соответственно, должно включать нормы не только конституционного, но и административного, административно-процессуального, трудового, семейного, жилищного права [Андриченко Л.В., Елеоновский В.О., Хабриева Т.Я. 2003]. Наконец, в законодательстве фактически отсутствует признание и правовое регулирование этнического компонента миграционных процессов.

В области обеспечения контроля над миграционными процессами в Сибирском федеральном округе первоочередными мерами являются: разработка и создание единой системы иммиграционного и миграционного контроля на территории СФО; создание единой политико-правовой базы по миграционному законодательству и иным нормативно-правовым актам в отношении мигрантов регионов СФО; усиление взаимодействия законодательных и исполнительных органов регионов СФО; совершенствование федерального миграционного законодательства с учетом интересов регионов СФО; координация деятельности федеральных государственных органов, осуществляющих иммиграционный контроль на территории РФ с региональными; активизация договорного процесса субъектов РФ в рамках СФО по созданию единого миграционного пространства.

Долгосрочная программа регулирования миграционных (этнических по своей форме) потоков должна быть увязана с концепцией национальной политики России. Учет и регулирование этнического компонента миграционных процессов должно основываться на долгосрочных проектах.

В последнее время намечается тенденция к упорядочиванию нормативной базы регионов, регулирующей положение мигрантов, а также приведению ее в соответствие с федеральным законодательством. Однако этот процесс характеризуется внутренними противоречиями, которые объясняются сложной многонациональной структурой российских регионов и потенциальной возможностью эскалации межнациональных конфликтов.

В настоящее время реализация миграционной политики в РФ жестко детерминирована геополитическими и стратегическими факторами. Это предопределяет политику государства в отношении мигрантов. Она должна учитывать интересы не только этнических мигрантов, но и защиту прав местного населения. Поэтому ограничиться только «созданием условий для реализации их (мигрантов) прав на развитие этнических культур,

изучение родного языка и его использование, а в местах компактного проживания – на создание земляческих, культурных, национальных и других организаций, союзов и обществ» для предотвращения национальной напряженности, по всей видимости, не удастся [Ладодо И.В. 1999]. Только политическая и правовая координация миграционных процессов на уровне федеральных округов (в нашем случае СФО) способна разрешить накопившиеся противоречия.

На данный момент мы можем однозначно утверждать, что миграционная политика России, и соответственно, миграционное законодательство, еще далека от совершенства. Концепция российского миграционного законодательства, (как стратегия) в прямом смысле этого слова, не сформулирована политической элитой и не обозначена политически и законодательно. Следствием, как явствует из проведенного анализа, стала противоречивость и непоследовательность реализации миграционного законодательства, которое на данный момент решает только текущие вопросы миграционной политики, отвечая на тактические вызовы момента. Миграционная же стратегия на долгосрочную перспективу, особенно по вопросам, практическое разрешение которых требует предварительного концептуального решения, продолжает находиться в плену политической конъюнктуры, завязанной на этноконфессиональных предрассудках и условностях.

В итоге правовое регулирование миграционного законодательства, несмотря на ряд принятых в последнее время мер, продолжает акцентировать свое внимание на ужесточении российского миграционного пространства, подменяя регуляцию миграционных процессов в интересах государства, ужесточением, принятием правоограничительных мер в отношении мигрантов, не учитывая всех последствий подобного подхода для страны. Следствием является рост правового (юридического) бесправия мигрантов перед государством и работодателем, что в свою очередь вызывает криминализацию мигрантов, как таковых, и повышает заинтересованность криминальных групп, в т.ч. этнических, в сохранении сложившейся ситуации. Это влечет рост нелегального сектора экономики, формирование анклавных диаспор, рост социальной, политической и экономической дифференциации между мигрантами и местным населением, усиление этнической и конфессиональной напряженности.

Примечания

Андриченко Л.В., Елеоновский В.О., Хабриева Т.Я. О концепции развития миграционного законодательства Российской Федерации // Журнал российского права. 2003. № 4. С.5.

Ладодо И.В. Миграция. Политическая энциклопедия. Т.1. М., 1999. С.705.

УКРАИНСКИЕ МИГРАНТЫ В СИБИРИ В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Проблема российско-украинских межгосударственных миграционных взаимодействий является одной из самых актуальных в постсоветском пространстве.

Обострение социальных и экономических проблем в крупных регионах Украины провоцирует миграционную подвижность населения. Результаты социологических опросов, проведенных Институтом социологии НАН Украины в режиме мониторинга в 1999-2001 гг., свидетельствуют, что подавляющее большинство украинцев, работавших в разное время за границей, уезжали на заработки преимущественно в Российскую Федерацию: это подтверждают 59,0% респондентов (или шестеро из каждых десяти). Россия является привлекательной для трудовых мигрантов с Украины в силу территориальной и культурной близости и растущего спроса на рабочую силу.

Имеющаяся информация о перемещениях граждан Украины часто противоречива. Согласно данным Федеральной пограничной службы РФ, в Россию прибывает на постоянное место жительства 2-3 тысячи граждан Украины, в то время как поездки с различными целями совершают несколько миллионов человек.

Российско-украинские миграции уникальны по объемам и активности. Хотя по сравнению с началом 1990-х гг. миграционные потоки существенно сократились, Украина прочно играет роль донора, а Россия – реципиента. Только с Украиной (и Белоруссией) Россия осуществляет взаимный обмен населением, в то время как связи с другими странами СНГ имеют односторонний характер и направлены в Россию.

Изменение структуры современных миграций происходит на фоне изменения демографической ситуации и на Украине, и в России. За период 1992-2005 гг. постоянное население России сократилось на 5,2 млн. чел., а население Украины на 3,7 млн. чел. Если для России в целом миграция компенсирует часть естественной убыли населения, то для Украины она усиливает эффект депопуляции. Примечательно, что выбывших с Украины в Россию в полтора раза больше, чем прибывших из России в Украину. Значительное число иностранных граждан – выходцев из стран СНГ, в том числе и из Украины, привлекается на работу в сибирские регионы.

На российско-украинские миграционные связи влияет целый комплекс факторов: система жизнеобеспечения, возможности продуктивной занятости, уровень зарплаток и качество жизни, исторически сложившееся размещение населения. Украинцы давно и прочно интегрированы в российское сообщество. Мигранты последней волны активно взаимодействуют в Сибири с потомками украинцев-мигрантов первых поколений.

В составе народонаселения Сибири и Дальнего Востока в настоящее время более чем на 80 % преобладают русские. Доля украинцев в регионе хотя и снизилась, но до сих пор остается высокой. Во многих регионах Сибири украинцы являются вторым по численности этносом, составляя около 2%. Как и прежде в современной Сибири украинское население наиболее заметно в районах, где эффективно разрабатываются месторождения природных ресурсов, – это нефтегазодобывающие округа Тюменского севера, золотодобывающие Магаданская область и Чукотка и тд.

Значительная доля и высокая социальная активность представителей украинского этноса в политэтническом сообществе Сибири формирует необходимость изучения позиций этого народа в сфере межэтнического диалога, в том числе и на уровне профессионального взаимодействия.

По данным этносоциологического опроса, проведенного на Украине в начале 2000-х гг., каждый второй среди опрошенных граждан Украины, чтобы заработать хорошие деньги, готов был работать с утра до позднего вечера, не жалея своих сил и времени (52,6%); они возьмутся за любую работу, лишь бы им хорошо платили (48,0%); наконец, они выедут в любую другую страну, где можно будет заработать больше денег, чем дома (47,0%) [Прибыткова И.М., 2003, с.36].

Материальное благосостояние украинцами ценится высоко, но не имеет абсолютного приоритета. Иметь интересную работу для среднестатистического гражданина Украины – важно и очень важно. Особенно высоко оценивают возможность иметь интересную работу украинцы, уже прошедшие через опыт зарубежной трудовой миграции: 69,2% из них утверждают, что такая работа для них очень важна, а еще 22,5% – что скорее важна. Среди них очень редко встречаются люди (3,9%), которым безразлично, какую работу, интересную или нет, они выполняют [Прибыткова И.М., 2003, с.35].

Украинцы из числа производителей и работников сферы обслуживания внутри страны не столь разборчивы. Среди них чаще встречаются утверждения, что совсем не важно, либо скорее не важно, какую работу они выполняют (соответственно 4,4% и 3,4%). А почти каждый десятый (9,2%) затруднился ответить, важна или нет для него лично интересная работа. Тем не менее, подавляющее большинство работников на украинском рынке труда считают очень важным для себя лично иметь интересную работу (58,6%). [Прибыткова И.М., 2003, с.35]

Здесь же, как отмечают украинские исследователи, гражданам Украины хотелось бы иметь не только интересную, соответствующую их требованиям и ожиданиям работу, но они желают работать с полной отдачей, а такая возможность предоставляется не всегда. Отмечают, что подобное служебное рвение проявляют практически в равной степени и трудовые мигранты, и фигуранты отечественного рынка труда [Прибыткова И.М., 2003, с.35]. Однако, данные, полученные в ходе опросов среди трудовых мигрантов, подтвердили, что, работая за рубежом, украинцы часто выполняют тяжелую, неквалифицированную работу, их рабочий день ненормирован, бытовые условия плохие, социальные и правовые гарантии отсутствуют [Прибыткова И.М., 2003, с.63].

Украинские мигранты отличаются очень высоким уровнем адаптации. При этом, исследователи отмечают, что трудовые мигранты чаще других граждан Украины высказывают мнение о готовности многим пожертвовать в погоне за прибылью. Оценивая изменение нравственных ценностей украинского общества в связи с миграцией, украинские исследователи высказывают озабоченность: «все наши сограждане – и трудовые мигранты, и те, кто за рубежом не работал – одинаково часто считают, что золотой телец может заставить большинство наших людей пойти на что угодно. Такого мнения придерживаются многие – четверо из каждых десяти участников опроса» [Прибыткова И.М., 2003, с.36-37].

Сами же трудовые мигранты, согласно украинским источникам, позиционируют себя следующим образом: мы научились жить в новых общественных условиях (28,2% против 15,9%); нам вполне хватает уверенности в своих силах (40,0% против 30,6%), инициативы и самостоятельности в решении жизненных проблем (42,0% против 30,8%), решительности в достижении поставленных целей (41,1% против 25,4%); все в большей степени зависит от их инициативности, нежели от внешних обстоятельств (29,8% против 21,3%) [Прибыткова И.М., 2003, с.36].

Исследования, проведенные среди мигрантов-украинцев в Сибири показывают, что трудовые мигранты, психологически более устойчивы и воспринимают жизнь с более оптимистическими установками. Их отличает: рационализм выбора жизненных стратегий, согласованных с наличными и доступными социально-экономическими ресурсами; высокая мотивационная напряженность, позволяющая преодолевать значительные препятствия в использовании этих ресурсов; вовлеченность в предпринимательскую деятельность разного рода и масштаба; новые способы и стандарты поведения, гарантирующие успех на рынке труда.

В настоящее время у украинцев Сибири происходит трансформация этнического самосознания. Живущие в Сибири украинцы, вспоминают о своих корнях, восстанавливают связи с исторической родиной. Очень большое место в их самосознании занимает осознание себя как диа-

споры; возникают национальные общественные организации. Украина создает программы взаимодействия с мигрантами. Необходимость изучения новой системы ценностей украинского этноса, который занимает большое место в политэтническом сообществе Сибири, определяет перспективы дальнейшего исследования.

Примечания

Прибыткова И.М. Трудовая миграция населения Украины в условиях трансформации экономических и общественных отношений// Трудовая миграция в СНГ: социальные и экономические эффекты. - М., 2003. - С. 25-68

ТРАДИЦИИ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ СТАРООБРЯДЦЕВ УЙМОНСКОЙ ДОЛИНЫ

Русскому населению Уймонской долины Горного Алтая, вплоть до начала XX в. остававшемуся преимущественно старообрядческим, удалось приспособиться к жизни в условиях высокогорной долины с рискованным для земледелия климатом. Традиции земледелия, бытовавшие в Уймонской долине, представляют особый интерес как один из локальных вариантов адаптации русских земледельцев к природным условиям Сибири. Настоящая работа посвящена бытовавшим у уймонских старообрядцев сельскохозяйственным орудиям и способам первичной обработки зерна. Основным источником для исследования послужили полевые материалы автора, собранные в селах Усть-Коксинского района Республики Алтай в 2000, 2006 гг. Воспоминания наших информаторов позволяют составить лишь частично представление о земледельческих традициях начала XX в., более подробно освещена ситуация 1930-х – 1940-х гг.

Базовую роль в структуре хозяйства уймонцев уже с первой половины XIX в. стало играть скотоводство; и такая тенденция развития хозяйства сохраняется вплоть до настоящего времени. Однако старообрядцы приложили колоссальный труд и терпение, чтобы приспособить русский земледельческий опыт к суровому климату высокогорья. Выращивали рожь, ячмень, овес, пшеницу. Ячменная и овсяная крупа составляли основу питания. Из технических растений были распространены лен и конопля, получило развитие огородничество.

В 1850-е – 1860-е гг. в Уймонской долине наблюдались уже высокие урожаи зерновых, богатые крестьяне распахивали по 20 десятин. «Обитатели дер. Уймоны, – писал Риттер, – составляют прекрасную и сильную расу; они все раскольники и занимаются земледелием, рыболовством, звероловством и торговлей с телеутами... Они сеют рожь и ячмень, которые не каждый год созревают, потому что зимой снег бывает не выше двух футов и посев вымерзает; притом, падает иногда и среди лета не только на вершины гор, но и в глубокие долины» [Риттер, 1860, с. 299].

По мнению исследователей, хозяйство старообрядцев было адаптировано к природно-климатическим условиям Уймонской долины [Мамсик, 1989, с. 103]. И хотя земледелие в Уймонской долине не стало ведущей отраслью хозяйства, земледельческие технологии старообрядцев достигали достаточно высокого уровня.

Разнообразием отличался земледельческий инвентарь. Наши полевые материалы позволяют охарактеризовать соху, бытовавшую в Уймонской долине. Информаторы могут вспомнить, что соха была маленькой, деревянной, с острым металлическим лемехом, отвалкой, ручками. В соху чаще запрягали два коня. Пахать сохой было значительно тяжелее, чем плугом, она только бороздила и не отваливала пласта.

В конце 1920-х гг. на смену сохе пришли покупные железные плуги, которые были заменены более совершенной техникой в послевоенные годы. В плуг запрягали два – три коня при помощи веревочных тяжей, которые петельками соединяли с деревянным вальком. В работе участвовали два человека – плугарь шел за плугом, конями управлял ездок. Ездоками могли быть дети с 8 – 10 лет. В войну пахали на быках. До коллективизации плуг имелся почти в каждом хозяйстве, а те немногие, у кого его не было, брали плуг у односельчан и потом отработывали за него. На рубеже XX – XXI вв., как говорят местные жители, «нужда заставила» некоторых хозяев вновь возвратиться к плугу (ПМА – здесь и далее полевые материалы автора).

В начале XX в. в Уймонской долине бытовали самодельные деревянные рамочные бороны, с железными зубьями. Зубья, которые крепили под прямым углом к деревянным перекладинам на раме, ковали местные кузнецы. Бороны имели прямоугольную форму, некоторые наши информаторы «видали» деревянные бороны треугольной формы. На смену самодельным боронам пришли покупные железные, которые были заменены тракторными в послевоенные годы. Спереди к бороне был привязан валеk, который веревочными тяжами соединялся с хомутом. В борону запрягали одного коня, которого водили на поводу, или же конем правил ездок. «В ездоках» могли быть дети уже с 5 лет, бороны ставили подростков. В военные годы бороныли на коровах и быках.

Время сева определяли старики, в с. Верх-Уймон для этого наблюдали, когда сойдет снег с поляны, расположенной на одной из горok вблизи села. Ко дню Святого Николы (Миколы), 21 мая, все зерновые культуры должны были быть посеяны. Чаще всего сеяли из специально разрезанного мешка с зашитыми краями. Одной рукой оттягивали мешок, другой разбрасывали зерно, пропуская его между пальцев. Такой мешок могли называть также лукошком. Использовали и берестяные лукошки: *«под послед не было мешков, берестины сделаешь, она легка все же, берестина»* (ПМА: М.Л. Захарова, 1920 г. р.). Сеяли также и из ведра. В предвоенные и военные годы стали появляться конные и тракторные сеялки. Сеять могли как мужчины, так и женщины, однако в военные годы сеяли женщины.

Жали хлеб серпом, также косили косой-литовкой, с деревянными граблями, сделанными из «тоненьких жердочек». Количество зубьев у таких грабель (3 – 6) колебалось в зависимости от силы работника, их прикрепляли к основанию косы с помощью винтов. При уборке косой с граблями хлеб ложился колосьями в одну сторону и отбрасывался ровными рядами.

Хлеба убирали также жнейками. Жали хлеб и на конных косилках с платформой-лобогрейкой. Работник длинными деревянными граблями набирал на нее скошенный хлеб, а затем сбрасывал на поле. В предвоенные, военные годы крестьяне продолжали убирать хлеб серпами, так как жнеек и косилок не хватало. *«Одна всего косилка была, когда скашивать не успевают, все вручную потом ходили»*, вспоминает У. М. Аргокова (ПМА: У. М. Аргокова, 1924 г. р).

Сноп состоял из нескольких горстей сжатого хлеба, связанных «вязкой». Вязку делали из разделенной надвое горсти поменьше, соединяя верхние концы (где колосья) этих двух частей и скручивая их. При уборке хлеба косилкой снопы вязали также вязками из осоки. Кучу укладывали из 10 снопов. Сначала ставили один сноп, следом другие два с боков, потом еще два – это называлось «пятерик», далее к пятерику добавляли еще снопы, и получалась «куча». Складывали снопы вершинами вместе, чтобы они не промокли в случае дождя. Кучи возили, когда застынет земля, на телегах, санях и скирдовали.

Кучи укладывали также в маленькие или большие суслоны. Суслоны «сваживали» в скирды. Из куч, состоящих из десяти снопов, «клади клали», делали «кладь в лежанку». Клади укладывали зимой, реже осенью, перед тем, как собирались молотить. В колхозах при уборке хлеба косилкой снопы могли складывать в кучки с произвольным количеством снопов, в зависимости от урожайности. Кучки в ночное время всей деревней «сваживали» в скирды.

Многие местные жители утверждают, что перед молотью хлеб в специальных помещениях не сушили, *«свалится он уже сухой в землю»* или *«лопатай опеть же сушили»*. Некоторые вспоминали о существовании овинов и риг, которые топили печами – каменками, просушенный хлеб затем молотили цепами.

Хлеб свозили молотить на токи или гумна, где расстилали снопы и молотили цепами или лошадьми. Токи (гумна) могли быть открытыми или крытыми, в зависимости от возможностей хозяина. Открытый ток осенью представлял собой утоптанную площадку земли. Зимой расчищенную площадку заливали водой, таким образом, получали ледяную поверхность, которую по краям отгораживали снегом. Крытый ток отличался наличием крыши, расположен он был рядом с ригой. Зажиточные крестьяне и середняки молотили зерно на закрытых токах; открытые токи большее распространение получили в колхозном хозяйстве. Если хлеба было небольшое количество, молотили также в палатках.

Молотили осенью или зимой вручную, топтанием снопов лошадьми и машинами – молотилками. Вручную работали железными цепами, которые продолжали использовать и в предвоенные годы. К деревянному черенку, который чаще делали из березы, привязывали или привинчивали цепь, состоящую из колец, изготовленных местными кузнецами. Реже использовали мотовило, состоявшее из двух палок (большой и меньшей),

связанных между собой. Лошадьми молотили следующим образом. Разрезали вязки, расстилали снопы на утоптанной земле или на льду. Две – четыре лошади привязывали друг к другу за хвосты, на одном коне сидел ездок-ребенок и (или) один человек понуждал коней. Кони ходили по кругу и протапывали зерно. Женщины переворачивали снопы, одна женщина следила за конями с лопатой, чтобы зерно не пропадало от нечистот животных. Зажиточными крестьянами, а позже в колхозах использовались машины – молотилки с конным приводом. Их называли также брызгалками, местные жители вспоминают, что первую «молотилочку – брызгалочку» привезли из Америки. Некоторые информаторы помнят молотилки другого типа – водяные «молотяги».

Над шестернями привода конной молотилки находился круглый деревянный полог, от которого отходили дышла, количество их варьировалось (обычно 3 – 4), в каждое дышло запрягали пару коней. Лошадей запрягали в хомуты, повода привязывали за следующее дышло. На полке стоял человек и подгонял коней кнутом, такая работа была опасной, так как коногона, если он провалится, могло покалечить. У самой молотилки два человека разрезали вязки снопов, а машинист растрясал снопы и подавал их в барабан машины. В молотилке происходила первичная очистка, отделялась солома. Для того чтобы отгребать зерно, отводили одного человека. В начале XX в. машины – молотилки в единичных экземплярах использовались зажиточными крестьянами. В колхозах они начали появляться *«где-то в 39-м»*, на конных молотилках работали во время войны. В предвоенные годы еще продолжали молотить хлеб вручную и лошадьми: *«Ни молотилок, ничо не было. Отбивали, то цепями которы, кто чем может, конями топтали. Уже в 39 – м я захватила маленько, еще были цепи»* (ПМА:У. М. Аргокова, 1924 г. р.).

Веяли на ветру при помощи легкой деревянной (кедровой) лопаты, *«лопатку вот бросали все»*. На ветер могли также ставить деревянные пудовки (пудешки) с зерном. После веяния на ветру подсевали на решетке диаметром около полутора метров, с волосяной или плетеной из проволоки сеткой. Размер ячейки решета подбирали так, чтобы *«зерно не выходило, а трава проваливалась»*. Решето подвешивали на высоту, которая зависела от роста вращающего решето. Вращение совершали так, чтобы мусор собирался отдельной кучкой, которую работник сгребал и отбрасывал, после чего продолжал вращать решето. Таким делом занимался, как правило, опытный старик, *«это уже специалист»*, так как *«уметь надо»* соответствующим образом «скружить» мусор. В 1930-е годы нередко для веяния использовали ручные веялки, которые в военные годы преимущественно пришли на смену традиционным способам веяния. Основными частями веялки были барабан, клавиши и три решета – на первом задерживался крупный мусор, на втором – зерно, на третьем – мелкий мусор (семена, сурепка). За ручку веялки с трудом крутили два человека, решета тряслись и зерно очищалось.

Приведенные материалы указывают на замедленное развитие в Уймонской долине сельскохозяйственных орудий и техники. Если в Европейской части России первые сельскохозяйственные машины начинали появляться во второй половине XIX в., то окончательное распространение подобной техники в достаточном количестве в Уймонской долине наши информаторы зачастую относят к предвоенному и военному времени. При этом в памяти местных жителей сохранились представления о более высоком уровне оснащения сельскохозяйственными машинами в первые десятилетия XX в. и более качественных хозяйственных построек зажиточных крестьянских хозяйств по сравнению с колхозами 1930-х – 1940-х годов. В колхозном хозяйстве вплоть до второй половины XX в. еще бытовали традиционные орудия и способы первичной обработки зерна.

Примечания

Риттер К. Землеведение Азии. – Т. 3. – СПб, 1860. – С. 299.

СОДЕРЖАНИЕ

ВОПРОСЫ МЕТОДИКИ И ОРГАНИЗАЦИИ ИССЛЕДОВАНИЙ

<i>Бородовский А.П.</i>	
ПРОБЛЕМЫ ТИПОЛОГИИ И КЛАССИФИКАЦИИ ПРЕДМЕТОВ ВООРУЖЕНИЯ ИЗ ОРГАНИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛЛОВ	4
<i>Глушкова Т.Н.</i>	
ПРОБЛЕМЫ В ИЗУЧЕНИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ТЕКСТИЛЯ	9
<i>Волков П.В.</i>	
НАБЛЮДЕНИЯ ЗА ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫМИ ПЛОЩАДКАМИ ПО РАСЩЕПЛЕНИЮ КАМНЯ	14
<i>Деревянко А.П., Молодин В.И., Худяков Ю.С., Лбова Л.В., Войтишек Е.Э., Скобелев С.Г.</i>	
ПЕРВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ СОВМЕСТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИАЭТ СО РАН И НГУ В РАМКАХ АНАЛИТИЧЕСКОЙ ЦЕЛЕВОЙ ПРОГРАММЫ ФЕДЕ- РАЛЬНОГО АГЕНТСТВА ПО ОБРАЗОВАНИЮ «РАЗВИТИЕ НАУЧНОГО ПОТЕНЦИАЛА ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ (2006–2008 годы)»	17
<i>Майничева А.Ю., Мыльников В.П., Ревуцкая Г.К.</i>	
НАУЧНО-РЕСТАВРАЦИОННЫЕ РАБОТЫ В МУЗЕЙНОМ КОМПЛЕКСЕ ИАЭТ СО РАН	23
<i>Новикова О.И.</i>	
КУЛЬТОВЫЕ ОБЪЕКТЫ НА ПОСЕЛЕНИЯХ: ТЕРМИНОЛОГИЯ И ИДЕНТИФИКАЦИЯ	26
<i>Нохрина Т.И., Мыльникова Л.Н., Чемякина М.А.</i>	
ПРИЕМЫ АНАЛИЗА КАМЕННЫХ НАКОНЕЧНИКОВ СТРЕЛ	30
<i>Постнов А.В., Вергунов Е.Г.</i>	
ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ЭЛЕМЕНТОВ ГИС-ТЕХНОЛОГИЙ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ	34
<i>Табарев А.В., Гаврилова Е.А.</i>	
ЛОСОСЕВОЕ РЫБОЛОВСТВО В СЕВЕРНОЙ ПАЦИФИКЕ: КОМПЛЕКС ДАННЫХ И ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ	39

ЭТНОГРАФИЯ

<i>Антропов Е.В.</i>	
ЭВОЛЮЦИЯ СЕЛЬСКОГО ЭТНОЛОКАЛЬНОГО СООБЩЕСТВА ПОД ВОЗДЕЙСТВИЕМ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ (НА ПРИМЕРЕ ЧУВАШСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ ЧЕРБУСЫ В НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ)	44
<i>Бадмаев А.А.</i>	
К ВОПРОСУ О ПОВСЕДНЕВНОЙ ПИЩЕ БУРЯТ В XVIII ВЕКЕ	48
<i>Базлова М.В., Лысенко И.</i>	
МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ГОРОДАХ СФО (ПО МАТЕРИАЛАМ ЭКСПЕРТНОГО ОПРОСА В НОВОСИБИРСКЕ, КРАСНОЯРСКЕ И ТОМСКЕ)	52

Бауло А.В.	
НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ РУССКИХ ИЗДЕЛИЙ В ОБРЯДАХ ОБСКИХ УГРОВ	56
Блощицына М.В.	
ПОВСЕДНЕВНАЯ ПИЩА РУССКИХ МАСЛЯНИНСКОГО РАЙОНА НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОЛЕВОЙ ЭКСПЕДИЦИИ 2006 ГОДА)	60
Бурнаков В.А.	
О БОРЬБЕ С ХАКАССКИМ ШАМАНИЗМОМ В СОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ	64
Войтишек Е.Э., Ван Яоцян	
ИГРА МАЦЗЯН В КОНТЕКСТЕ КЛАССИЧЕСКОЙ КИТАЙСКОЙ ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	69
Волохина И.В., Коровушкин Д.Г., Крих А.А.	
ТРАНСФОРМАЦИИ ЭТНИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ УКРАИНЦЕВ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ КАК РЕЗУЛЬТАТ АДАПТАЦИИ К ПРОЖИВАНИЮ В ПОЛИЭТНИЧНОЙ СРЕДЕ	76
Галкина Т.Н.	
ИСТОРИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ О ПЕРВЫХ РУССКИХ ПОСЕЛЕНЦАХ НА ТЕРРИТОРИИ ТУВЫ (УРЯНХАЙСКОГО КРАЯ)	80
Гололобов Е.И.	
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЧЕЛОВЕКА И ПРИРОДЫ НА СЕВЕРЕ СИБИРИ (ИСТОРИКО-ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)	84
Голубкова О.В.	
ПТИЦА-ДУША: ОРНИТОМОРФНЫЕ ОБРАЗЫ В МИФОРИТУАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ ЮЖНЫХ КОМИ-ЗЫРЯН	88
Жизунова М.А.	
НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ СИБИРСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ	92
Зувев А.С.	
ОЦЕНОЧНОЕ ВОСПРИЯТИЕ РУССКИМИ ЧУКЧЕЙ И КОРЯКОВ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVII – XVIII ВЕК)	96
Ковальчук Ю.С.	
КОРЕЙСКИЕ МИССИОНЕРЫ В ЭТНИЧЕСКИХ ОБЩИНАХ КРАСНОЯРСКА И НОВОСИБИРСКА	102
Коровушкин Д.Г.	
РАССЕЛЕНИЕ И ЧИСЛЕННОСТЬ УКРАИНЦЕВ НА ТЕРРИТОРИИ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XXI ВЕКА)	106
Курилов В.Н., Майничева А.Ю.	
ПЛАНИРОВОЧНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РУССКИХ СЕЛЕНИЙ ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ XIX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ АБАЛАКСКОЙ ВОЛОСТИ ТОБОЛЬСКОГО ОКРУГА ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ)	112
Любимова Г.В.	
ЭСХАТОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СТАРООБРЯДЦЕВ САЯНО-АЛТАЯ	117
Люцидарская А.А.	
АМАНАТЫ В СИБИРИ	121
Мальцева О.В.	
ЛЕС В СИСТЕМЕ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ ГОРИНСКИХ НАНАЙЦЕВ (КОНЕЦ XIX–НАЧАЛО XXI ВЕКА)	125

Мягков Д.А.	
ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БАРАБИНСКИХ ТАТАР РАЙОНА УБИНСКОГО ОЗЕРА В 1870-Х – 1930-Х ГОДАХ	129
Николаев В.В.	
ТРАДИЦИОННАЯ РОДИЛЬНАЯ ОБРЯДНОСТЬ СЕВЕРНЫХ АЛТАЙЦЕВ	133
Октябрьская И.В., Тюменин А.И.	
КИТАЙСКАЯ МИГРАЦИЯ. ВЗГЛЯД ИЗ КНР И ИЗ РОССИИ.	138
Охотников А.Ю.	
ОБРАЗ ЭТНИЧЕСКОГО ТРУДОВОГО МИГРАНТА НА СТРАНИЦАХ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРЕССЫ (НА ПРИМЕРЕ НОВОСИБИРСКА)	142
Павлова Е.Ю.	
НАРОДНЫЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОМЫСЛЫ В СИСТЕМЕ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ПОЛИТИКИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И МЕСТНОЙ ВЛАСТИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ АЛТАЯ И ХАКАСИИ)	146
Пономоренко М.В., Октябрьская И.В.	
ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В МОДЕРНИЗАЦИИ ПРАЗДНИЧНОЙ КУЛЬТУРЫ МУСУЛЬМАН СИБИРИ	151
Попова Н.Г.	
ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ВЫБОР ПОВЕДЕНЧЕСКИХ СТРАТЕГИЙ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЙ В НОВОСИБИРСКЕ)	155
Самушкина Е.В.	
СИМВОЛИЗАЦИЯ РОДОВОГО ДВИЖЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ (КОНЕЦ XX–НАЧАЛО XXI ВЕКА)	160
Селезнев А.Г., Селезнева И.А.	
СВЯЩЕННЫЕ МАНУСКРИПТЫ: К ИЗУЧЕНИЮ КУЛЬТА СВЯТЫХ В СИБИРСКОМ ИСЛАМЕ	165
Фурсова Е.Ф.	
ХРИСТИАНСКАЯ СИМВОЛИКА В РУКОДЕЛИИ КРЕСТЬЯНОК ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА)	171
Цыденова Д.Ц.	
СУДЬБА В ТРАДИЦИОННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ АГИНСКИХ БУРЯТ	177
Шадт А.А., Гомеров И.Н., Обердирфер Л.И.	
МИГРАЦИЯ И МИГРАЦИОННОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО В СИБИРСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ	181
Шелудько А.А.	
УКРАИНСКИЕ МИГРАНТЫ В СИБИРИ В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА	184
Шитова Н.И.	
ТРАДИЦИИ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ СТАРООБРЯДЦЕВ УЙМОНСКОЙ ДОЛИНЫ	188

Научное издание

**ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ,
ЭТНОГРАФИИ, АНТРОПОЛОГИИ СИБИРИ
И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ**

ТОМ XII
часть II

Материалы Годовой сессии
Института археологии и этнографии СО РАН 2006 г.

Статьи публикуются в авторской редакции,
иллюстрации и таблицы соответствуют авторским оригиналам.

Технический редактор *Н.В. Третьякова*
Дизайнер обложки *А.А. Фурсенко*

Подписано к печати 04.12.2006 г. Бумага офсетная. Формат 60×90/16
Усл. печ. л. 12,2. Уч.-изд. л. 12,5. Тираж 300 экз. Заказ № 138.
Цена договорная.

Издательство Института археологии и этнографии СО РАН
Лицензия ИД № 04785 от 18.05.2001 г.
630090, Новосибирск, пр-т Академика Лаврентьева, 17.